

30 коп.

73413

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Следопыт

УРАЛЬСКИЙ

1
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА
ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

Д В Л О

Документальная повесть

Ю. ХАЗАНОВИЧ

Рисунки Н. Морса

ПРОЩАЙ, НИЖНИЙ!

Жарко догорало лето. Волга сильно обмелела, песчаные залысины местами достигали середины реки. Вода была грязно-зеленая, густая и ленивая. Только за кормой парохода и по бортам, где шлепали неустанные плиты, она бурлила весело, хорогодила, кудрявясь белой пеной.

Воздух раскалился, даже на палубе — ни ветерка. А в третьем классе было невыносимо душно и дымно — поистине хоть топор вешай. Внизу сильно стучала машина. Екатерине Логиновне чудилось, что это стучит у нее в висках, и она устало прикрывала глаза. А закрыв глаза, тотчас видела улочку, затянутую бурьяном, зыбкие, в три доски, тротуары; тихую Крестовоздвиженскую улицу на окраине Нижнего Новгорода, где прошло столько лет. Видела двухэтажный дом — темный от времени деревянный верх с окнами в резных наличниках и кирпично-красный приземистый первый этаж...

Кто знает, приведется ли еще когда побывать в Нижнем? Что ожидает в далеком Екатеринбурге? Шутка ли — сорваться с такой большой семьей с обжитого места! Верно ли ты сделал, Михаил Федорыч, бросив старое, насиженное гнездо?..

Михаил Федорович Давыдов служил приказчиком в мануфактурной лавке купца Бочкарева, а мечтал скопить денег и открыть соб-

ственное «дело». Пускай поначалу махонькое, нешумное, зато свое. А там с божьей помощью «дело» войдет в силу, подрастут Николай, Сергей, Александр, и, глядишь, появится в Нижнем солидная фирма — «Давыдов и сыновья». Сами себе хозяева. За товаром — в Москву с Николаем. Сами будут держать приказчиков. И если все пойдет хорошо, то годов этак через семь-восемь сложат каменный домишко: внизу лавка, а на втором этаже хозяйская квартира.

Нелегко на приказничье жалованье одеть и прокормить семью из десяти человек. И все-таки за несколько лет Михаилу Федоровичу удалось кое-что скопить. Правда, меньше, чем загадывал, но для «обзаведения» достаточно.

О своем намерении он рассказал приказчику Золотареву, которого считал наиболее порядочным среди друзей. Золотарев признался, что его тоже донимает та же мечта, что он тоже скопил подходящую сумму, и предложил открыть дело на паях.

Михаил Федорович обрадовался: вдвоем оно и легче, и как-то сподручней, и дело получится покрупней: меньше риску, что тебя кто-нибудь проглотит ненароком. А поскольку друг в друге у них сомнений не было, то ни к какому «кляузникам», — как Золо-

тарев называл юристов,—обращаться не стали, а все честь по чести сами обговорили между собой.

Пятый день февраля 1906 года был для Михаила Федоровича одним из самых счастливых в его жизни. С этого дня он ходил не на службу, а в собственную лавку...

Но однажды, майским утром, подойдя к лавке, Давыдов увидел на двери не тот замок, от которого у него и Золотарева были ключи. На лавке висел совсем другой замок. Михаил Федорович всполошился и, не дожидаясь компаньона, как назло опаздывавшего в этот день, побежал к нему домой. Чего только не передумал он за дорогу. Но того, что случилось на самом деле, угадать не мог.

Дверь открыла жена Золотарева, пощучья худая, с длинным ртом, набитым маленькими острыми зубами. Не дослушав его, она сказала, что тревожится Давыдов понапрасну, так как ни он, Давыдов, ни Золотарев не имеют к лавке никакого касательства. Лавка со всем содержимым принадлежит ей одной, о чем и прописано черным по белому в этой гербовой бумаге...

Давыдов пробежал глазами бумагу, с кото-

рой Золотарева, видимо, встречала его и которую не выпускала из рук. Там и вправду было написано все, что говорила эта шука.

— А я знать вас не знаю, и забудьте дорогу сюда и в мою лавку. А старый ключ можете оставить себе на добрую память.

Михаил Федорович, оттолкнув ее, бросился из прихожей в столовую. Золотарев пил чай. Блюдечко слегка дрогнуло в его руке. Давыдов схватил компаньона за грудки, поднял со стула. Чай выплеснулся Золотареву на черный жилет.

— Я городского позову! — остро вскричала жена.— Держите себя в рамках...

Лихорадочно сверкая глазами, Давыдов тряс компаньона, близко перед ним моталось бледное птичье лицо Золотарева с длинным горбатым носом.

— Как же это? Как ты мог? Это ж разбой!! Грабеж... Как же... — повторял Давыдов безголосо и отчаянно.

Золотарев изловчился, поставил блюдце и, словно клещами, сжал Михаилу Федоровичу руки,— откуда только в нем такая сила? Высвободившись, отошел к окну, обдернул жилет, сказал насмешливо и презрительно:

— Как да как? А ты не будь дурак...

Примерно то же, только по-другому, отвечали ему во всех присутственных местах, куда он обращался.

Да, Золотарев воспользовался тем, что они оформили свои отношения не по закону, а на «честном слове», да, Золотарев обманным путем переписал всю торговлю на имя жены... Но что сейчас поделаешь, чем поможешь? Как говорится, что взято, то и свято...

Так Михаил Федорович остался без дела, без денег и без службы. Купец Бочкарев, не очень умело изображая сочувствие, глубокомысленно заметил, что кому на роду написано быть приказчиком, видно, никогда не стать купцом, и добавил, что на место Давыдова уже взял человека...

Месяца два Михаил Федорович слонялся отчаявшийся, потерянный. Потом случайно на Нижегородской ярмарке встретил «положительного» человека из Екатеринбурга и в этот день вернулся домой повеселевший, решительный.

Они переедут в Екатеринбург, обоснуются не хуже, чем в Нижнем. Значит, богу так угодно и, может, именно там, на Урале, суждено сбиться заветной думке.

Екатерина Логиновна понимала, что Михаил Федорович решил бросить Нижний не только из-за позора — в конце концов не он первый, не он последний,— не только из-за того, что не мог отыскать стоящее место,— оно все равно нашлось бы в большом торговом городе. Была еще одна немаловажная причина: старший сын Николай...

СТАРШИЙ СЫН

Ранним утром, как только ушла акушерка, Михаил Федорович на цыпочках зашел в спальню, взял бледную слабую руку жены в свои руки и проникновенно, тихо сказал: «Спасибо за сына и господу и тебе, дорогая Екатерина Логиновна...»

На другой день он купил записную книжку, вывел черными чернилами: «Памятная книга Михаила Федорова Давыдова» и сделал первую запись: «1890 года, мая 4 дня в 3 часа 25 минут родился сын Николай...»

Потом появились на свет Зинаида, Сергей, Александр, а в прошлом году восьмая—Нина. Но, пожалуй, больше других детей он любил Николая. Глядя на него, Михаил Федорович словно рассматривал свою карточку мальчишеской давности: худощавое лицо, большие, слегка нависшие черные глаза, открытый лоб, мягкие русые волосы, добрый, чуть припухлый рот. И в то же время в Николае было что-то новое, свое. «Характернее он»,—с уважением отмечал отец. Михаил Федорович признавался себе, что был бесшабашным, легкомысленным мальчонкой, а в Николае—откуда что берется—рядом с детскостью какая-то степенность, озорство и почти взрослая задумчивость, мальчишеская говорливость и замкнутость, скрытность...

Образование Михаила Федоровича закончилось в приходской школе. А сын учился в городском училище. Учился с охотой, прилежно и легко.

— Грамотей растет,—с веселой гордостью говорил жене Михаил Федорович.—Подмога...

Он надеялся, что сыновья изберут его жизненную тропку. Первым выйдет на нее Николай. Сначала, как водится, в ученики, под отцовскую руку. Затем станет приказчиком...

В прошлом, 1905 году, когда Николаю исполнилось пятнадцать, Михаил Федорович взял его однажды в лавку: поря приохочивать к своему занятию старшего сына.

Николай не выказал ни малейшего удовольствия. Зато Сергей слезно упросился с ними. Все завлекло его в лавке—и отполированный руками аршин с медными наконечниками, и плоские куски различной материи, красиво уложенные на полках, и приказчики, наготове стоящие за прилавком, и даже покупатель.

А Николай поскучал недолго и исчез...

Вечером Михаил Федорович рассказал об этом жене.

— Отец лесник, и детишки пенькам молятся,—кажись, так говорят... А наш?

Екатерина Логиновна успокаивающе рассудила:

— Время разум дает. Чему научишь, тому и будет молиться...

Когда взбаламутился Нижний и по улицам с песнями, с красными флагами ходили рабочие, когда на площади говорили речи против царя, восстали сормовские и полиция стреляла в них,—в это страшное время Николай стал пропадать из дому.

Уйдет утром в училище—и точно в воду канет. Приходит поздним вечером или ночью. «Где был?»—«В училище».—«Занятия давно кончились».—«По городу с товарищем прошлись...»—«Нешто в такое время разгуливают?»—«А что?»—«Непорядки ведь...» Усмех-

нется, вроде знает что-то такое, чего ты не знаешь, и молчит.

Как-то соседка забежала сказать, что видела Николая. Вышагивают по мостовой работяги, поют во все горло: «Смело, товарищи, в ногу...» и он тут же, с ними...

— Пропадешь ведь,—со слезами сказала сыну Екатерина Логиновна.—Пожалел бы и себя, и нас...

— Если все будут так думать, ничего не добиться.

— А чего добиваться-то? Чего тебе надо?

— Чего всем надо, того и мне,—уклончиво ответил он.

— Ох, Николаша...

Когда случилось несчастье с «делом», Михаил Федорович выбился из сна, ходил по ночам, дымил папиросами. И как-то застучал Николая: все спят, а он при копилке—сам, видать, изладил—сидит над книжкой. На обложке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Книжка явно такая, что и тому, кто ее написал, и тому, кто напечатал, и даже тому, кто читает,—тюрьма...

— Мало напастей, хочешь петлю мне на шею?—гневно зашептал Михаил Федорович, размахивая книжкой перед лицом сына.

— А ты ни при чем...—Николай спокойно отобрал книжку и разглядел ее ладонью.

— Чтоб в моем доме не было больше этой пакости.

Николай молча спрятал книжку под подушку, лег и задул огонек копилки.

— Ушел из рук парень,—с горечью сказал Михаил Федорович жене.

— Так уж и ушел?—засомневалась Екатерина Логиновна.

— Ушел. Крепко, знать, прильнул к смутьянской компании...

В день отъезда в Екатеринбург Михаил Федорович говорил Екатерине Логиновне так, что бы и Николаю слышал:

— Конечно, сейчас по всей России такая же кутерьма да разброд. И все ж таки в Нижнем завсегда было полно смутьянов. Тут не жди спокойю. Один Севастьянов чего стоит. Забастовщик, бунтарь, про него и в газетах пишут. А наш сынок повадился в то логово. Шибко рано самостоятельным стал...

КЛЯТВА БЕЗ МЕЧЕЙ

«Самостоятельный...» Был бы он самостоятельным, остался бы в Нижнем. Езжайте себе, куда хотите, а я отсюда—никуда. Но какая может быть самостоятельность, если ты всего месяц назад кончил училище, если в руках никакого ремесла, а в кармане пусто? Вот и подчиняйся чужой воле, что скажут—то и делай, куда повезут—туда и езжай. Бросай товарища в беде.. Нет, будь он самостоятельным, ни за что бы не поехал...

С Ефимом Севастьяновым они учились с первого класса, но дружить начали только в прошлом году, когда Севастьяновы переехали на Крестовоздвиженскую.

По утрам Ефим поджидал Николая возле своего дома, из школы тоже шли вместе. Вместе играли в бабки, купались, ходили на пристань к рыбакам.

Ефим был сильный и миролюбивый парень. Поэтому Николай удивился, когда однажды, посреди игры, он предложил ребятам:

— Пошли Серафимку лупить.

Серафимку, сына лавочника Мошкова, торговавшего бакалеей на этой же улице, мальчишки не любили. Может, за то, что они не могли учиться в гимназии, а Серафимка был гимназистом, носил форму из мягкого серого сукна, сверкал золочеными пуговицами. Может, за то, что он всегда был какой-то чистенький и праздничный. А может, за привычку появляться на улице с полными карманами конфет.

Обычно он стоял неподалеку от лавки, смотрел, как играют мальчишки, и уминал одну конфету за другой. Серафимовы одноклассники старались не глядеть, как он ест. А босая малышня не сводила с него завистливых глаз и захлебывалась слюнями...

— Пошли,— с готовностью сказал Николай.

— Только по-божески,— вполголоса предупредил Ефим.— «Стеночку» ему устроим.

Ребята неторопливо, вразвалку двинулись к каменной лавке Мошкова. Поравнявшись с Серафимкой, они вдруг быстро выстроились в два ряда, лицом к лицу. Серафимка не успел и подумать об опасности, как очутился в этом живом коридоре.

В следующее мгновение началась «качка». Серафимку швыряло от стенки к стенке. Он подавился конфетой, закашлялся, и кто-то «заботливо» стукнул его меж лопаток. Когда же Серафимка запутался в собственных ногах и шлепнулся наземь, Ефим командовал: «Vsel!» Помог Серафимке подняться, отряхнул пыль с его локтей, ногой пододвинул к нему вывалившиеся из карманов конфеты.

Подбирая их суетливо, Серафимка скулил и грозился найти управу. А Ефим положил руку Николаю на плечо, направился с ним вдоль улицы.

— Я ведь тебя проверял,— сказал он, лукаво блеснув голубыми глазами.

— Как?

— Думал, пожалеешь Серафимку. А ты, едят тебя мухи, старался на совесть...

— Почему я должен его жалеть?

— Он — сын лавочника, ты — приказчика. Родня почти что...

Николай обиженно нахмурился.

— Родня... У Мошкова своя лавка, свои тысячи в железном шкафу, а мой чужие деньги считает...

— Ладно, не куксись,— примирительно сказал Ефим.— Сам-то ты парень что надо и не зазнаистый...

Все-таки неприятный, горьковатый осадок остался после этого разговора. А первая встреча с отцом Ефима, Кузьмой Ильичем Севастьяновым, еще больше расстроила Николая.

Кузьма Ильич придирчиво оглядел Николая, спросил:

— Чей?

— Давыдовых,— ответил за друга Ефим.

— Приказчика?

— Ага...

— Так...— процедил Кузьма Ильич.— Приказчиков сын, значит. И что ж, не брезгует он тобой, Ефимка?... Глаза его смотрели ясно и тепло, но в голосе слышалась такая ядовитая насмешка, что Николаю стало не по себе.

— Что ты, батя,— с жаром сказал Ефим.— Мы с ним во всем заодно.

— Едят тебя мухи! Так-таки и во всем?

— Во всем, во всем,— заверил Ефим.

«Вот откуда у Ефима эти «мухи»,— подумал Николай и неуместно улыбнулся.

Крепче стала дружба между Ефимом и Николаем. Появилось еще одно место, куда они стали ходить вдвоем,— железнодорожное депо, где работал Кузьма Ильич. Ефим был там своим человеком, знал, где что делается, и без передышки объяснял, показывал.

Николаю все здесь было в новинку, все интересно. И хотя Кузьма Ильич как-то упрекнул, что они «больно зачастили», что надо уроками заниматься, Николай звал и звал друга в депо.

— Прикипел ты,— одобрительно посмеивался Ефим.

Он мог рассказывать не только о системах паровозов, о «хворостях», из-за которых они попадают в депо, но и о рабочих, трудившихся здесь.

— Знаешь, какие это люди?— горячо доказывал Ефим.— Это самые верные, самые надежные люди. Ты только не того, не обижайся. А всякие там торговые — сплошная фальшь, обман. Живут, как пауки в банке...

По-настоящему Николай понял эти слова немного позднее, когда Золотарев «раздел» Давыдова. А тогда ему показалось, что Ефим говорит с чужого голоса. И все же признался Ефиму, что вчера отец затащил его в лавку.

— Приманивает. Хочет, чтоб я после училища — к нему.

— А ты?

— Сбежал я.

— Смотри! Выходит, ты молодец.— Ефим вдруг протянул руку.— Давай после училища в депо, а? Вместе. Прямо сейчас уговоримся и от слова — никуда. Друг дружку выручать, в беде не бросать, всегда во всем вместе. Идет?

Николай от неожиданности замешкался. Глаза у Ефима словно потемнели.

— Задний ход?

— Нет,— улыбнулся Николай.— Просто, я подумал.

— Скажи, какой обдумчивый.

Руки их звонко встретились на лету. Ефим, вспомнив о чем-то, стал шарить по карманам.

— Эх, досада, ножничка нету.

— Для чего тебе ножик?

— Кровь смешали бы. По всем правилам...

Ну ничего, и так будет крепко. Верно?

Николай кивнул радостно.

Они долго бродили в тот вечер, долго, до темноты, стояли возле Севастьяновского дома. Николай вплотную подошел к Ефиму.

— Мы тут про выручку с тобой... Так надо выполнять. По арифметике-то у тебя не того... А у меня она легко идет. Давай, подмогну.

Ефим весело ткнул его пальцем в пряжку.

— Смотри ты, чего удумал! Эта арифметика вот где у меня сидит...

ТАЙНЫ ЕФИМА СЕВАСТЬЯНОВА

Николай пришел в условленный час, чтобы порешать задачки, «пощелкать» примеры. Ефим встретил его в небольшом дворике, смущенный и озабоченный.

— Понимаешь, у отца именины сегодня, гости придут...

— Так давай в беседке.

— Ну, давай,— не очень охотно согласился Ефим.

Только уселись, раскрыли задачник, как в беседку вошел Кузьма Ильич в черном выходном костюме, в синей косоворотке с белыми пуговицами; щеки выбриты, усы подстрижены.

Николай и Ефим, будто по команде, поднялись. Он махнул рукой: сидите — и тоже присел на краешек скамейки. Взглянул на сына вопросительно и строго. Ефим поспешно сказал, что они будут заниматься и отсюда — никуда.

— Ну как, все еще заодно?

— После училища — вместе в депо, — объявил Ефим.

— Добро. — Кузьма Ильич слегка стиснул плечо Николая. — Чем больше будет рабочих, тем лучше... Ну, занимайтесь давайте.

Они успели решить всего два примера, как стали собираться гости. Ефим каждый раз отвлекался, выглядывал из беседки, иным выходил навстречу.

— Как же ты не знал, что у бати именины? — недовольно спросил Николай.

Ефим растерянно заморгал, но в следующую секунду рассмеялся:

— Откуда мне знать? Я у него на крестинах не бывал.

Смех смехом, а все-таки это странно: к именинам обычно готовятся не один день, и Ефим должен был знать. Странно и то, что идут одни мужики. Ну, Родион Иванович Никитин, сосед Николая, он действительно холостой, живет один во флигельке. Но неужто все холостые? Быть не может.

Никитина Кузьма Ильич почтительно встретил во дворе, повел в дом. Но Родион Иванович сначала заглянул в беседку. Поздоровался с каждым за руку, а Николаю подмигнул: «сосед». Должно быть, хороший человек этот Родион Иванович...

Гости — Николай насчитал их четырнадцать — были, наверно, в сборе, калитка больше не скрипела.

Двое из гостей — оба борсдэтые, один рыжий и лысый, другой черный, с зачесанными назад густыми волосами — попеременно курили около калитки. Сначала один стоит, покуривает. Потом другой сменяет его. Тоже курит и на улице поглядывает. Довольно-таки странно.

Стемнело. Николай захлопнул задачник, собрался уходить. Но Ефим запротестовал: все равно в дом он не пойдет, «нечего там делать», и не отпустил его. Опять загадка!

Из дома не слышалось ни звука. Только один раз донеслось. «Из-за острова...», и то негромко и ладно, совсем не так, как порт на именинах.

Часа через полтора или два — Ефим и Николай не успели даже вдвоём наговориться — начали расходиться гости. Уходили, как и являлись, по одиночке. Все на удивление твердые, тихие. Именинник проводил до калитки только Никитина, он уходил последним.

Родион Иванович обычной своей твердой походкой прошагал от крылечка до ворот, попрощался с мальчишками, которые стояли возле калитки, и снова подмигнул Николаю. А выйдя на улицу, вдруг закачался, его отнесло в сторону, ноги стали выписывать кранделя...

— Чудно, — изумился Николай.

— Что тебе чудно?

— Да все... Сроду не видал таких именин...

Как-то раз у Ефима вырвалось, что есть у него обида на своего бату. А стоило Николаю спросить, что за обида, он будто опомнился и перевел все на шутку: «Состариться хочешь раньше времени?»

Николай поинтересовался, какой смысл был Севастьяновым переезжать с Петровской улицы, которая в двух шагах от депо, на Крестовоздвиженскую, — ведь отсюда Кузьме Ильичу дальше ходить.

— Там было пятеро квартирантов, — объяснил Ефим, — а тут мы да хозяин. К тому же он глухой, как полено...

— А вам-то какая разница, глухой он или не глухой? — недоумевал Николай.

Ефим тряхнул светловолосой курчавой головой, залиvisto рассмеялся:

— Дотошный ты, однако. Когда-нибудь узнаешь, какая разница...

А теперь эти именины. Чего-то недоговаривает Ефим, таится, не доверяет ему...

РАЗГАДКА

В тот день Кузьме Ильичу нужно было в ночную смену, он отдыхал, и мальчишки снова расположились в беседке. На этот раз позанимались с толком: решили три задачи и пять примеров. Ефим так разохотился, что, когда стало темно, спросил, не принести ли лампу.

Николай не успел ответить. Загремела калитка. Тяжелые торопливые шаги глухо простучали в потемках по тихому дворику, гулко загрохотали на крылечке. Отрывисто стукнула дверь.

— Полиция... — шепнул Ефим.

С минуту он стоял посреди беседки, вскинув голову, не то прислушиваясь, не то соображая что-то. Потом легонько толкнул Николая: «Сиди, я сейчас», вмиг разулся и, не задев ни листочка, скользнул во двор.

По двору медленно прохаживался полицейский. В тишине побрякивала шашка.

Николай не шевелился, не дышал. Ефим долго не возвращался. Где же он? Почему не идет?

Появился Ефим, неожиданно, бесшумно. В руке держал что-то.

— Пошли. Тихонечко только. Тут есть ход...

Быстро, по-кошачьи осторожно Ефим обогнул беседку и, пригибаясь, шмыгнул к забору. Николай — за ним, чувствуя, как сердце то замирает, то бешено колотится.

Ефим бочком прошел вдоль забора и пошарил рукой. Николай увидел, как одна из досок без малейшего звука стала отгибаться.

— Ну, все, — облегченно выдохнул Ефим, когда они пересекли соседний двор и очутились на улице. — Давай к тебе.

Идя рядом с Николаем, касаясь локтем его локтя, он сказал тихо, глядя прямо перед собой:

— Если я дам тебе одну штуку, упрячешь? Чтоб никто не надыбал?

— Какую штуку? — так же тихо, не поворачивая головы, спросил Николай. Чутье подсказало ему, что это оружие.

Ефим не спеша оглянулся по сторонам,

— Книжки. Небольшая связочка...

— Ясно,— немного разочарованно ответил Николай.

— Только это не простые книжки. Понимаешь? Запрещенные они. Найдут такую штуковину — за решетку...

— Ясно,— отозвался Николай, радостно взволнованный доверием друга.

— Не бойшься? Смотри, если хоть чуточку,— не надо. Где-нибудь припряду.

— Давай,— нетерпеливо сказал Николай.

— Местечко надежное найдется?

— Сам черт не сыщет.

— Добро. Расстегни рубашку. Так. Бери. И застегнись. Ремень потуже...

Поражая друга своей предусмотрительностью, Ефим на ходу составил дальнейший план. У Родиона Ивановича тоже может сейчас идти обыск. Тогда во дворе торчит «кархангел» и заходить не стоит. Поэтому Николай проходит мимо своего дома, останавливается на углу. А Ефим заглядывает во двор и, если опасности нет, тихонько свистит.

Во флигельке, в окнах каморки, где жил Родион Иванович, было темно. Ефим подал условленный сигнал.

Когда, «определив» книжки, Николай вернулся, они отправились в конец улицы, ко рву, за которым начинался лес. Там Ефим и рассказал Николаю все-все, по-дружески открыто, начистоту...

Кузьма Ильич Севастьянов и все люди, которые ходят к нему,— борются против царя, за свободу. Они революционеры. Действуют скрытно. Собираются где придется. В лесу. У кого-нибудь дома. То вроде на именины, то еще на какой праздник... Конечно, Ефим не может ругаться, но ему кажется, что Родион Иванович всем этим заправляет в городе, а Кузьма Ильич — у себя в депо.

Должно быть, полиция что-то унюхала: полгода назад налетела ночью, обыскала весь дом и ушла ни с чем. А через несколько месяцев после обыска Ефим случайно нашел в подполье связку тоненьких книжек. Тайком прочитал одну, все до единого слова понял. Потом другую прочитал, потом третью...

Кузьма Ильич, понятно, не догадывался, что Ефим знает про эти книжки, тем более — читает их. А книжки менялись. Исчезали одни, появлялись другие — видно, ходили по рукам. Следы машинного масла на страницах говорили, в какие руки они попадали. Не догадывался Кузьма Ильич, что Ефиму известен и второй, потайной ход в подполье — со двора...

Вот Ефиму и обидно, что отец, умный человек, считает его сопляком и скрытничает от него. Но ничего, сегодня отец наконец-то все поймет. Книжки он спрятал очень укромно, но если их нашел Ефим, значит, могли найти и жандармы...

— Теперь не найдут,— сказал Николай с веселым и гордым чувством.

...Обыск ничего не дал. Севастьянова не тронули.

Когда Ефим пришел домой, мать наводила порядок, ворчала: «Ироды проклятушие!»

Сын и отец объяснились. Кузьма Ильич испугался было, узнав, что Ефим передал книжки Николаю. Но Ефим успокоил его. Севастьянов от души рассмеялся:

— Нелегальщина — у приказчика Давыдова! Здорово! Днем с фонарем не сыскать...

НА ПЛОЩАДИ

Выбежав из училища, они сразу попали в людской водоворот. Улицы затопил народ.

С круглых деревянных тумб, с заборов, со стен домов било в глаза одно и то же слово: «Манифест». Люди громко разговаривали. Ефим ловко нырнул в самую гущу, Николай следом, — и вот перед ними наспех, чуть косо наклеенный лист белой бумаги:

«Высочайший манифест
Божиею милостию МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая...

Взгляд бежит по строчкам. Где же главное? Ага, вот оно!..

Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы...

Призываем всех верных сынов России вспомнить свой долг перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле...»

— Пошли,— махнул рукой Ефим.— Видал, рабочие за жизнь борются; а для него это — «смута». «Тишины и мира» ему захотелось...

До Большой улицы было еще два квартала, а оттуда послышалась песня, и мальчишки припустили рысцой. Слов еще нельзя было разобрать. Песня доносилась издали, как рокотанье грома. Над домами, над деревьями, над всем городом гудел, перекатывался радостный, грозный, певучий гром...

По Большой улице тесным строем, шеренга к шеренге, шли рабочие. Шагали неторопливо, увесисто, по-хозяйски. Колонна за колонной. Шли целыми заводами.

— Сормовские идут! — крикнул кто-то в толпе.

Над людским бесконечным потоком пламени флаги. Они плескались, шумели на октябрьском ветру, горели на солнце. Флаги, флаги, — их столько, что, кажется, сам воздух над городом раскалился и пошел жаркими всполохами.

На тротуарах было тесно. Мальчишки с трудом протиснулись поближе к мостовой. Говорить от волнения они не могли. Только переглядывались.

Громкие, ширококрылые песни неслись над улицей.

Смело, товарищи, в ногу,

Духом окрепнем в борьбе...

Прошла колонна, удалилась песня, и вот над новой колонной гремит:

Ах ты, царь! Ах ты, царь!

Православный государь!

Царствуешь ты где же?

У себя в манеже!

А в стране хозяйка —

Пуля да нагайка...

И вдруг над песнями, над топотом ног, над гулом голосов прорвалось:

— Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!

В этот миг Ефим увидел отца.

— Дедо! — закричал он и заработал локтями.

Кузьма Ильич шагал в голове колонны. Вид у него был праздничный, гордый, хотя он был во всем рабочем. Рядом с ним черноволосый парень обеими руками высоко держал знамя на белом, некрашенном древке.

Ребята Кузьма Ильич заметил, когда они построились впереди. Он крикнул им:

— Шире шаг! — и на ходу обернулся.— А ну, Федор, затягивай.

Молодой, сильный голос начал:

Отречемся от старого мира!

Отряхнем его прах с наших ног!

И враз множество голосов подхватило:

Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог...

На площади у Николая дух захватило: никогда еще не видел он столько народу. Похоже, здесь был весь Нижний. Стояли грудно, плечо к плечу. Солнце припекало. Люди принесли с собой запах железа, пота, огня, машин.

— Вот это демонстрация! — толкая Николая острым локтем, почти кричал Ефим.— Высоко подняв голову, Кузьма Ильич торжественно огляделся.

— А жандармов ровно ветром сдуло. Попрыгались, черти...

— До поры попрыгались,— отозвался грубый, простуженный голос.

Кузьма Ильич положил руки ребятам на плечи, кивнул на длинное здание с колоннами.

— А вот это, хлопцы, дом самого губернатора. Запоминайте, где начальство обитает. Может, согонится.

— Небось, все окна и двери позапечатал. От свободы-то...— послышался чей-то насмешливый голос.

— Не беда, и через двойные рамы услышит,— засмеялся Кузьма Ильич.— Свобода, она такая...

— Товарищи!..— разнеслось над площадью.

Над бескрайним людским разливом, посреди полыхающих знамен стоял Родион Иванович в своей старой студенческой куртке; она была распахнута.

— Родион говорить будет,— сказал кто-то поблизости.

— Тише...

— Товарищи! — заговорил Родион Ивано-

вич.— Царь объявил свободу... Не подумайте, что он сделал это от души, от чистого сердца, заботясь о вас, о вашей жизни. Как бы не так! Царь испугался гнева народного и решил притушить этот справедливый гнев. У самодержавца не было другого выхода. Но не надейтесь на эту куцую свободу, товарищи, она недолговечная. Свободу, которая нужна народу, истинную свободу мы добудем сами.

Родион Иванович призывал свергнуть царя, взять власть в свои руки. Николай пожалел, что царь так далеко отсюда, где-то в Петербурге. Ему казалось: будь Николай Второй здесь, в Нижнем, эти люди сейчас же лишили бы его власти...

КАМОРКА ВО ФЛИГЕЛЕ

Вечером мальчишки долго не шли домой. Вспоминали необычный этот день, ждали, когда придет Родион Иванович, им хотелось убедиться, что с ним ничего не случилось.

Он появился не скоро, на улице было уже совсем темно. Заметил их, зავвал к себе.

Во флигеле было две низенькие, тесные ка-

морки. В одной жила тетя Фрося, прачка, в другой — Родион Иванович. Два окошка завешены линялой цветастой материей, деревянная полочка с книгами, простой стол без скатерти, узкая железная кровать, три табурета, — вот и все.

Хозяин усадил их, бросил на кровать студенческую куртку.

— В городе были сегодня? Ну-ка, рассказывайте, что видели, что поняли...

Они рассказывали, перебивая друг друга и волнуясь. А он слушал, оглаживая бритый широкий подбородок, поглядывая на них то серьезно, то усмешливо жмуря большие зеленоватые глаза.

— Что ж, — сказал он, кивком откидывая назад светлые волосы, — увидели вы многое. Правильно увидели. И соображение у вас имеется... Это очень приятно. А угостить мне вас нечем. Вот разве воблой...

Он со стуком положил на стол связку сухой воблы, оторвал рыбешку и стал бить ею о край стола.

— Вот так ее... Колотите, ребята, не стесняйтесь. Чудесная штука, кто понимает.

Потом завел речь о Волге, о крае вольнолюбивых, гордых людей. В тесной каморке забушевала, зашумела волжская вольница Степана Разина, грозно вспыхивали отблески огня над помещичьими усадьбами. И, точно перекликаясь с тем далеким пламенем, загоралось красное полотнище, которое сормовцы пронесли на знаменитой маевке 1902 года. Лихо цокали копыта, храпели вздыбленные кони, тесня демонстрантов; знамя падало, угасало и снова разгоралось над головами людей...

— Пожалуй, расскажу вам об одном волгаре. С умыслом расскажу. Если вам захочется стать такими, как этот человек, будет очень отрудно. Что касается меня, то я благодарен судьбе, что она забросила меня сюда, свела с ним. Я учился у него, хотя ему было девятнадцать, а мне двадцать шесть. Весь прошлый год работали вместе. Один год. Но для меня это — на всю жизнь. И сейчас учусь. Всякий раз прикидываю, как бы он поступил, что бы сделал...

Я уже сказал, что ему было девятнадцать. К этому времени его трижды арестовывали. И каждый раз выпускали: взять такого опытного конспиратора не так-то просто.

Жил на окраине. Комнатка в нижнем этаже каменного дома. Как вам ее описать? — Родион Иванович оглядел каморку. — Обстановку эту роскошной не назовешь, верно? А там было еще бедней. Он рассказывал мне со смехом: соседи удивляются, судачат, что у него даже самовара нет, чай пьет из жестяного чайника... Просто ему некогда было думать об удобствах. Да и со средствами трудновато было. То, что зарабатывал, уходило не только на себя. Скажем, надо выпустить листовку, а партийных денег мало. Разве станешь тут считаться? Словом, кому самовар, а кому идея...

Я получал от него листовки. Эти листовки он часто сам писал, сам набирал, сам печатал где-то в подвале, в подпольной типографии, в другом конце города. Присидит ночь за печатным станком и под утро бредет домой. А днем надо выступить перед рабочими. Причем, не только выступить. Надо и организовать собрание, и придумать какую-нибудь хитрость, чтоб охранку обмануть.

Была у нас маевка на Волге. С утра лодки потянулись к тому берегу. Множество лодок.

Люди празднично одеты. Гармошки наигрывают. Никому и невдомек. Потом — сигнал, все быстро съезжаются в условленное место. Внушительная массовка получилась. Он произносит речь. Подъем необыкновенный... Но вот вдали замаячил казенный пароход. Новый сигнал — и лодки враспынную, кто куда; гулянье продолжается...

Или вот митинг на заводе, после смены. Летучий митинг. Неожиданно в проходных калитках получается затор, быстро скапливается громадная толпа рабочих. А его заранее провели на завод. Тут-то он и появляется и говорит. Пока давали знать в контору, пока раскачивалась стража, митинг уже кончился. Рабочие берут его в плотное кольцо и прорываются с ним прямо в ворота, минуя калитки...

А говорит он... Этого так просто не передать. У меня в кружке был токарь, передовой человек, даже стихи революционные сочинял. Он как-то сказал о нем: «Утром цветок раскрывается, чтоб росу вобрать. Вот так и душа раскрывается, когда его слушаешь...» Исключительно верно сказано... А зовут его Яков. Яков Свердлов. Запомните. Может, еще услышите его...

«ОДНА ДОРОГА — В ПРИКАЗЧИКИ...»

— Наконец-то пожаловал, ерой! — голос у Логина Петровича был речной, по-волжски широкий, перекатистый. От него даже позванивала посуда в горке.

Дед поднялся навстречу, огромный, могучий, с длинной апостольской бородой.

Прежде, когда он, бывало, приходил в гости, Николай радовался. А сейчас почему-то не испытывал этого чувства. Поздоровался и поспешил отойти: рядом с Логином Петровичем чувствовал себя угнетающе маленьким. И в комнате из-за него сделалось невыносимо тесно, неприятно...

— Что такое дошло до моего уха? — снова зарокотал дед, присаживаясь к столу. — В городе сказывают, по «закону божьему» кол отхватил. Правда это?

— Правду в городе сказывают, — подтвердил Николай.

— Смело, однако, разговариваешь, — дед круто свел мохнатые брови.

— Мы со своими родителями так не разговаривали, — поддержал отец.

— В безбожники надумал податься? Нынче много их развелось

— А вы, дедушка? Вы же не безбожник?

Логин Петрович настороженно и грозно поднял седую лохматую голову.

— А «закон божий» никогда не учили. Сами говорили. И святое писание прочитать не можете...

Дед кашлянул, стул под ним закрипел. Он посмотрел на дочь, на зятя, словно искал поддержки. Наконец нашелся:

— У меня вот где и закон божий, и святое писание, — он положил руку на грудь. — Вера у меня есть. А у вашего брата никакой веры... — Прикрывая свое замешательство, дед расшумелся. — Тебя учат, ты обязан знать. Как это «закон божий» не знать? Богохульство! Сегодня богохульник, завтра смутьян, а там и колодник...

— Что вы такое говорите, папана, — взмолилась Екатерина Логиновна. — Выучит он...

— То-то и есть, что впустую говорю. Кругом

аблокаты, заступники. А после волосы на себе рвут: «Откуда, мол, возросло этакое чадло?»

Расстроившись, дед резко подвинул свою чашку к самовару, — ударила толстая витая струя. Отец стал рассказывать, как привел сыновей в лавку, как Сергей «прилип», ровно муха к меду, а этот, то есть Николай, смотался. «Неинтересно», говорит..

— Ведь старший сын, — повернувшись к Николаю, продолжал Михаил Федорович негромко и как-то особенно задушевно. — Это понять надо: старший сын. Мой заединчик, единомышленник, значит, куда иголка — туда и нитка, вот как. Дочки что? Время приспелет, разлетятся, кто куда. А сыновья должны по отцовской дорожке...

У Николая даже взмок лоб, то ли от чая, то ли от мыслей. Ему стало жаль отца. Он понимал, что рушит его надежды, планы, что отцу будет тяжело, но иначе не мог...

— Не хочу я в приказчики, — сказал Николай с таким видом, словно ступал в ледяную воду.

— Куда ж ты схотел? Может, в губернаторы? — Дед смотрел исподлобья недобрый взглядом.

На такие слова не стоило и отвечать. Еще недавно Николай восхищался своим дедом. Все нравилось в нем — и богатырский рост, и могучая сила, и дремучая борода. Нравилось, что по всей Волге знают отменного маляра Логина Петровича Майорова. Но к восхищению теперь примешалось совсем другое чувство.

Крепко выпивши, дед заводил одну и ту же песню: «Кто есть такой Логин Майоров? Маляр-мазила, пароходы красит. А дочерей-то как определил? Все — за дельными, благородными людьми. И кто им, этим людям, Логин Майоров? Тесть. Знатно!»

Он хвастался тем, что всех четырех дочерей, в том числе и маму, Екатерину Логиновну, выдал за приказчиков. Нашел, чем хвастаться! Подумавшись, знатность! А в том, как он говорил о себе, рабочем человеке, было что-то унижительное, отталкивающее. Приказчики — благородные люди, а он, рабочий, — кто? Это измена, самая настоящая измена! С тех пор, как Николай понял это, дед потускнел в его глазах, а слова дедовы перестали иметь над ним прежнюю власть. Ишь, хватил: если не в приказчики, так только в губернаторы. Удалось бы ему хоть одну дочку «определить» за губернатора, вовсе угорел бы с радости. И они хотят, чтоб он, Николай, думал, как Логин Петрович...

— Выходит, не нравится тебе приказчицкая служба? — дед ехидно сузил глаза.

— Не нравится, — выдохнул Николай. — И название совсем неправильное — «приказчик».

— Это почему же? — заинтересовался отец.

— Приказчик. Вроде он должен приказывать. А на деле ему приказывают, он гнется перед всеми...

Несколько минут Михаил Федорович оскорбленно молчал.

— Слышала, мать? Вот какую птицу мы с тобой выкормили! — Он повернул голову к Николаю: — Где же собираешься летать?

Николай сказал, что хочет на завод, в рабочее. Отец горько усмехнулся:

— Высоко забираешь, нечего сказать...

Он долго говорил о «чистой» приказчицкой работе, о том, что шибко досадно, когда показываешь человеку дорогу, а он берет и сворачивает с нее, плутает, попадает в беду. Особенно до-

садно, если этот человек — твой сын, родная кровь...

Екатерина Логиновна, слушая, беспокойно поглядывала на мужа, на сына, и глаза у нее влажно заблестели. Дед осуждающе покачал седыми лохмами.

— Больно долго увещаешь. Одна ему дорога — в приказчики. И все тут. Не пойдет доброхотливо, потащишь. Не хочет коза на торг, а ее везут. Чего там рассусоливать! У него в голове еще не ум, а шум. Опосля сам спасибо скажет.

Дед поставил чашку вверх дном, положил на него оплывший кусочек сахара и тяжело поднялся. Михаил пошел его проводить.

Николай слышал, как в прихожей гремел дедов бас:

— Я со своими девками горя не знал. А ты с им хлебнешь...

РАЗГРОМ

Родион Иванович как в воду глядел: «свобода» была недолгой.

Темной декабрьской ночью полиция окружила флигелек во дворе на Крестовоздвиженской. Стучали в дверь сапогами, шашками.

Открыла тетя Фрося, сонная, встрепанная.

— Где Родион Никитин?

— Господи спаси, а мне-то как знать? Сусед он — и только...

Дверь в комнату «суседа» была незаперта, а его самого не оказалось. Хозяин, стоя в одном исподнем, беспрерывно крестился и бубнил, что жилец был справный, ни в чем таком незамеченный...

Вернувшись из школы, Николай прошмыгнул во флигель, в знакомую каморку. На кровати — голый полосатый тюфяк, на полочке, в простенке между окнами, — ни одной книжки. Как будто никогда и не жил здесь Родион Иванович. Только в железной пепельнице — тонкая недокуренная папироса. Его папироса. Николай потрогал ее, и у него так сдвинуло в горле, что он выбежал из пустой комнаты...

На другой день по всему Нижнему разнеслось: в Канавино, в Сормове — восстание. Рабочие поднялись с оружием. Восстали железнодорожники. Ефим сказал, что Кузьма Ильич, избегая полиции, не ночует дома.

В городе по ночам было светло от пожаров. Над Сормовым небо тоже занималось тревожными всполохами. Конная полиция рыскала по улицам.

Михаил Федорович жаловался матери: упала торговля, того и гляди, дымом все уйдет...

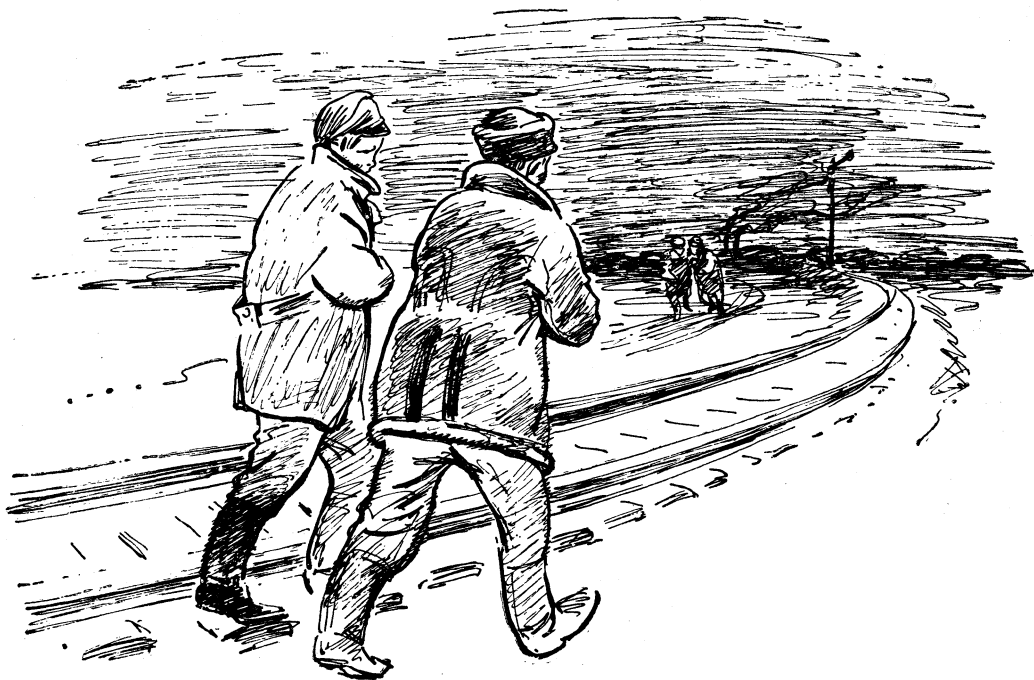
«И пускай бы все они, купчины, дымом изошли!» — думал Николай.

Горше всего было, что события эти отец называл «непорядками». Ведь именно так о действиях рабочих говорили царские прислужники. Сколько нужно силы, выдержки, чтоб слышать такие слова и держать язык за зубами...

В один из этих декабрьских дней Кузьма Ильич вызвал в депо сына, дал задание: вечером сходить в Сормово к тетке Дарье Ильиничне и передать записку ее квартиранту товарищу Павлу. Записку пускай мать аккуратненько вошьет куда-нибудь в шубейку.

Ефим спросил, можно ли пойти с Николаем Давыдовым. Отец задумался на минуту.

— Ну что ж, валяйте, едят вас мухи. Если то-

варищ Павел что передаст — листовки, скажем, — спрячьте сначала у Давыдовых...

Темный морозный вечер. На полотне железной дороги маячат сгорбленные от холода фигуры мальчишек. Чернеют рельсы, словно два стремительных ручейка, пробившихся в снегу. Кругом снежная пустыня, впереди мрак. Ни души. Странновато. Но ведь страшно было и Якову Свердлову, о котором рассказывал Родион Иванович. А он все-таки шел...

Откуда-то донеслись неясные голоса. Хотелось остановиться, осмотреться. Но нельзя. Надо идти спокойно, не сбавляя шаг, как ни в чем не бывало.

На дороге, что тянется вдоль полотна, уже можно разглядеть двух человек. Они движутся навстречу, орут громкими хмельными голосами. Может, с пьяных глаз не заметят? Может, за своей песней не услышат, как скрипит снег на полотне?

— Ишь, шляются всякие... Книжки, небось, носят... Народ мутят, — угрожающе несет с дороги. — Вот поймать, да шкуру спустить...

Николай быстро нагнулся, поднял с полотна камень, приостановился. Но Ефим сильно дернул за рукав. И опять они идут ровным, уверенным шагом. Лишь когда позади опять загорланили пьяные голоса, Николай выбросил камень.

В поселке они чуть не напоролись на конный разезд полиции, но вовремя юркнули в темную улочку. Ефим шнырял по запутанным сормовским переулкам, как по своему двору.

Недалеке от черной притихшей громадины завода, поперек улицы громоздились бревна, какие-то ящики, туго набитые мешки, поваленные столбы, похожие в потемках на стволы пушек. Чуть поодаль горел костер, вокруг него сновали люди.

— Это ж баррикада! — догадался Ефим. Кругом было темно и тихо, Поселок будто за-

таился, решившись на что-то большое, опасное.

Дарья Ильинична ничуть не удивилась, увидав племянника, лишь спросила, не застыл ли. Потом взглянула на Николая. Ефим сказал: «свой человек» и шепнул, что должен повидать товарища Павла. Тетка кивнула и тихонько постучала во внутреннюю дверь.

Из горницы вышел невысокий, стройный человек в очках, в сером поношенном пиджаке поверх косоворотки. Светлые волосы зачесаны набок, на щеках, на подбородке курчавится рыжеватая мягкая щетина.

— Кого я вижу! Мои друзья! — Протянув руки, он шагнул вперед.

Только по голосу Николай узнал человека, радостно вскрикнул:

— Родион Ива... — и словно подавился: человек приложил палец ко рту.

— Вас и не признать, товарищ Павел, — сказал Ефим, чтобы поправить положение.

— Это очень хорошо, — засмеялся Родион Иванович и повел их в свою комнату.

...Сормовцы бились четыре дня. На подмогу полиции и жандармам через Нижний в Сормово проехали казаки. Туда же провезли пушки. Николай и Ефим сидели на уроке, когда из Сормово донеслись залпы орудий. Мальчишки поняли: бьют по баррикадам.

А через два дня рабочие хоронили убитых товарищей. Под кладбищенскими березами и соснами собралось много людей.

Пошел снег. Люди стояли с обнаженными головами. За несколько минут все поседело. Когда возле свежерытой ямы поставили последний гроб, из толпы вынырнул товарищ Павел. Голова у него тоже казалась седой. Но не только от снега — от бинтов.

Он начал говорить. На кладбище было тихо, только вдовы чаще завсхлипывали.

Закончил словами песни, которую любил:

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны миллионам людей...

Николай посмотрел туда, где только что стоял товарищ Павел, и не увидел его. Решив, что это из-за слез, он вытер глаза кулаком. Но товарища Павла в самом деле уже не было.

Через три дня после похорон пришла из Сормова к брату Дарья Ильинична. Сообщила, что ночью в доме у нее был обыск, а квартиранта взяли. На другую ночь арестовали и Кузьму Ильинича...

Когда, закончив училище, Ефим пришел в депо, с ним даже не стали разговаривать. Ни начальник, ни даже мастер. Ткнулся на небольшой механический завод, и там не взяли сына председателя стачечного комитета Кузьмы Севастьянова...

— Все равно куда-нибудь пришибьюсь,— упрямо говорил Ефим.

Горько было Николаю уезжать из Нижнего, оставлять друга в беде. Более близкого человека у него не было. Родители и вся родня не в счет, они близкие по крови. А Ефим Севастьянов — душой, сердцем, всеми мыслями. И Николай чувствовал, что эта близость куда большая...

— А наш с тобой уговор того...— грустно покачал он головой, не глядя на Ефима.

— Не мы в том виноваты...

— Мать ходила в тюрьму?

— Дали вчера свидание. Тюрьма до отказа забита. Отец сказал: по всему видно, укупец его...

Ефим помолчал, сурово свел брови.

— Провожать на пристань не пойду, не обижайся. Черт их знает, может, они и приглядывают... Еще за тобой ниточка потянется. Да и мать не станет тебя корить дружком.

Он подал руку; в глазах его дрожал голубой печальный свет.

— Ну, прощай...— и быстро пошел по улице, сутулясь, будто от холода.

Но когда Николай, поднявшись по сходням на пароход, оглянулся, ему показалось, что на пристани, в толпе, мелькнула светловолосая курчавая голова. И теперь, на палубе, не закрывая глаз, он видел эту курчавую голову, видел удаляющуюся рослую, непривычно сутулую фигуру...

СВОЕЙ ДОРОГОЙ

В Екатеринбурге у Михаила Федоровича от прежнего уныния не осталось и следа. Екатеринбург — город как город, торговый дом Ижболдина — солидная фирма, жалованье против того, что было в Нижнем, увеличилось. Квартиру удалось снять хоть и не ахти какую, зато терпимую по цене.

Вполне возможно, за несколько лет удастся снова сколотить какую-то сумму и завести свое дельце. Да и с Николаем не все потеряно. В Нижнем сам дух беспокойный, бунтарский. Должно быть, кто-то затуманивал парню мозги, а на новом месте, среди новых людей сын одумается, поведет себя по-другому. В конце концов неужели он, родитель, не справится с мальчишкой, не сможет направить его на путь истинный!

Нужды в учениках у Ижболдина не было, но он пошел Михаилу Федоровичу навстречу и согласился взять его сына... Давая понять приказчи-

ку, что делает ему одолжение, хозяин заметил с покровительственной и самодовольной улыбкой: «Ежли прохудится городская плотина, учениками запружу реку Исеть».

Спустя неделю после приезда семьи из Нижнего Михаил Федорович объявил сыну, что завтра они пойдут в лавку «определяться», велел Екатерине Логиновне осмотреть сына, чтоб все было честь честью.

Николай не ответил.

— Почему молчишь?

— Не пойду я в лавку,— тихо проговорил Николай.— Я ведь уже сказал...

Михаил Федорович вскипел. Сколько трудов он положил, сколько слов извел, чтоб уговорить хозяина взять в ученики этого... (он так и не нашел определения) — и все понапрасну.

— Видали фон-барона! Он сказал! — кричал Михаил Федорович, разминая дрожащими пальцами папиросу.— Плевал я на твои речи! Слышишь? А не угодно в лавку, можешь на все четыре стороны. Живи, как знаешь!...

Екатерина Логиновна съежилась, с мольбой посмотрела на мужа.

— Завтра на завод иду,— негромко сказал Николай.— Берут меня...

— Какой еще завод?!

Николай чувствовал, что выигрывает бой, и отвечал твердо:

— Завод механический. Ятеса. Фамилия такая у хозяина. Понятно, это не Сормовский, но тоже большой завод. А берут меня в ученики слесаря.

— Иди, иди...— Михаил Федорович раздавил в пепельнице недокуренную папиросу.— Погорба-тишь двенадцать часов, получишь кукиш — узнаешь, почему фунт лиха, сам запросишься в лавку.

Прошел месяц. Николай возвращался с работы грязный и усталый. Руки у него зазубрели, покрылись ссадинами и царапинами. Екатерина Логиновна не могла без боли смотреть на его руки. Видно, сын отведал уже не один фунт лиха. Но в лавку все-таки не запрашивался. Охота, с какой он по утрам вскакивал и бежал на завод, не радовала Михаила Федоровича...

НАХОДКА

Слесаря, к которому приставили Николая, — Якова Павловича Прокопьева — в цехе уважительно называли Прокопичем. Кряжистый, лобастый человек лет сорока, серые глаза смотрят внимательно, сурово. Но лучшего учителя нельзя пожелать: и учит терпеливо, и разговаривает, как с равным. Вчера отчитал за милую душу, а когда мастер спросил про ученика, сказал — «ухватистый паренек»...

Прокопич удивлялся: как это приказчицкий сын подался в рабочие? Докапывался неназойливо, все ли в порядке в семье, родной ли он, и если родной, то почему все же не пошел отцовской дорожкой, — что ни говори, дело-то почище и, знать, подоходней...

И Николай рассказал ему все-все — об отце, о Логине Петровиче, о том, какой напор пришлось ему выдержать и в Нижнем, и здесь. Но особенно убедило Прокопича признание парня, вырвавшееся, как вздох:

— Может, это и неладно с моей стороны... Когда облапошили отца, мне и жаль его стало,

и легко на сердце сделалось: не буду купеческим сыночком.

Николай, в свою очередь, присматривался к Прокопичу. Но не замечал ничего, кроме того, что он строгий и справедливый человек. И вдруг — открытие.

Сосед по верстаку, Сенька Лямин, рыжеволосый парень с большими оттопыренными ушами, выйдя однажды за ворота вместе с Николаем, поинтересовался, как он осваивает слесарную науку, а потом сказал:

— Наставник у тебя добрый, да только того-этого... — он сделал рукой замысловатый жест.

— Непонятно говоришь.

— «Политик» он...

— Ну? — искренне удивился Николай и тут же непонимающе взглянул на Сеньку. — А это что — «политик»?

Сенька насмешливо гоготнул, перешел на шепот:

— Эх, теленок... Против царя, значит, он. Понял?

— Вот оно что!

«Хватило ума не горланить на всю улицу», — подумал Николай и обернулся к Сеньке:

— Он что, сам признался тебе?

Сенька не уловил иронии.

— Нешто в таком признаются? Знаем. Не был бы он таким мастерюгой, хозяин бы его давно по шее — и за ворота.

Больше всего в эту минуту Николай был озабочен тем, чтоб лопухий Сенька не заметил его радости.

— Слушай, — сказал он, останавливаясь. — А ты с ним не заодно? Признавайся!..

Сенька отшатнулся от него.

— Чего придумал! У меня своя башка на плечах. В кутузку пока не рвусь. Я ведь для чего... Еще опутает тебя, затянет...

— За это не беспокойся. Нас на мякине не проведешь. Бывай. Мне сюда... — и он свернул в незнакомую улицу, чтобы остаться одному.

Проходили дни, а Прокопич не «опутывал» его, и это было обидно. Самому в открытую подойти к нему боязно: замкнется, тогда все пропало.

Как-то была спешная работа. Прогудело на обед, но Прокопич сказал Николаю, что они пообедают после. В цехе стало тихо и пусто: кто вышел на волю, кто пристроился в конце пролета, за длинным столом.

Прокопич попросил дать ему тонкий напильник. Николай выдернул тяжелый ящик и обмер. Слева, на инструментах, белел лист бумаги. По верхнему краю напечатано высокими четкими буквами:

«Российская Социал-демократическая рабочая партия».

Ниже ясными буквами помельче:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А под призывом снова крупно:

«Чего хотят социал-демократы».

«Товарищи! Как живет народ в России? — читал Николай. — Миллионы крестьян терпят самую страшную нужду... Глаза его прыгали по строчкам. — А рабочие... едва зарабатывают на хлеб, ютятся в сырых, темных подвалах и конурах...»

— Николай, ты там нос не прищемил? — крикнул Прокопич.

Николай не мог оторваться. От волнения он читал по складам, как малограмотный.

— Глаза в руки возьми — быстрее найдешь, — торопил Прокопич.

Ничего не поделаешь! Николай перевернул листок, прочитал подпись: «Екатеринбургский комитет РСДРП, август 1906 года», нашел нужный напильник и задвинул ящик.

Прокопич прищурился:

— Ты чего такой? Ровно клад нашел...

— Там листовка, — прошептал Николай.

Прокопич оглянулся. Вблизи никого не было.

— Какая такая листовка?

— Ну... прокламация,— взволнованно, нетерпеливо сказал Николай.

Прокопич подошел к верстаку, как бы незначай глянул по сторонам и открыл ящик.

— Смотри-ка, в самом деле! — брови его взлетели.— Подкинул, знать, кто-то...

Острый холодок сомнения обжег Николая: может, Сенька наплел ему, а он развесил уши?

Опустив руки в ящик, Прокопич сложил листок вчетверо, быстро сунул его во внутренний карман куртки.

— Стало быть, доводилось читать такие штуки?

Николай увидел доверительно-теплый, улыбочивый блеск его глаз, вдруг все понял, весело засмеялся.

— Здорово вы меня... Ох, вы ж и хитрый, Яков Павлыч...

И тут же рассказал торопливо о Нижнем, о Сормове, о том, что не только читал листовки и нелегальные книжки, но и носил их, прятал на чердаке...

Словно забыв о спешной работе, Прокопич слушал, одобрительно поглядывая на парня. Смуглые щеки Николая пошли румяными пятнами.

— Я уж думал, в Екатеринбурге совсем тихо. А тут и комитет, и листовки...

Прокопич слегка насмешливо и ревниво улыбнулся.

— Есть, брат, все есть. Не меньше, поди, чем в Нижнем. Да нынче зажато все. Лютуют царевы опричники. А ты чего сразу мне не сказал?

— Не знал я вас.

— И то верно.

— Мне бы дочитать ее... Здорово написано,— осмелев, попросил Николай.

— Раз ты такой конспиратор, придется уважить. Но листовка, друг мой, тогда силу имеет, когда ее не один человек прочтает, а сотня, тысяча людей.

Николай вмиг понял Прокопича.

— Это ясно. Я бы смог, Яков Павлыч...

Перерыв на обед подходил к концу, люди тянулись к своим рабочим местам.

— Вот что, Николай,— совсем по-свойски сказал Прокопич.— Больно много тут ушей да глаз. Заходи сегодня вечером ко мне. Ломаевская, 23. Запомнил? Там про все и покалякаем.

КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

Он ел торопливо, как на вокзале.

Екатерина Логиновна с укоризной поглядывала на сына. Сегодня приготовила его любимое — пирог с капустой, а он и не заметил. Спроси у него сейчас, что было на обед,— наверняка не скажет...

В сущности, она видела сына лишь в эти короткие минуты. С завода чаще всего приходит поздно. Должно быть, после работы есть у него еще какие-то дела. Иногда прибежит после смены, как сегодня, смочет заводскую копоть, переоденется — и был таков. Но, даже когда не торопится никуда, все равно можно считать, что нет его дома: уткнется в книжку — и никого не видит, ничего не слышит...

Что за дела у него, Екатерина Логиновна не знала. Но была уверена, что это все же дела, а не гулянки. Не было случая, чтобы пришел навеселе,

не манят его, слава богу, ни бутылочка, ни папироска. Михаил Федорович, правда, говорит: чем политической заниматься, лучше бы уж выпивал. Тоже не резон, конечно...

Николай рассказывал ей о работе: научился делать то-то. Или: Прокопич похвалил. Мастер обещал похлопотать насчет прибавки. О других же делах — ни слова. И она не выспрашивала.

— Поздно придешь?

Он обнял ее худенькие плечи, прильнул к ней головой.

— Никак нет. Рано вернусь.

Но это были только успокоительные слова. От него почти ничего не зависело. Три версты туда, три обратно, да там не меньше часу, если не помешают... На ногу он легок, такое расстояние быстро одолел бы. Но, как сказал однажды Прокопич, ходить надо «с головой».

На улице можно и поднажать: в толпе затеяешься, никто на тебя не обратит внимания. Но когда кончится город и выйдешь на пустырь,— сбавляй прыть, шагай степенно, спокойно-ненько, вроде прогуливаешься или топашь за-благоверременно на свиданку. Иначе шпик, которых теперь всюду как собак, подумает: «Куда так поспешает рабочий паренек? Не на тайное ли сборище?» И увяжется за тобой. Тогда ты начнешь петлять лисой, заметать следы и, чтоб не притащить за собою «хвост», отмеришь в один конец все пять верст.

Словом, идешь — оглядывайся, говоришь — оглядывайся. Хорошо еще, думать можно без оглядки... Страшно неправильно устроена жизнь! Человек, который все-все делает на земле, без которого она была бы голой и дикой пустыней, сам ходит по этой земле с опаской, крадетсЯ, скрывается, как вор. А те, кто каждый день обворовывают его, топчут, угнетают,— те расхаживают в полный рост, хозяевами, никого не боятсЯ, ни от кого не прячутся...

Пересекая Вознесенский проспект, он взглянул на двухэтажный дом с мезонином и вспомнил рассказ Прокопича. В этом мезонине — Прокопич называл его «голубятенкой» — Яков Свердлов (здесь у него была кличка «товарищ Андрей») читал рабочим лекции, «просветлял мозги». Год назад, как раз в это самое время, он был в Екатеринбурге, ходил по этим улицам, выступал на Кафедральной площади, на заводе Ятеса, жил в поселке Верх-Исетского завода, может этой же дорогой — по Клубной — шагал на Каменные палатки...

Конечно, было бы смешно сравнивать себя с товарищем Андреем: он опытный революционер, а Николай всего лишь новичок, но все-таки есть что-то знаменательное в том, что они родились и выросли в одном городе, что из Нижнего попали не куда-нибудь, а именно в Екатеринбург, хотя в России столько городов! Жаль только, ему не привелось увидеть товарища Андрея. Охранке удалось упрятать его в тюрьму, и кто знает, когда он выйдет на волю...

Николай считал, что ему повезло: он попал в хороший город, сошелся с хорошими людьми. Прокопич. Как будто смиренный, неприметный человек, как будто живет особнячком. А от него ничтожки — к десяткам рабочих. Несколько раз собирались у него дома. Николаю понравилось, что жена Прокопича, Мария Кондратьевна, во всем заодно с мужем. Завешивая окна половиками, она вздохнула: «Ох, дожить бы, когда не надо будет прятаться!»

Петр Ермаков. Парень с Верх-Исетского завода, весь как дружина. Грамотешки у него не лишка, а душа неугомонная, бурливая. Или вот Сима. Окончила гимназию, могла бы стать учительницей, жить хоть и без шику, но горя не знаючи. А перебивается частными уроками, чтобы побольше времени выкроить для главного — для рабочих кружков, для русской революции.

Или товарищ «Семен»? Есть много разных специальностей, которым посвящают себя люди. Одни становятся слесарями, другие литейщиками, учителями, докторами, сталеплавильщиками... У «Семена» специальность — революционер. Все, чем он живет с утра до ночи, изо дня в день вот уже десять лет — это революция. А ему всего двадцать семь.

В Екатеринбурге он с середины этого года. Бежал из ссылки. В каждую минуту его могут взять. Но он, пожалуй, не думает об этом. Борьба, подполье, скитания, тюрьма, ссылка и опять борьба — другой жизнью он и не смог бы, наверно, жить...

Николаю хотелось быть таким же, как эти люди, жить, как они. Пока он главным образом орудовал листовками. Куда только с его помощью не залетали эти белые птицы! Они ловко пристраивались на заборах, на стенах домов, даже на доме полицмейстера, проникали в раскрытые окна казарм, в ящики верстаков, повисали на сучках в лесу, как раз в тех местах, где ходит народ, целой стаей вдруг шумно вспархивали с балкона, когда в зрительном зале гасло освещение. Но этого было мало, очень мало...

Николай мечтал о боевом, по-настоящему опасном деле. О таком, например, какое сотворили трое екатеринбургских парней, выкравших с рудничного склада четыре пуда динамита. Вот это отчаянные, удалые головушки!

Последние редкие домишки, небольшие, без единого деревца дворы. Клубная кончилась. За железнодорожной насыпью, слева — черные ветлы кладбищенских деревьев, а справа по желтому унылому пустырю выется неширокая тропка. Она ведет туда, где высокой зазубренной стеной темнеет сосновый лес.

Обойдя болото, от которого несло затхлой стоячей сыростью, Николай вошел в сквозную невысокую рожищу. В глубине рожи, привалясь к дереву, стоял широкоплечий дядька со шрамом на лбу; Николай видел его в литейке. Он курил.

— Который час?

— Звенит колокол, — негромко ответил Николай.

Дядька кивнул и затянулся махорочным дымом, а Николай почти побежал вперед. Всякий раз, когда он шел сюда, или в лес на Генеральских дачах, или на квартиру к какому-нибудь товарищу, или добирался на полуостров Гамаюн, его охватывало радостное нетерпение: скорей, скорей!

У самой опушки снова патруль — незнакомый парень в черном картузе с лакированным козырьком.

Каменные палатки. В Нижнем он не знал такого скрытного и одновременно такого прекрасного места. Посреди расступившихся сосен тяжело громоздится уступчатая, будто сложенная из округлых плит темно-серая гранитная горка. Она напоминает развалины древнего замка, и

наверно поэтому Николай постоянно испытывал здесь ощущение какой-то таинственности...

На поляне, вокруг каменных плит собралось уже много народу. Стояли небольшими группами. Рабочие железнодорожных мастерских, текстильщики с фабрики братьев Макаровых, верхисетцы с обожженными у огня лицами, металлисты с завода Ятеса.

Увидев издали Прокопича, Николай направился к нему.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Собрание вел товарищ «Семен», большой, немного сутулый, с черной копной вьющихся волос и пышными усами.

Едва он открыл собрание, вперед, с поднятой рукой, выбежал человек средних лет с очень красивыми женственными чертами.

— Прошу слова!

«Семен» скользнул взглядом по лицам товарищей: «Что поделаешь!» и сказал не то усталым, не то недовольным голосом:

— Товарищ Алехин, фабрика Макаровых. Алехин сорвал с головы изрядно помятую шляпу, сжал ее в кулаке, точно камень, и заговорил высоким задыхающимся голосом.

Николай с завистью подумал: как складно получается у человека! Слова, будто звеня в цепочке, пригнаны друг к дружке точно и крепко... Революция потерпела поражение. Разгром за разгромом. Царизм торжествует и свирепствует. Он пустил в ход все свои черные силы — военно-полевые суды, карательные экспедиции, тюрьмы и виселицы. Силы не равны. Революции сейчас не поднять головы...

Погоди, погоди, куда же он загибает, этот Алехин?.. Помышлять о новой революции — значит не видеть, не понимать того, что делается вокруг. Партию загнали в темное подполье. Что можно сделать в таком положении? Ничего. Только высунешь голову, ее отсекут. Надо беречь силы. Сопrotивление сейчас бессмысленно...

Николай беспокойно посмотрел на Прокопича, отыскал глазами Петра, Симу. Что же происходит? Если Алехин прав, то он, Николай, ничего, ровным счетом ничего не смыслит. Видно, так и есть, ведь все молчат. Неужели согласны с Алехиным? Что же это? Почему?

Наконец-то он нашел обнадеживающую приметку: усы у «Семена» топорщились. Они определенно воинственно топорщились. Почему же «Семен» молчит, не перебивает перепуганного балабона?

В этот момент, перекрывая задыхающийся голос оратора, грохнуло с разных сторон:

— Хватит!..

— Долой его!..

— До-лой!.. До-лой!..

Было похоже, что сдвинулись и стали валиться гранитные плиты Каменных палаток.

— Болотная жаба, — с сердцем сказал Прокопич и сплюнул под ноги.

— Хуже, — возмущенно проговорил Николай. — Он же против революции...

Алехин раскинул руки, подвигал плечами и, нахлобучив шляпу, отошел с видом: «Не хотите слушать, вам же будет хуже...»

— Трусость! Позорная трусость! — На поляну решительно вышел коренастый смуглый па-

рень в куртке ученика Горного училища. Забыв снять фуражку, он гневно потряс тугим кулаком:

— Трусость и малодушие!

«Правильно! Именно так!» — чуть было не крикнул Николай.

— Нам предлагают поднять руки, сдаться. Никогда! Это измена. Самая подлая измена. Самодержавие берет нас за горло? Ударим по рукам. Оно — репрессии? Мы должны ответить террором...

— Знакомый мотив, — перебил товарищ «Семен», и усы насмешливо дернулись.

— Знакомый, зато верный. Единственно верный, — огрызнулся горняк.

— Заткни ты свой граммофон, — пронеслось над головами.

— Тише, — «Семен» поднял руку, но шум не унимался.

— Симу!

— Сима пускай говорит!..

Она вышла вперед. Посреди высоченных сосен и каменных скал Сима выглядела совсем маленькой. Плюшевый жакет распахнут, под ним белоснежная кофточка, туго перехваченная в талии широким поясом, черный бант. Сима энергично подняла голову, щеки у нее зарумянились.

Николай заволновался так, словно говорить предстояло ему. Что она скажет? Как скажет? Ну что же она медлит?

— Я вспоминаю прошлогоднюю весну. Весну пятого года... — Голос у нее был грудной, невысокий. — Сплошные преследования, аресты, провалы. В Екатеринбурге, почти по всему Уралу организации обезглавлены. Но никто не сдался, не сложил оружие. Иногда оставался один человек, всего один. И он действовал, и организация снова поднималась...

Как может меняться человек! Когда на чьей-нибудь квартире Сима вела кружок и, опершись на спинку стула, стоя рассказывала о современном обществе, о политическом строе России или о революционном движении на Западе, — это была учительница. Всегда внешне спокойная, подтянутая, сосредоточенная. Даже манера — ставить вопрос и тут же отвечать на него — была чисто учительская. А на митингах, на собраниях появлялась совсем другая Сима. Оратор, вожак. Даже голос менялся. Грудной и чистый, он делался мужественно твердым, резковатым...

— Самодержавие нанесло нам тяжкие удары и нынешним летом. Каратели и погромщики занесли над нашими головами свою дубину. Но им все равно не запугать, не раздавить нас. А те, кому страшно, могут спрятаться. Только не толкайте нас на измену революции, народу...

Николай не сводил с нее глаз, ловил каждое слово. Она говорила, что революция жива, потому что живы люди, которые верны ее идеям. Нужно не выжидать лучших времен, а наступать, наступать на самодержавие... Но только не так, как предлагают социалисты-революционеры и анархисты. Даже гимназистам уже понятно: если убить пристава, губернатора или самого царя — ничего не изменится. За одну дурную царскую голову снимут с плеч сотни светлых голов...

Часто дыша, она достала из рукава тонкий кружевной платочек, приложила его к губам.

— Вот недавно трое анархистствующих молодых украли на руднике динамит...

Николай замер.

— ...Решили, наверно, пустить на воздух империю. Геройство? Отвага? Подвиг? — Она по-

чему-то взглянула на него, и глаза ее презрительно сузились. — Безрассудство...

У Николая запылали щеки. Он потупился.

— Безрассудство, — повторила Сима. — Подумайте: не принести революции ни капли пользы — и уйти на каторгу...

— Боевые дружины укреплять надо, а не динамит воровать, — Николай узнал голос Петра Ермакова.

— Непременно укреплять боевые дружины, — живо подхватила Сима. — Вовлекать народ в борьбу. Каждый достойный человек, которого мы подняли против царя, — наша победа.

Тревожный шепот пронесся над поляной. Сима умолкла, заслышав его. Будто ветер зашумел в вершинах сосен. Это десятки голосов повторили слово, с которым прибежал с опушки патруль:

— Полиция...

Сима досадливо махнула рукой, застегнула плюшевый жакет.

— Без паники, товарищи, — сказал негромко «Семен», но его услышали все. — Расходимся в разные стороны. О продолжении собрания вас известят...

Поляна быстро пустела. Только сейчас Николай заметил, что сумерки уже низко нависли над лесом. Это хорошо. За каких-нибудь полчаса станет совсем темно. Он огляделся, не зная еще, какое выбрать направление, и увидел Симу. Она стояла в сторонке, глядя вслед уходящим.

«Почему не уходит? — с тревогой подумал Николай. — Как же она одна?..» Но он не решился предложить ей идти вместе и медленно двинулся в ее сторону.

Сима окликнула его. Лицо у нее было серое, озабоченное.

— Когда собирается столько народу — на душе легко и боязно: успеют ли скрыться, если налетят коршуны? В мае они взяли здесь пятьдесят два человека... — Сима помолчала, потерла лоб. — Сорвали, мерзавцы, собрание. Что ж, пойдем. Благо темнеет быстро. Давай сюда...

Большая часть людей устремилась к озеру Шарташ, к Березовскому тракту. Николай разгадал курс, который выбрала Сима: пересечь лес и оказаться против Главного проспекта. Что ж, пожалуй, неплохо...

Шли молча. То и дело спотыкались о толстые, словно канаты, корни сосен. Узенькая тропка наконец-то вывела их на опушку. Стало светлее. И тут они одновременно увидели впереди небольшой отряд полицейских.

«Если повезет», — пронеслось в голове у Симы, — встречу тех, что в январе делали обыск...»

— Ну-ка, Давыдов, — тихо и командно сказала она, — будь кавалером. Бери меня под руку и говори...

Он понял, но какую-то секунду помедлил в нерешительности.

— Ну же, — тихо торопила Сима, не глядя на него. — Рассказывай. Веселое что-нибудь. Понимаешь?

Он взял ее под руку, неловко, выше локтя, глотнул воздух и сказал:

— Хотите, расскажу, как я тонул?

— Чудесно! — громко рассмеялась Сима. — Уже весело...

Удивляясь самому себе, Николай легко, без запинки стал рассказывать. Когда ему было лет

восемь или девять, у нижегородских мальчишек была игра: кто дольше просидит под водой. По счету «три», зажав пальцами ноздри и уши, уходили под воду, вернее, присаживались на корточки. И каждый раз Николай выскакивал раньше всех, наверно дыхание было короткое. Товарищи подтрунивали над ним, потешались. И он решил схитрить. Вместе со всеми нырнуть, потом, пока товарищи под водой, выскочить, набрать вдоволь воздуха — и обратно. А когда выскочит снова — первенство будет за ним...

Лешка Буслаев, по прозвищу Репей, выследил однажды Николая и разоблачил. Мальчишки зубоскалили, а Репей даже полез драться — за справедливость.

«Ладно, — сказал в отчаянии Николай, — пускай Репей следит, а мы все — под воду. Посмотрим...»

Так и сделали. Николай пробыл под водой дольше всех. Мальчишки просто ахнули. Сначала от удивления, потом от испуга — увидели пузыри. А затем подняли со дна своего товарища. Видимо, у него закружилась голова, он наглотался воды.

— С той поры не хитрю, — сказал Николай. — Дал себе зарок.

Сима смеялась как будто от души, но нарочито громко.

Навстречу грузно шел усатый и толстый полицейский. Пятеро других шествовали следом. Поравнявшись с Симой и Николаем, усатый остановился, загородив дорогу. Шесть пар глаз, пристальных, наглых, обшарили их с головы до ног.

Сима облегченно улыбнулась: «Ни одной знакомой рожи...»

— Что вам угодно, господа?

Полицейский крякнул и гулко, как из густой бочки, прогудел:

— В лесу никого не видели?

Сима удивленно повернулась к Николаю:

— Ты заметил кого-нибудь?

Не выпуская Симиной руки, он сделал большие глаза и отрицательно замотал головой.

— Где им увидеть... не до того... — засмеялся один полицейский. Ухмыльнулись и остальные.

Усатый тяжелым взглядом снова оцупал парочку. Девушка явно интеллигентного, благородного вида, а парень, похоже, заводской. Да чего не увидишь в нынешние-то времена!

Он опять гулко крякнул и, козырнув, затопал к лесу. Полицейские, все еще пересмеиваясь, последовали за ним.

— Пронесло, — сказал Николай и невольно ускорил шаг, но Сима сдержала его.

Она почему-то подумала, что есть девушки, и, наверно, их очень много, которые не делают вида, а по-настоящему вот в такое вечернее время прогуливаются с молодыми людьми. А ей никогда еще не приходилось. Да и как можно слоняться без цели, без дела — просто гулять? Впрочем, вероятно, можно...

Когда отошли на порядочное расстояние, Николай осторожно выпустил ее руку, сказал смущенно:

— Вы уж, Серафима Ивановна, извините. Намолол я сегодня...

— Что ты! Как раз все было очень кстати. Вообще ты, Давыдов, дельный человек.

Она сказала это вовсе не для красного словца. В организации его уже знали как смелого и находчивого распространителя листовок, нелегальной литературы. В кружке, который она вела среди рабочих завода Ятеса, он сразу обратил на себя ее внимание. Молчаливый и скромный, он, преодолевая почти ребячью застенчивость, забрасывал ее вопросами; на них всегда было интересно отвечать. Симе нравились такие люди, сдержанные, пытливые, с внутренним беспокойным огоньком. Иного пытаешься разжечь, и не получается: «сырой» изнутри. Здесь же только подкладывая «топливо»...

— Дельный... — повторил Николай грустно и насмешливо.

— Что, не согласен?

Он признался: еще по дороге на Каменные палатки завидовал молодцам, выкравшим динамит.

Сима засмеялась.

— Как же я ошиблась в тебе! Ты, оказываешься, самый обыкновенный анархист!

— Если бы все заодно, никакой бы путаницы не было,— сказал Николай.— А то не враз разберешься...

— Если бы... Да только так не бывает, дорогой товарищ... Обидно, недоспорили сегодня. Ведь, кажется, чего проще понять: выступишь один— раздавят, как козявку. Народ выступит, масса— горы свернет. Главное— народ поднять...

Вечер был прохладный и ясный. На западе, там, где дымил Верх-Исетский завод, небо все еще ярко полыхало.

По Главному проспекту с лесенкой на плече шел старичок-фонарщик, оставляя за собой редкие зажженные фонари. Появлялась гуляющая публика. Извозчики дерзко покрикивали на зазевавшихся пешеходов; отрывисто цокали копыта, высекая из бульжников искры.

— А «Что делать?» я уже прочитал, Серафима Ивановна.

— Понравилось?

— Особенно Рахметов. Вот человек! Прямо сказка...

— Почему сказка? У нас есть люди... Прекрасный Рахметов мог бы брать у них уроки мужества и стойкости.

Он понял: «у нас»— это значит в партии, в которой состоит Сима, Серафима Ивановна Деябина...

На узенькой и темной Усольцевской улице, возле невысоких, слегка покосившихся ворот Сима остановилась.

— Вот я и дома. Послезавтра на занятия, принесу тебе хорошую книгу, а завтра сходи на Тихвинскую, 12. Там живет Маруся Бычкова, гимназистка, славная девочка. Назовешься ей. Она уже знает. Получишь литературу...

— Понятно,— ответил Николай и подумал: «Вот тебе и гимназистка!»

Сима чуть откинула голову, словно смотрела на появившиеся звезды.

— Когда мы победим,— сказала она тихо и убежденно,— я обязательно напишу роман или пьесу: как мы жили, как боролись, как все это было. И обязательно выведу рабочего паренька, который вступает в борьбу, становится революционером, членом партии...

СЕКРЕТ

Не прошло и двух месяцев, как вспомнились Николаю эти слова. Они были для него точно предсказание. Зимним вечером, в лесу за Генеральской дачей, большевики завода Ятеса приняли Николая в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Ему не раз встречалось в книгах: «Летел, как на крыльях...» Но только сейчас он понял, что это не просто красивые слова, что бывают минуты, когда чувствуешь вдруг, словно у тебя крылья...

Партия. Это люди, много людей, которые борются за свободу, за справедливость. Самые преданные народу люди. Они всюду— в Екатеринбурге и Нижнем, в Москве и Петербурге, по всей России. Главное для них— революция; за нее, не думая, они положат свою жизнь. И он, Николай Давыдов,— член этой партии...

Он ввалился в дом озябший и не то счастливый, не то пьяный. Потирая синие заколеченные руки, ходил по комнатам; сегодня они по-

казались ему ужасно тесными и низенькими. Братья и сестры поглядывали на него изумленно. Подбежала Зинаида.

— А ну, дохни!

Он засмеялся и, выпятив полные губы, дохнул ей в самый нос.

— Тогда я знаю...— Зинаида подтянулась на носках, шепнула:— Влюбился, да?

— Угадала.

Сестра, прихлопывая ладонями, закружилась вокруг него.

— Я сразу заметила...— И надменно покосилась на малышей: видели, старший брат доверил мне свою тайну.

Мать усадила его «погреться чайком». Ни о чем, по обыкновению, не спрашивала. Пришел веселый— и слава богу. А отчего веселый— какая разница...

Михаил Федорович наконец оторвался от «Уральского края», критически посмотрел на сына.

— С чего бы такое телачье расположение?— Он знал, что Николай все равно не ответит, и загадя, в отместку пустил шпильку:— Может, в мастера произвели? Или еще выше?

— Выше...— Николай обжегся чаем, но глаза его по-прежнему весело смеялись.

Михаил Федорович обиженно уткнулся в газету, бросил:

— Добрые дела в секрете не держат.

С какой бы радостью он не секретничал от родителей, рассказал им обо всем, что происходит в его жизни, что произошло сегодня! Наверно, счастье его сделалось бы от этого еще полнее, больше. Но ведь они не поймут. Переполюшатся только и не поймут...

— Вон пишут, революционеры церковь ограбили.— Михаил Федорович из-за газеты взглянул строго на сына.— Это что же, на церковный счет революцию будут устраивать?

— Не революционеры это, а эсеры и анархисты,— выпалил Николай.— Налетчики...

— Нешто есть разница?— ядовито скривил рот Михаил Федорович.— Все революционеры...

— Одно название,— горячо возразил Николай.— Настоящие революционеры, если хочешь знать, разоружают этих молодцов.

Михаил Федорович опустил газету, недоуменно уставился на сына. Николай не отвел глаз, подумал с горечью:

«Чужой...»

И еще подумал, что он живет как бы двумя жизнями. Одна жизнь там, на заводе,— беспоконная, суматошная, настоящая; другая— тут, дома— стоячая и неглубокая, как пересохшая речка...

А Ефиму Севастьянову не пришлось бы прятаться. Наверно, и Серафима Ивановна не секретничала. Есть же на свете счастливы...

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

Собрание затянулось. Прокопич дважды ставил самовар. Чай заваривал покруче: все порядком устали. К тому же, усталость была не только сегодняшняя.

Последние два года были трудными и тревожными. Бесконечные аресты, полицейские погромы, неусыпная, назойливая слежка охраны. Сима отбывала ссылку в Вологодской губернии. «Семена» почти год продержали в тюрьме и на

три года угнали в ссылку в Архангельскую губернию. Почти все руководители Екатеринбургской организации были арестованы.

Но в глубоком томительном подполье все же шла работа. Приходили новые люди. Был среди них Леонид Вайнер, старый, несмотря на свои тридцать лет, подпольщик. За плечами у него была революционная работа на Лысьвенских рудниках, в Перми, Билимбае и Вятке. В 1908-м, после провала организации, он приехал в Екатеринбург.

Общительный, сердечный, прямой и деятельный, он быстро сошелся с уцелевшими здесь подпольщиками, быстро вошел в жизнь организации.

У Николая с Вайнером завязались теплые, дружеские отношения. Этот невысокий, скромный, временами даже стыдливый человек с бледным, немного удлинненным волевым лицом, — характером, поведением, всей жизнью напоминал ему и Симу, и товарища «Семена».

Техник по образованию, он, как и в Вятке, устроился наборщиком в типографию. Работа эта подтачивала и без того слабое его здоровье. Тяжелый кашель часто мучил его. Николай никогда не видел румянца на лице Леонида.

— Нельзя тебе в типографии, — озабоченно говорил ему Николай. — Свинец для легких — это яд...

— Совершенно верно, — улыбался Вайнер. — А для нашего дела этот свинец сейчас — все...

Медленно, кропотливо, неустанно накапливались силы для нового подъема. И вот его пора пришла. Горячая, беспокойно-радостная пора. Екатеринбургские большевики списывались с товарищами из Перми, Челябинска, Златоуста и других городов, связь с которыми разрушили бесконечные провалы. Готовили партийную конференцию, чтобы связать воедино все уральские организации.

Три месяца назад в Екатеринбург приехал товарищ «Семен». «Скрывшийся из места водворения», то есть бежавший из ссылки, он получил задание центра помочь уральцам провести конференцию. Вчера «Семен» вернулся из Уфы — последнего города, где проводил предвыборные нелегальные собрания. Многие делегаты уже съехались в Екатеринбург.

Март был на исходе. Еще и не пахло весной на Урале, а настроение у всех было весеннее: люди воспрянули духом после всех тягот и неудач.

«Семен», пожалуй, не изменился за эти два года. Время не тронуло шевелюру, прежними остались и усы. Вот разве сутулиться стал чуточку больше.

Расхаживая по комнате, «Семен» говорил: — В этом отношении в Екатеринбурге спокойно. Но там, где такого влияния нет, там меньшевики нагадили ужасно. Я столкнулся с плодами их пакотни: «Период реакции — пауза в развитии революции»... Да, а этот, как его... был здесь проповедник «паузы», он здравствует?..

— Алехин, — подсказал Николай Давыдов.

— Вот-вот, — усы у «Семена» вдруг ошетились.

Прокопич с улыбкой рассказал, что в прошлом году Алехина взяли. Просидел четыре месяца, с тех пор ни на одно собрание его калачом не заманишь...

— Душа коротка, — с пренебрежением ска-

зал «Семен». — Деятели! Тем лучше, воздух будет чище.

— Хорошо, хоть провокатором не стал, — заметил Николай.

— Из такой слизи даже провокаторы не получаются... — Он потрогал блестящий, словно лакированный, лист фикуса и снова повернулся к сидящим за столом: — И тем не менее, если вдруг такие ликвидаторские мелодии вылезут наружу, встретим их по достоинству. Поэтому предпоследний пункт, по-моему, надо оставить.

Леонид Вайнер придвинул к себе густо исписанный листок бумаги.

— Пробежим-ка еще разок всю повестку?

Но неожиданный приступ кашля, бурного, мучительного, сгорбил его и долго, нещадно бил. Наконец Вайнер отнял ото рта согнутую ладонь, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

— Вы нездоровы, — участливо и тревожно склонился над ним «Семен».

Николай принес воды.

— Выпей, она не холодная...

Вайнер открыл глаза, виновато поглядел на товарищей.

— Нет, нет, ничего... Уже прошло...

Боясь нового изнурительного приступа, он тихим голосом прочитал пункт за пунктом.

— Это, я думаю, и предложим конференции, — сказал «Семен». — Если других мнений нет, тогда все. Запомнили повестку? Отлично.

Он стал свертывать бумажку. Вайнер снял с самовара чайник и чиркнул спичкой. Желтое неторопливое пламя поползло по бумажной трубке, в комнате запахло горьким дымком.

Через минуту «Семен» бросил в самоварную трубу черный хрупкий обуглившийся остов бумажки. Но огонек успел лизнуть палец, и «Семен» по-детски потянул его в рот.

— Итак, вопросов больше нет? Нет. Расходимся благородно, товарищи...

Со стула в углу комнаты поднялся Семен Бахарев, коротконогий и кругленький, с розовощеким, всегда как будто сонным лицом и маленькими дремучими глазками, сидевшими так глубоко, что никто не смог бы сказать, какого они цвета.

— Ну, квартирант, пойдем? — обратился он к «Семену».

«Семен» остановился у него на квартире, в двух небольших кварталах от дома, где жил Прокопич.

— Ни в коем случае, — «Семен» выставил вперед ладони. — По одному. И не поленись, будь добр, сделать хотя бы маленький крюк. На сон грядущий это даже полезно...

— Хорошо, хорошо, не поленись, — скороговоркой заверил Бахарев и стал прощаться.

Вскоре ушел и «Семен».

Николаю Давыдову неохота было уходить. Никогда еще не испытывал он такого прилива сил, такого неудержимого, приятного волнения. Он понимал: то, что сделано, — только начало, что впереди огромная, утомительная работа. Наверняка будут еще и трудности, и неудачи. Но какое-то неистовое ликование переполняло его. Он стеснялся показать перед товарищами это свое настроение, прятал его, но бороться с ним не мог. И оно прорвалось. Стоя посреди комнаты, Николай прочитал на память, негромко и приподнято:

— «Миновала пора могильной реакции и

зарождается новая, быть может еще более могучая, чем предшествующая, волна народного революционного движения...» Эта листовка — вся, как песня, честное слово...

Вайнер смущенно потупился: он был автором этой листовки, выпущенной несколько дней назад.

Петр Ермаков, с разлохмаченной шевелюрой, громко смеясь, рассказал, как утром городской соскребал шашкой со стены эту листовку. Пыхтит, усердствует, а в десяти шагах, на заборе — такая же листовка, и люди взახлеб читают...

— Изголодались по такому слову, — заметил Прокопич.

— Товарищи, — Вайнер поднялся, утомленно щуря глаза. — Спать, между прочим, осталось часов пять, если не меньше...

Когда Николай остался вдвоем с Прокопичем, Яков Павлович усмехнулся:

— Сроду не угадаешь, что мне сейчас на память пришло. Сказать? Как ты в цех заявился. Тихонький такой, смиренный. Как я тебе проверку устроил. Не забыл? — Прокопич вдруг посерьезней, протянул руку. — Ну, бывай. Делов еще выше головы...

Выйдя на улицу, Николай по привычке осмотрелся и зашагал медленно, прислушиваясь. Как будто тихо кругом. Пусто на улице. В таких случаях всегда спокойнее, когда на улице, кроме тебя, — никого.

Дома все уже спали. Мать прикрутила лампу, оставила на печке ужин. Но есть не хотелось. Он скинул сапоги, прошелся по комнате. До полуночи оставалось около тридцати минут, но он сорвал сегодняшней листок календаря: пусть побыстрее начнется «завтра» — 29 марта 1909 года, день конференции.

Он разделся, погасил лампу. Надо все-таки постараться заснуть. Завтра нужна особенно свежая голова.

А Ефим Севастьянов так и не ответил ни на одно письмо. Что там с ним? Серафима Иванова... Где она, в какой тюрьме? Полтора года уже пролетело. Пролетело для тех, кто на воле. Здоровая ли? Эх, была бы она сейчас тут, в Екатеринбург!..

...Он не слышал, как стучали в дверь, как свирепо лаяла в сенях Арапка, как Екатерина Логиновна пошла отворять.

Едва она откинула крючок, дверь открылась, и квартира наполнилась ляганьем шашек, звонком шпор, громким топаньем сапог.

— Где ваш сын? — сморкаясь в надушенный платок, спросил ротмистр с закрученными вверх усами.

Екатерина Логиновна застегивала на груди блузку, тонкие пальцы ее одеревенели.

— У меня их четверо...

— Не притворяйтесь! — рявкнул ротмистр. — Вы знаете, кто нам нужен. Тот, который по собраниям шляется...

Ноги у Екатерины Логиновны подкашивались. Собрав силы, она сказала:

— Я разбужу старшего... Хотя он нигде не шляется...

Открыв глаза, Николай увидел лакированные сапоги, светло-серое сукно шинели, золоченые пуговицы с выпуклым орлом, серебряные погоны. Ротмистр.

В комнате пахло морозом и духами. Ротмистр неторопливо снимал белые перчатки.

Откинув полу шинели, он достал портсигар, совсем буднично сказал вахмистру:

— Приступайте.

Тот щелкнул каблуками, взмахнул над красным погоном рукой. Начался обыск.

Рылись в подполье. Повыкидывали все из шкафа, из сундука, щупали подушки и перины, тыкали шашкой в печное поддувало.

Ротмистр взял с подоконника книгу. Это был «Овод». Искоса, хмуро посмотрел на Николая и, пыхтя папиросой, стал листать книгу, потом тряс ее, держа за корешок, — не выпадет ли что. Еще раз взглянул на обложку, недоброжелательно, хмуро, и небрежно бросил книгу на подоконник.

Тяжелые шаги глухо загремели над головой, на чердаке. Прислушиваясь к этим шагам, Николай припомнил: там упрятано несколько экземпляров последней листовки, программа для кружков, список книг на семи страницах... Кажется, все. Да и этого вполне хватит...

Жандарм, рывшийся в комод, подал ротмистру два паспорта, пристукнул каблуками.

— Один как есть чистый. Другой — на имя Ивана Александрова Конозалова. Не иначе, для политических беглых заготовлены.

Михаил Федорович, босой, с всклокоченными волосами, потерянно слонялся по квартире; его то и дело толкали жандармы в синих шинелях, покрикивали, чтоб не путался под ногами.

Дети жались друг к дружке, с испуганным любопытством следя за происходящим. Зину трясло. Она накинула на плечи одеяло и придерживала подбородок, чтобы не стучали зубы.

Через час, а может больше, вахмистр доложил ротмистру, что больше ничего не обнаружено. Николай облизнул обметанные, как после жара, губы.

Ротмистр бросил на него уничтожающий взгляд.

— Одевайтесь. Вы арестованы!

Снимая с вешалки жандарму, Николай с трудом подавил улыбку:

«Смотри-ка, обхождение какое: «выкает»...

Екатерина Логиновна поцеловала сына, и тотчас двое жандармов взяли его за руки, толкнули к выходу.

Михаил Федорович достал папиросу, но, пока закурил, сломал несколько спичек.

Присев на кровать, обняв голову, тихо плакала Екатерина Логиновна.

— Слезами пожара не зальешь, — задумчиво и жестко проговорил Михаил Федорович. — Чужло мое сердце: хлебать ему арестантские щи. Вот тебе и подмога, и правая рука... Вместо дела «Давыдов и сыновья» — жандармское дело...

Продолжение следует

СВЕТ ГРЯДУЩЕГО

Снежную шубу надел умелец Урал. Чудесными кружевами зимы разукрасились наши леса. Любим мы свой край при любой погоде, в любом наряде. Дорог и любов и сейчас, когда окна разрисованы морозными узорами.

Зимой все у нас кажется сказочным: и бескрайние степи, уснувшие под белым пухом, и дремучие леса, как бы затихшие, и могучие скалы, преобразившиеся в исполинов-богатырей. Всюду — величавая тишина. Но так лишь кажется. Глухой зимы на нынешнем Урале нет и в помине. Подобно тому, как под толстым слоем льда бегут вечно живые родники и реки, так денно-нощно бьется пульс Урала. Ни снега, ни метели, ни морозы не могут остановить горячее дыхание нашего родного края. Как сказал поэт: «В груди у зимнего леса гулко бьется сердце весны».

Стоит только прислушаться, и ты услышишь стук этого большого сердца. Под снегом дышит зеленое море озими. Сердце весны и в тучных семенах, ждущих в амбарах своего заветного часа. В буран и стужу качают нефть могучие насосы, напоминающие в белой кипени снегов взмахи лебединых крыльев. День и ночь гудят огнем богатырские домны Урала. Неустанны молоты «Уралмаша». Как всегда, наш Урал на трудовой вахте. И в суровые январские дни весенняя радость в глазах людей. Светом грядущего марта озарен наш январь.

Его ждут по всей стране. К нему готовятся, как к празднику. Каждый старается встретить его с подарком.

«Март — месяц что надо, ему сердце радо», — говорит башкирская мудрость. Ведь раньше мой народ после холодной и голодной зимы всегда радовался первому мартовскому весеннему солнцу. А потом, в марте незабываемого 1919 года, была образована Башкирская Советская Республика — первая автономная

республика Российской Федерации. Март нынешнего года обещает нам новое радостное событие: в конце его в Москве соберется очередной, двадцать третий съезд Коммунистической партии.

Мы знаем, что съезды нашей ленинской партии не только яркие вехи в пути страны, всего советского народа, наших зарубежных друзей; съезды эти оставляют глубокий след и в судьбе каждого из нас. Они — события всемирные и вместе с тем — кровное, родное дело каждого коммуниста, любого гражданина великой Страны Советов. Так и на этот раз.

Нам, уральцам, в канун съезда есть чем гордиться, есть о чем поведать Родине. Не хвалясь, мы можем сказать, что труд наших земляков достоин нашего орлиного края, той земли, которая гордо зовется могучей кузницей страны. На наших глазах крепнет Урал — край несметных сокровищ и внешне сдержанных, но богатых и щедрых душой людей. Это они среди степных пустырей и у лесистых отрогов гор воздвигли солнечные белокаменные города. Это они — богатыри наших дней — как изумительную книгу мудрости, раскрывали неисчерпаемые богатства недр. Мои современники, друзья мои-земляки покорили голубое подземное пламя и зажгли его в заводских печах и в домах уральцев.

В старинной башкирской легенде о бессмертном богатыре Урал-батыре повествуется о том, как после смерти легендарного витязя его сердце превратилось в сияющее золото, а его кости стали ценными рудами. Примечательно то, что кровь батыра в легенде стала бурлящим «черным золотом», которое ныне рвется из глубин земли могучими фонтанами.

Наша нефть течет теперь по западным магистралям далеко за Дунай, а по восточным — к славному морю, священному Байкалу. И все это сотворили трудолюбивые руки человека, озаренного све-

том ленинских идей. Современная быль стала ярче и прекраснее самых мудрых старинных легенд.

Семьдесят пять с лишним лет тому назад — в 1890 году — из Оренбурга в Уфу проезжал русский писатель Глеб Иванович Успенский. Он видел богатейший край и отчаяние народа, доведенного до гибели. На старом Оренбургском тракте с уст писателя сорвались слова, ставшие потом крылатыми: «Пропадет башкир, пропадет, беспременно пропадет этот самый башкир!» Но этого не случилось. И башкир, и многие другие народы спасла от гибели партия Ленина, великий Октябрь.

И теперь нередко мы ездим по Оренбургскому тракту. Здесь по долинам песенной Белой, нашей славной Ак-Идели, мы видим цветущие города, обильные нивы богатых хозяев земли — колхозов и совхозов. «Цветком в степи» называют у нас белокаменный город, весь утопающий в зелени. Это — Салават, город-сад, носящий имя народного героя. Это —

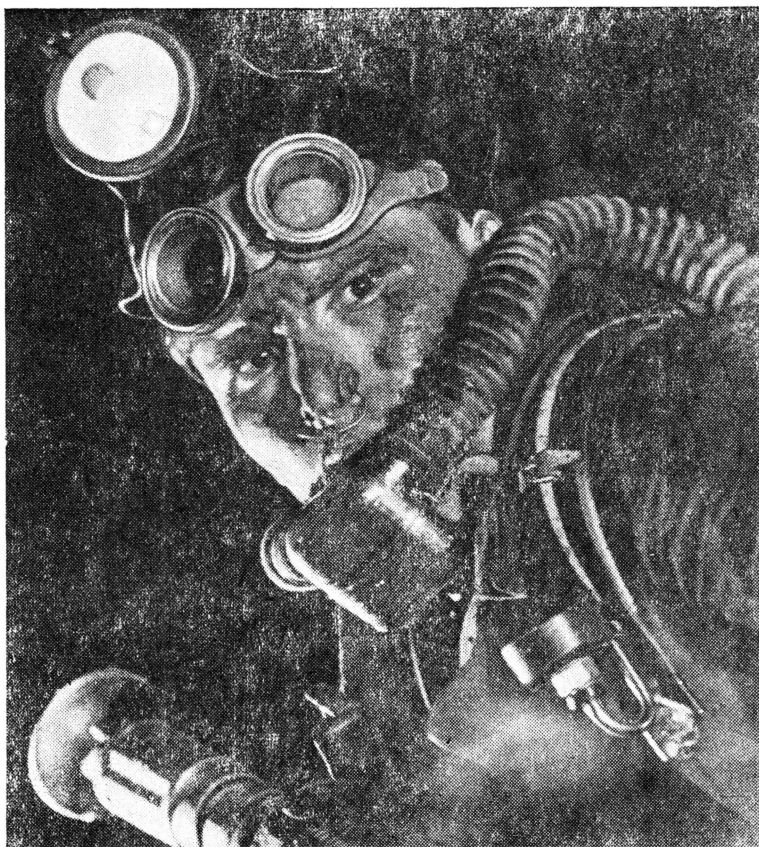
город юных, средний возраст жителей здесь всего двадцать пять лет. Это — центр большой химии. Чудесные дары нефтехимиков Салавата известны всей стране. Старинная дорога из Оренбурга в Уфу изменилась неузнаваемо. И так — всюду.

Оглянись вокруг, юный следопыт! На трудовую вахту стал весь наш Урал. Волна трудового подъема, река всеобщего соревнования разлилась от оренбургских степей до тюменской тайги. От домен Магнитогорска до северных широт Урала дружно трудятся в эти дни наши земляки-уральцы. Есть где применить свои силы, свое умение и тебе!

В эти холодные зимние дни мы сердцами обращаемся к весне. Словно весеннее солнце, осветят наш дальнейший путь решения предстоящего партийного съезда. Уже сегодня мы говорим:

- Здравствуй, светлая весна!
- Здравствуй, новое утро!
- Здравствуй, грядущее!

Г. РАМАЗАНОВ,
депутат Верховного Совета СССР.

Сильные, смелые люди входят в команды горноспасателей. По первому сигналу тревоги они устремляются в шахты, к месту аварии. Члены фотосекции при Карагандинском дворце культуры горняков Сагит Халиуллин и Александр Корт прислали в редакцию свои фотографии. На одной из них изображен горноспасатель Иван Балабаев, на другой — горноспасатели ликвидируют аварию.

Он сопровождал

траурный поезд

Пять лет назад зашел ко мне мой товарищ. — Ты хорошо знаешь роман «Как закалялась сталь»? — спросил он.

— Раза три читал.

— Так посмотри в четвертый. Найди в книге Хрисанфа Павловича Чернокозова. А потом забеги ко мне.

Я вновь прочитал роман. В конце его обнаружил то, что искал:

«Под сенью размашистых деревьев, в уголке террасы — группа санаторцев. За небольшим столом читал «Правду», тесно сдвинув густые брови, Хрисанф Чернокозов. Его черная косоворотка, старенькая кепчонка, загорелое, худое, давно не бритое лицо с глубоко сидящими голубыми глазами — все выдает в нем коренного шахтера. Двенадцать лет назад, призванный к руководству краем, этот человек положил свой молоток, а казалось, что он только что вышел из шахты. Это сказывалось в манере держаться, говорить, сказывалось в самом его лексиконе.

Чернокозов — член бюро крайкома партии и член правительства. Мучительный недуг сжигал его силы — гангрена ноги. Чернокозов ненавидел больную ногу, заставившую его уже почти полгода провести в постели...

— Это и есть твой товарищ по комнате? — тихо спросила Жигирева Чернокозова и кивнула головой на коляску, в которой сидел Корчагин.

Чернокозов оторвался от газеты, лицо его как-то сразу просветлело.

— Да, это Корчагин. Надо, чтобы вы, Шура, с ним познакомились. Ему болезнь понавтыкала палок в колеса, а то бы этот парнишка сгодился нам на тугих местах. Он из комсы первого поколения. Одним словом, если мы парня поддержим, — а я это решил, — то он еще будет работать...

— Я сейчас привезу его сюда, — сказала Шура.

Так началось их знакомство. И не знал Павел, что двое из них — Жигирева и Чернокозов — станут для него людьми дорогими и что в годы тяжелой болезни, ожидавшей его, они будут первой его опорой.

Заложив полоской бумаги эту страницу, я отправился к товарищу, гадая, что он может сказать нового о герое романа Островского.

— Хрисанф Чернокозов — не выдуманное лицо. Он живет сейчас в Грозном. Вот его адрес.

И товарищ протянул мне листочек бумаги.

С этого времени я только и думал об одном: как бы попасть в Грозный и повидать человека, который стал одним из действующих лиц романа Николая Островского.

Наконец подошел день, когда я всходил по трапу самолета.

Город Грозный. Подъезд большого дома. Встречает меня высокий седой старик. Глубокие глаза его скрыты под лохматыми бровями. Держится он прямо, с достоинством. Это и есть Хрисанф Чернокозов. ...Хрисанф Павлович рассказывает о своей жизни, о подпольной работе в Донбассе, о том, как он встречался с видными руководителями большевистских организаций. Потом подходит к застекленному буфету и, покопавшись в документах, подает небольшой кусочек белого картона.

Я прочитал: «ПРОПУСК В ПОЕЗД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПАВЕЛЕЦКОМ ВОКЗАЛЕ. Поезд отправляется 23 января 1924 года ровно в 6 часов утра. Командант поезда».

— В этом поезде, — пояснил Хрисанф Павлович, — я сопровождал гроб с телом Владимира Ильича Ленина, а потом одним из первых стоял в почетном карауле в Колонном зале Дома советов. Пропуск частенько держал в своих руках Николай Островский...

Мы молча смотрим на небольшой кусочек картона. Представляются улицы, наполненные народом, колонны людей, идущие молча, без песен, к районным комитетам партии. На стены зданий вывешиваются траурные флаги.

Ночью к Павелецкому вокзалу был подан поезд специального назначения. В голове его паровоз «У-127». На передней части надпись: «От беспартийных — коммунистам». Этот паровоз беспартийные рабочие Московского депо Рязано-Уральской железной дороги отремонтировали во внеурочное время и передали коммунистам депо, отправив Владимиру Ильичу следующее письмо:

«20 мая, собравшись на празднование юбилея¹, рабочие и служащие депо Москва, передавая паровоз № 127 ячейке, единогласно постановили избрать тебя, дорогой Владимир Ильич, почетным машинистом. Вручая тебе паровоз, рабочие и служащие не сомневаются, что ты, Владимир Ильич, как опытный машинист, привезешь нас в светлое будущее.

Со дня избрания тебя, дорогой товарищ Владимир Ильич, почетным машинистом, зачисляем тебя по штату машинистов, по 14 разряду 24-разрядной тарифной сетки — в связи с чем при сем прилагаем расчетную рабочую книжку».

И вот этот самый паровоз должен был вести траурный поезд до Горок, а затем возвратиться с телом Владимира Ильича в Москву.

Еще ночью к поезду начали сходить члены правительства, делегаты от партийных организаций — ветераны Коммунистической партии. На перроне они предъявляли небольшой листочек белого картона — пропуск в поезд специального назначения.

В 6 часов утра медленно отошел состав от Павелецкого вокзала, а через несколько часов возвратился обратно.

Здесь его уже ожидали делегации от крупных заводов, учреждений. Улицы, по которым должны были нести гроб с телом Ленина, запружены народом. Всем хотелось еще раз взглянуть на любимого учителя и вождя.

Один из первых, кто вышел из траурного поезда и нес к Дому союзов гроб с телом Ильича, был Хрисанф Павлович Чернокозов, сохранивший дорогую реликвию — пропуск в поезд специального назначения.

На память приходят строки поэмы Маяковского:

Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ...
Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
плывущий
к Дому союзов,
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди,
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.

¹ 20 мая 1923 года рабочие и служащие депо праздновали шестилетие ячейки РКП(б) станции Москва Рязано-Уральской железной дороги.

Б. ЧЕЛЫШЕВ

СПАСИБО, «ЗВЕЗДОЧКА»!

Она родилась еще в 1912, эта «Красная звезда». Но когда ходишь по ее палубам, любишь чистотой и свежестью красок, то забываешь о «седине». Горят лампы дневного света... В салоне — самый современный приемник... Мебель... Да и не подумает даже несведущий пассажир, что пароход этот — исторический.

...Было это так.

6 июля 1919 года из Сормовского затона отошел по направлению к Казани специальный пароход — литературно-агитационный. Число пассажиров едва превышало два десятка.

Он должен был пройти по местам, только что освобожденным от белых, по местам, где враг наиболее жестоко обошелся с Советами, где плавали «баржи смерти», где погибли десятки тысяч людей.

Важно узнать о положении дел, о настроении тех, кто пережил все ужасы белогвардейщины. Надо вдохнуть в людей веру в жизнь.

Такая задача и стояла перед пароходом «Красная звезда».

— Ильича самого тянуло поехать, — вспоминала Надежда Константиновна, — да нельзя было работу ни на минуту бросить...

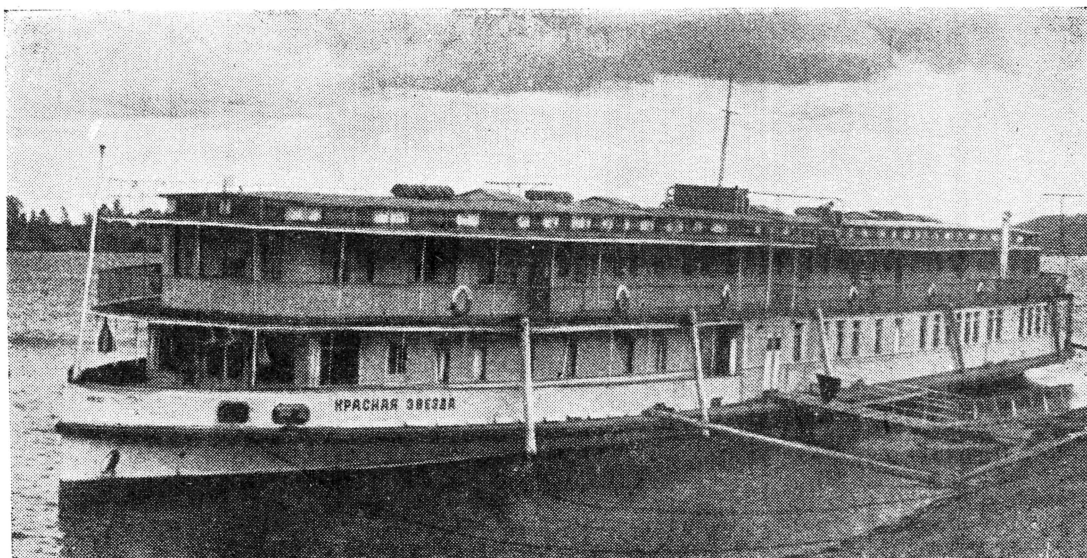
В поездке пароход побывал и на Кама, прошел через Камбарку, Сарапул, Воткинск.

Кама помнит, как в Камбарке сбежали к белым все учителя. Как школы превратили в коюшники. Как народ, еще не забывший все ужасы белогвардейщины, вслед за «омским правителем» поднимался на борьбу с Деникиным.

Кама видела, как в Сарапуле встретился с Крупской прославленный командарм Владимир Азин.

Кама слышала стон воткинских рабочих. Их было меньше половины — остальные расстреляны.

Кама запомнила пароход, к которому, как к солнцу, тянулись люди. Одни шли за советом или помощью, другие несли жалобы, а третьи — просто поглядеть на жену и друга Ильича.

Пароход «Красная звезда».

Теперь это — история. На пристани в Сарапуле открыта мемориальная доска, напоминающая о митинге с участием Надежды Константиновны Крупской. Память жертв революции увековечена в Воткинске.

И самый главный документ — дневники Крупской: факты, выводы, рассказы о людях.

«Красная звезда» долгие годы бороздила камские воды. Прошла десятки раз по местам, с которыми познакомилась очень давно.

Невозможно подсчитать, сколько пассажиров перевезла она. От Горького до Перми пролег ее путь. А потом долго не видели камские берега старенькую «Звездочку».

Снова появилась «Красная звезда» на речных волнах совсем недавно. Только шла она уже на буксире. Не было на ней суесящихся пассажиров. Не гудел густой бас трубы. Да и в машинном отделении многое изменилось. Исчезли куда-то все механизмы, рулевое управление.

В общем поставили пароход недалеко от Сарапула, у деревни Дулесово, на вечный прикол. Так же, как раньше, омывают ее волны. Так же мчатся барки, «Ракеты», катера. И только «пассажиры» на «Звездочке» удивительные: никуда они не спешат: то танцуют в салоне, то ло-

вят рыбу, а то просто играют в волейбол на берегу. Шум и смех здесь не умолкают. Все веселы, все довольны.

Стал теперь пароход плавучим домом отдыха.

На двенадцать дней приезжают сюда рабочие Ижевского механического завода — завода коммунистического труда. В нескольких десятках метров от «Звездочки» — чудесный песчаный пляж. Захотелось прогуляться — пожалуйста. На катерах можно съездить на экскурсии в Гальяны, Сарапул, Чайковский... Каждый вечер в салоне кино.

С волнением ходят по «Красной звезде» гости. Верхняя палуба сохранена такой, какой была она в 1919. Каюта № 23 — каюта капитана. И хотя здесь нет музея (его только собираются открыть), все знают, что на пароходе по заданию Ленина ездила Надежда Константиновна Крупская.

Кто здесь отдыхает и кто приезжает просто в гости, с большой теплотой говорят необычному дому отдыха:

— Спасибо «Звездочка»!

— Спасибо «Красная звезда»!

А. АРТАМОНОВ

СЕДЬМОЕ

ЧУДО

Крупнейший специалист по золоту, профессор нашего института, и один из его учеников, молодой казах, заспорили. Студент — заочник третьего курса, только что возвратившийся из геологической экспедиции, очень энергичный, толковый, правда несколько горячий, отстаивал важность изучения народных легенд, а профессор предостерегал его от увлечения сказками:

— Сказка есть сказка. Нельзя переносить в науку все, что нами услышано в преданиях. Иначе наука переполнится суевериями.

Акбай страстно возражал профессору:

— Я не понимаю, против чего вы, профессор? Почему вы думаете, что все сказки — суеверия? Вот послушайте, пожалуйста, одну историю...

Рассказ акынов — хранителей мудрости нашего народа — я слышал на айтысу — состязаниях песенников. Акыны под звуки домры пели о том, что случилось еще в те далекие времена, когда главой в роду была женщина. Та, о которой пели акыны, звалась «золотой». Да, да! Много легенд ходит в народе о «седьмом чуде», о невиданных размеров самородке. Все ашуги Джеты-су, или, как мы сейчас говорим, — Семиречья, все певцы Джеты-тау, как мы говорим, — Семи гор, все акыны Джеты-кала, или, как мы говорим, — Семи городов, воспевали то Джеты-чудо, «Седьмое чудо», которым владела молодая хозяйка нашего рода...

— Постойте, — перебил профессор. — Среди семи чудес света золотого самородка нет!

— У вас, европейцев, — сказал Акбай, — свои семь чудес света. Мы знаем о них. Это и Колосс Родосский, и Александрийский маяк, и Египетские пирамиды... Но у нас в Азии свой счет чудесам света. О них редко говорят. Ну, одно чудо света Азии знают все. Это Великая Китайская стена. На тысячи километров протянулась она. Это действительно гигантское творение народа... Второе чудо света находится в Индии — знаменитый железный столб. Сотни лет стоит он, вкопанный в землю, и не ржавеет. Действительно чудо! Он был вкопан в то время, когда народы еще не знали железа, когда только-только люди стали

осваивать бронзу. Откуда взялось железо? Почему оно не ржавеет? Никто не знает. В Индии есть и другое чудо света — храм в Армакантаке, сделанный из красного камня. Он величественно стоит на горе. Сейчас говорят, что стены храма сделаны из боксита — алюминиевой руды. Но когда строили храм, никто не знал, что такое алюминий. В нем все поражает удивительной гармоничностью украшений и статуй богов, высеченных из красного камня... О четвертом, пятом, шестом чудесах света говорят разное.

Но вот «Седьмое чудо» света можно считать общепризнанным: оно было у нас в Западном Казахстане, в Семигорье, Семиречье, в Семи городах. Это самородок золота замечательной красоты. Все наши жирау — сказители и акыны — импровизаторы слагали стихи об этом чуде.

«Есть на земле чудо красоты, знаешь ли о нем ты? Ари-Айдай-бойдай-талай... Блестящим сияньем озарено, ни с чем не сравнимо оно... Ари-айдай-бойдай-талай...» Так пели под домру свои стихи о «Седьмом чуде» сказители песен. Припев песни — обычен. Самородок был большой и напоминал торс женщины. Тонкая сетчатая вязь прикрывала ее плечи, ниспадая причудливыми складками к основанию статуи. Царственная диадема из древовидных хитросплетений золота гордо окаймляла ее чело. Всех поражало лицо красавицы-статуи с огненно-рыжей копной волос. Как природа добилась такой красоты? Можно ли ответить на этот вопрос?

— Известно, — сказал профессор, — что золото в тонких листочках просвечивает зеленым и синим цветом. Может быть, и у этого самородка поверхностные части были тонколистватые?

— Ну вот, и вы стали искать правду в старой сказке, — воскликнул Акбай. — Я не могу точно перевести на русский язык песни акынов, но они поют, что от золотисто-желтых тонов вместе с синевой и зеленью на лице статуи словно мелькали естественные пересветы и блики.

— Я видел много самородков, — не сдавался профессор. — Среди них были губчатые, сетчатые, дендритовидные, древовидные. В одном самородке трудно представить себе

все эти формы. Так не бывает в природе.

— Не знаю, — упрямо говорил Акбай. — Я повторяю то, что слышал в песнях акынов. Они пели, что слава о «Седьмом чуде» проникла во многие страны. Я думаю, — добавил Акбай, — что именно об этом чуде писал Геродот. Упоминали о нем и другие ученые древности...

— Я хоть и не согласен с этими сказками, — задумчиво сказал профессор, — но дополню: среди барельефов Нимруда в Ассирии есть мифический гриф — чудовище с головой орла и телом льва. Еще в 560 году нашей эры ученый Аристей Преконинский говорил, что грифы стерегут золото где-то в Скифии. Он сам был в легендарной стране Исседонов, живших вблизи одноглазых Аримаспов, воровавших золото из-под грифов. Греческий же ученый Птолемей писал (во втором веке нашей эры), что Исседоны жили в Семиречье, в Средней Азии. Не эти ли сведения лежат в основе песен акынов, Акбай? Хотя то, что рассказываете ты, не похоже на опубликованные легенды о золоте.

Недовольно мотнув головой, Акбай рассказал старую легенду.

* * *

В глубокой зиндан — пещере, вырытой в земле, стояла золотая статуя. Говорят, что ее последняя хранительница — глава нашего рода, девушка необычайной красоты — звалась Айгыз. Она сама была похожа на золотую статую.

Древние сказания передают, что вскоре имя ее стали сплетать с именем молодого батыра Кутжана. Этот батыр уже носил почетное прозвище «Каракон» — победитель на скачках. Это он выиграл мировой тогыз из девяти призов на больших состязаниях. В мировой тогыз входили немалые сокровища: верблюд, орел, корова, конь, жеребенок, овца, коза, ковер и шуба. Но батыр Кутжан-Каракон отказался от богатства. Он попросил старейшины рода разрешить ему взять в жены девушку по своему выбору. И старейшины разрешили.

Батыр Кутжан-Каракон был храбрым джигитом. Никто не решался выходить на состязания с ним.

Этот могучий боец умел петь сладкие песни. Все они восхваляли красавицу Айгыз. В стихах он соединял воедино красоту утренней зари с румянцем на ее лице. Он воспевал бег джейранов и сравнивал его с поступью любимой. А золото «Седьмого чуда» было золотом души Айгыз-Карим (Карим — значит красавица).

Но вмешалась злая судьба.

Как-то встретили Айгыз-Карим и Кутжан-Каракон бабу Злиху, старую колдунью. Многие годы была она хранительницей «седьмого чуда». Но совет старейшин рода назначил хранительницей вместо нее молодую красавицу Айгыз. И Злиха затаила в сердце злобу на Айгыз.

Страшное заклятье произнесла Злиха, обращаясь к своему позелителю Албасты — злому духу.

«Вечером темным и днем поздним, — бормотала Злиха вслед молодым влюбленным, проклиная Айгыз и Кутжана великим проклятьем, — пусть порченая кровь волеется в их тело. Пусть злой дух Албасты возьмет их

души. Пусть серая земля поглотит вместе с ними и «Седьмое чудо». И да будет мое заклятье вечным до тех пор, пока золото владеет душами людей!»

Вскоре разбуженные заклятьем Злихи, пришли за душами Кутжана и Айгыз слуги Албасты — толпы диких наездников. Несметные полчища надвигались на Джеты-су, Джеты-сау, Джеты-кала.

Вывел на битву своих воинов и батыр Кутжан-Каракон. Но как мог он противостоять несметным полчищам. Напрасно кричал: «Айрылмас! — Не разъединяйся!» Смяли в один миг всех его людей, а батыра раненым увели в плен. Не пришлось батырам Караконка бросить врагам в спину горсть земли, чтобы они больше не возвращались.

В глубокой пещере сидела со своим сокровищем красавица Айгыз. Она приготовила богатое суюнши — подарок за радостное известие о победе. Но время шло, а гонцов не видно. Суюнши так и осталось не врученным: Айгыз была отрезана от всего живого. Те, кто знал, как найти пещеру, лежали убитыми или томились в плену.

Злой дух Албасты и колдунья Злиха торжествовали: проклятье подействовало.

Шли годы... Однажды в области Семи рек, Семи гор и Семи городов появился странник. Его встретила тишина выжженной солнцем степи. Лишь изредка кричали беркуты да шуршала перекати-поле.

Спутник подошел к горе, отбросил покры-

вало, зажег факел. Огонь осветил суровое лицо седоголового батыра. Вряд ли кто мог узнать в нем сейчас жизнерадостного и веселого красавца Кутжана-Караюка.

Первое, что увидел Кутжан, это торжествующий взгляд Злихи. Она сидела в царственном наряде рядом со статуей.

Не знал Кутжан, что это сам злой дух Албасты принял облик Злихи.

Гневом загорелись глаза Кутжана, когда он увидел труп своей любимой у ног Злихи. Схватил он свой шокпар — дубинку для рукопашного боя — и стал дробить им драгоценные стены. Могучий удар пришелся по «Седьмому чуду», другой — по Злихе. Но Албасты только засмеялся злорадно, а золотая статуя разлетелась на мелкие осколки. Частички ее со страшной силой врезались в стены пещеры.

Подземный гул был ответом на удары шокпара, рухнул и завалился вход в подземелье, и настала вечная тишина...

А там, где к золоту примешалась кровь Албасты-Злихи, оно стало белесым и твердым. Потри такое золото о камень, и оно запахнет чесноком. Это примесь дурной крови дьявола.

— Да, да, профессор, вы скажете, что к золоту примешан арсенинит? Минерал этот действительно пахнет чесноком. Но когда галась легенда, ведь об арсенините никто не знал. Вы спросите, зачем я рассказываю все это? Зачем вношу сказку в науку? А ведь вот через столетия недалеко от Семи городов люди стали находить самородки золота изумительной красоты. Ученые — сухие люди. Но я не верю и многим из ваших сказок. Золото Джетыгаринского района вы связываете с деятельностью горячих вод, идущих из глубины, от магматических очагов к поверхности. Но на глубине, где рождаются эти растворы, никто никогда не бывал. Я воспринимаю ваше объяснение как непроверенную гипотезу, мало чем отличающуюся от сказки. Чем ваша сказка лучше моей?

Я записал рассказ о «Седьмом чуде» так, как слышал его от Акбая. Конечно, профессор доказал правильность своих научных построений. Но, по правде говоря, я был в этом споре не на стороне профессора.

Иногда неправильно смешивают суеверия с народной мудростью, записанной в древних сказаниях.

Один из крупнейших казахских геологов, академик Сатпаев, рекомендовал учитывать не только древние сказки, но и тщательно изучать места древних разработок.

В интересной сводке Л. Левитского «О древних рудниках» приведены данные о том, что в Казахстане известно свыше восьмидесяти месторождений, в которых когда-то разрабатывались золотые, медные и оловянные руды. Только в Джекказгане, судя по отвалам, было добыто в древности свыше миллиона тонн медной руды.

Существует предание, пишет М. Массон в книге «Из истории горной промышленности Таджикистана», что в районе серебро-свинцового «Рудника погибели» в IX—X веках направляли преступников для поисков новых скоплений руд.

Преданье подтвердилось. В районе этого рудника было обнаружено более полутора километров горных выработок на глубинах до ста метров от поверхности земли. Там же обнаружены изделия IX—X веков нашей эры.

Древние рудокопы брали из земли только те руды, из которых легко выплавлялся металл. Богатейшие концентрации труднодобываемых руд они не трогали. Поэтому находка древнего рудника почти всегда означает, что здесь можно встретить большие запасы таких руд, которые используются современной промышленностью.

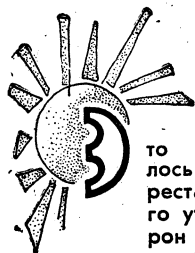
Что можно добавить к рассказу Акбая? Народные сказки о золоте и привели к тому, что в районе Джетыгары было открыто месторождение, в 1910—1911 годах здесь возник сначала небольшой поселок, а затем и город. Жители этого города добывают сейчас золото и асбест.

Профессор А. МАЛАХОВ
Рисунки Ю. Григорьева

„КРИСТАЛЛ“

— КЛУБ ДРУЖБЫ

то июльское воскресенье выдалось на славу. Наконец-то небо перестало хмуриться. С самого раннего утра горожане оккупировали перрон вокзала.

Скорей! Скорей! В лес, к озерам и рекам! Рыбалка, ягоды, купанье, волейбол, обед и ужин у костра,— у каждого свои планы...

До электрички оставалось двадцать минут. На перроне появились взрослые и ребята с какими-то пачками. Они рассыпались среди пассажиров и стали раздавать им листовки.

Люди брали — одни с веселой шуткой, другие с недоумением, третьи с любопытством. «Люби, изучай и охраняй природу родного края!» — читали они. «Кому, как не нам, ценить богатства Родины!.. Но мало их ценить, надо уметь беречь!.. Мы призываем всех помочь нам в важном деле — охраны природы!».

Внизу стояла подпись: «Правление клуба «Кристалл».

Потом «кристалловцы» — рабочие, инженеры, техники «Уралхиммаша» и их подопечные — школьники — атаковали электричку. Днем их можно было видеть в самых многолюдных местах отдыха свердловчан. Они несли вахту: зеленые патрули клуба зорко охраняли природу вокруг города.

Взрослые и школьники. Эта дружба началась недавно, хотя «Кристалл» существует несколько лет.

Как-то в правление клуба зашел один из членов завкома.

— Заседаем?

— Да вот обсуждаем план похода,— ответили следопыты.

— Это хорошо. А нельзя ли к вам школьников присоединить? Каникулы у них... Слоняются целыми днями по улице. Озорничать начинают.

И тогда «кристалловцы» решили: создадим при клубе детскую следопытскую секцию. Написали обращение к ребятам и к родителям. Перед первым собранием волновались: вдруг никто не придет. Но пришли: и не пять, не десять мальчишек, а добрых два десятка.

Обошлось без агитаций и нравоучений. Следопыты рассказали о себе, о походах, о красоте родного края. И, чтобы не быть голословными, тут же предложили в воскресенье выйти в окрестности Свердловска.

Разделились на несколько групп. Во главе отрядов стали опытные следопыты техник Валерий Балакин, начальник лаборатории Лев Горянов, инженер Борис Ромашевский.

Показали школьникам Чертово Городище, Соколиные скалы и скалы Семь братьев, озера Таватуй и Песчаное. Сводили в краеведческий и геологический музеи.

Зимой восемнадцать мальчишек с инженером Владимиром Миськовым и Владимиром Шмелевым проделали десятидневное лыжное путешествие по горам Урала. А в феврале 1964 года «кристалловцы» взяли пятьдесят школьников на границу Европа — Азия, где проходил XIII Уральский слет туристов.

На этом организационный период кончился. Хватит смотреть и показывать! Пора браться и за следопытскую учебу.

Почти все ребята, с которыми подружились члены клуба «Кристалл», учились в подшефной школе № 105. И тогда подумали, почему не организовать здесь следопытский клуб. И теперь почти каждый вечер после работы шефы спешили в школу. Сегодня — занятия по топографии и ориентированию, завтра «на повестке дня» — как лучше составить гербарий или минералогическую коллекцию. Сегодня учились разжигать костер, потом — ставить палатку. Зачеты сдавались в однодневных походах.

Право быть членом школьного клуба, пойти со старшими друзьями в настоящий поход — надо было заслужить: тут учитывались и учеба, и дисциплина. Помогали классные руководители и родители.

А рабочие, инженеры, техники — члены клуба «Кристалл» не жалели времени. Да и можно разве было его жалеть, если так увлекательно прошел двенадцатидневный поход по Среднему Уралу, в который вели ребят копировщица Рита Бурштин и Валерий Балакин. А капитаны туристского лагеря молодые коммунисты Геннадий Чувилов и Евгений Сидоров совершили со школьниками поход по местам боев железной дивизии Азина. Недавно в школе открылся музей боевой славы.

Нынче летом друзья «разделились». Подшефные по заданию геологов вышли в поход по Свердловской области. Шефы уехали на Тянь-Шань. Встретились осенью. Масса впечатлений. Немало добрых дел! И старшим, и младшим есть чем похвастаться.

Сегодня мы коротко рассказываем об этих походах. А на журнальной вклейке вы можете увидеть те чудесные места, где побывали «кристалловцы». Эти снимки они сделали по нашей просьбе.

ЗА ТОПАЗАМИ

В задании белоярской поисковой партии было записано: «На старой карте Сысертского горного округа отмечены топазовые копи. Проверить, существуют ли они сейчас, каково их состояние. Отобрать образцы всех разновидностей горных пород и минералов, встречающихся на пути».

Поход начался в конце июня. Жара тропическая. Синоптики утверждали, что такой на Урале уже не было давным-давно. В отряде восемь следопытов и учитель труда Горащий Николаевич Поникаровский. Капитан — Володя Каргапольцев. Главный геолог — Саша Веремейчук.

Готовились долго, но уже первые шаги показали, что у каждого что-нибудь да не так. У одного велики ляжки рюкзака, у другого консервные банки в рюкзаке уложены так, что режут спину, третьему трет ногу.

На привале старались съесть как можно больше, чтобы меньше нести.

Геологи торопят. Скорей к цели. Но не тут-то было. Когда шли по полю, зоологи стали носиться за жуками, бабочками, пауками. А ботаники устроили дискуссию на тему: «Василек — сорняк или целебное растение?».

Дорога к озерам Карасье и Щучье лежала через болото: не только ноги, нос оказался в грязи. Тут вовсе работали гидрологи — описали берега озер, исследовали воду и «местное население».

У кордона «Плита» встретились с егерем Владимиром Сергеевичем Ворожеевым. Он рассказал, откуда появилось название кордона. Следопыты записали легенду.

ЛЕГЕНДА

авно это было. Добывали здесь старатели золотишко. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем таскали из шурфа ведерком песок. По десять, двенадцать часов выстаивали у бутары в надежде на крупинку золота, от которой вся жизнь зависит.

Редко кому выпадало счастье. Не улыбалось оно и Никону Зырянову.

Наступила поздняя осень. Уже белые мухи полетели. А золота все нет. И почудилось Никону однажды ночью, что кто-то сказал: «Не там ищешь, бедный человек. Все золото с этих мест спрятал под плиту злой дух. А лежит эта плита в восьми верстах южнее поселка Сысерть».

Пойдешь на восход солнца от речки Полдневой Сысерти, увидишь три сосны особняком. Там и плита. Поднимешь ее — найдешь золота видимо-невидимо».

Быстро собрал Никон пожитки и направился на восход солнца. Долго искал заветное место. Вот и плита, и три сосны рядом на карауле. Прикинул на глазок — небольшая, поднять можно. Отдохнул с дороги, и за работу. Подкопал плиту. «Ну, с богом!» — сказал и... Но не тут-то было. Плита не поддавалась.

Собрал тогда Никон таких же, как он, бедняков, и снова к плите. Кололи ее, кололи, обливали холодной водой. Треснула плита. Оторвали старатели половину, да, наверно, не ту. Под ней золота нет. Раскололи вторую половину — дышит она жарким пламенем. Опрокинули на нее холодную воду. Страшный шум по лесу понесся. И треснула плита. Хотели поднять ее старатели, не хватило сил. Видимо, не хотела злая сила богатство отдавать.

Разошлись старатели. А кордон с тех пор так и зовется — «Плита».

В районе кордона ребята обследовали два квартала леса. То тут, то там встречались старые шурфы. Собрали образцы минералов и горных пород. В некоторых блестели кристаллы кварца.

Больше всех волновался Саша. Он ни минуты не сидел на месте. Все время ходил, что-то собирал, рассматривал даже гальку на привале у избушки пастуха, как будто топазы валяются под ногами. Постоянно всех торопил: «Скорей на гору Соколиную. Там ждет нас открытие!».

И представьте, Саша оказался прав.

Вот что записала в этот день в дневнике Люда Юдина.

«По чуть заметной тропинке движемся в восточном направлении. Дорога резко идет в гору. Справа и слева на нас заманчиво глядят ягоды земляники. Сколько ее! Остановиться и пособирать? Нельзя! Время! Время! И все-таки не выдерживаем. Привал 40 минут. Рассыпаемся по поляне и горстями собираем ароматную пурпурную ягоду».

И снова привычная команда: «Приготовиться!» Тропинка все круче и круче уводит нас к вершине горы.

«Стой, отряд!» Слева огромная скала, надо ее исследовать. Через несколько минут раздается победоносный крик Саши: «Открытие!» По всей

скале темные полосы — одна, вторая, третья. Да это же слюда! Искали топазы, нашли слюду. Какой толстый слой! Местами жила толщиной 20 сантиметров. Берем пробы.

До позднего вечера были на горе. Осмотрели каждый квадратный сантиметр. Топазов нет.

Время на терпит. Через день областной слет туристов. Единогласно решаем. Вернемся сюда обязательно. Топазы за нами.

В селе Щелкун ждем автобусы. Темно. Но Саша и здесь не теряет времени. Составляет описание обнажений, пишет заявку в геологоуправление».

Вот какое заключение получили ребята:

«В походе по маршруту Сысерть — Верхняя Сысерть — Березовые увалы следопыты школы № 105 обнаружили очень ценную жилу длиной 15 метров, мощностью 0,20 метра с довольно значительным включением пластин слюды. Заявка принята и будет проверена уральскими геологами».

янь-Шань — Небесные горы. Какой следопыт не мечтает побывать в этой неповторимой по красоте горной стране.

Путешествие «кристалловцев» проходило по Северному и Центральному Тянь-Шаню. Уже минуло полгода, но все еще перед глазами ледник «Богатырь», такой ослепительно бело-голубой, что нельзя ни на секунду снять черные очки.

Вспоминается Иссык-Куль — знаменитое озеро, в которое впадают восемьдесят рек и речек.

Закроешь глаза и как будто заново идешь по пыльным сухим степям Заилийского Ала-Тау, по альпийским лугам и хвойному лесу. Карликовая береза и царский скипетр (верблюжник), жимолость и барбарис, желтый суслик и бараны-архарты, красноклювая галка и рогатый альпийский жаворонок, — сколько интересных встреч.

Станция Отар. Отсюда рейсовый автобус вез следопытов до Фрунзе. В дороге познакомились с гвардии старшим лейтенантом Тимофеем Михайловичем Снапковым. Он, боец прославленной Панфиловской дивизии, рассказал уральцам о фронтовых товарищах.

Заранее какой-либо исследовательский задачи следопыты перед собой не ставили. Думали, решим на месте. Вот тут-то и было принято решение — подробнее познакомиться с историей Панфиловской дивизии, которая формировалась в Средней Азии. Как известно, ее легендарный генерал Иван Васильевич Панфилов в свое

время возглавлял военный комиссариат Киргизской ССР.

Второе решение возникло по дороге в село Ананьево. Встретились с чабаном из совхоза Голпан-Ата. Он посоветовал следопытам заглянуть в ущелье Чон-Аксу. Захоронения там какие-то. Местные ребятишки оттуда древние монеты приносят.

После остановки на берегу Иссык-Куля руководитель похода инженер Павел Александрович Иванов отправил одну группу в Ананьево, вторую — в ущелье Чон-Аксу.

Это село когда-то называлось Сазановка. Сейчас оно носит имя Николая Яковлевича Ананьева, одного из 22 панфиловцев, погибших при защите Москвы. Но оказалось, что в селе нет уголка памяти героя. «Кристалловцы» навестили сестру Николая Яковлевича, взяли у нее письма с фронта, фотографии, перебрали в библиотеке все книги, журналы и вырезки из газет времен Великой Отечественной войны. Потом уральцы и сельчане собрались в правлении колхоза. Следопыты вывесили только что оформленную фотографию, посвященную Ананьеву, рассказали о боевом пути Панфиловской дивизии. Колхозники горячо поблагодарили гостей с Урала за инициативу.

А в ущелье Чон-Аксу тем временем вторая группа следопытов изучала курганы. Их оказалось три. Небольшие холмы высотой 10—20 сантиметров, обложенные камнями четырехугольной формы.

Камень еле-еле выступает из земли, покрыт лишайником.

Два захоронения потревожены, третье — нет. Составили схему места, нашли образцы керамических изделий. Круглые монеты, типа медальонов, на них изображен будда с различным расположением рук. Изображение выпуклое. По периметру идет окантовка.

Второй тип — прямоугольник в основании с треугольной вершиной. На лицевой стороне четкий рисунок божества.

И, наконец, цилиндрические фигурки с различным выпуклым орнаментом.

На обратном пути во Фрунзе о находке сообщили в Киргизский исторический музей. Оказалось, что сотрудники его ничего не знали о захоронении. В музее не было таких образцов.

Археолог В. Горячева сообщила:

«Исторический музей Министерства культуры Киргизской ССР получил в дар от следопытов клуба «Кристалл» Свердловска найденные ими во время разведки кургана в ущелье Чон-Аксу оттиски штампов и медальонов будды и миниатюрные изображения верхней части индийской культовой архитектуры (12 фрагментов).

Представленный материал имеет большой интерес для раскрытия культуры и истории племен и народов, обитавших на территории Киргизии в VI—VIII вв. В скором времени археологи проведут раскопки на месте захоронений.

Музей благодарит следопытов Урала.

Е. Константинова

Заочный форум «Уральского следопыта»

Клуб «Кристалл» предлагает

Пятьдесят лет Советской власти — большая, знаменательная дата. Сколько интереснейших материалов могут собрать следопыты к этому славному юбилею. Поэтому мы предлагаем:

создать при областных советах по туризму штабы следопытов. Эти штабы при утверждении многодневных походов должны выдавать отрядам задания следопытского характера;

когда подводятся итоги работы туристских секций и клубов, учитывать, что сделали полезного и интересного туристы по следопытской работе и выдвигать лучшие отряды на Всеуральский слет;

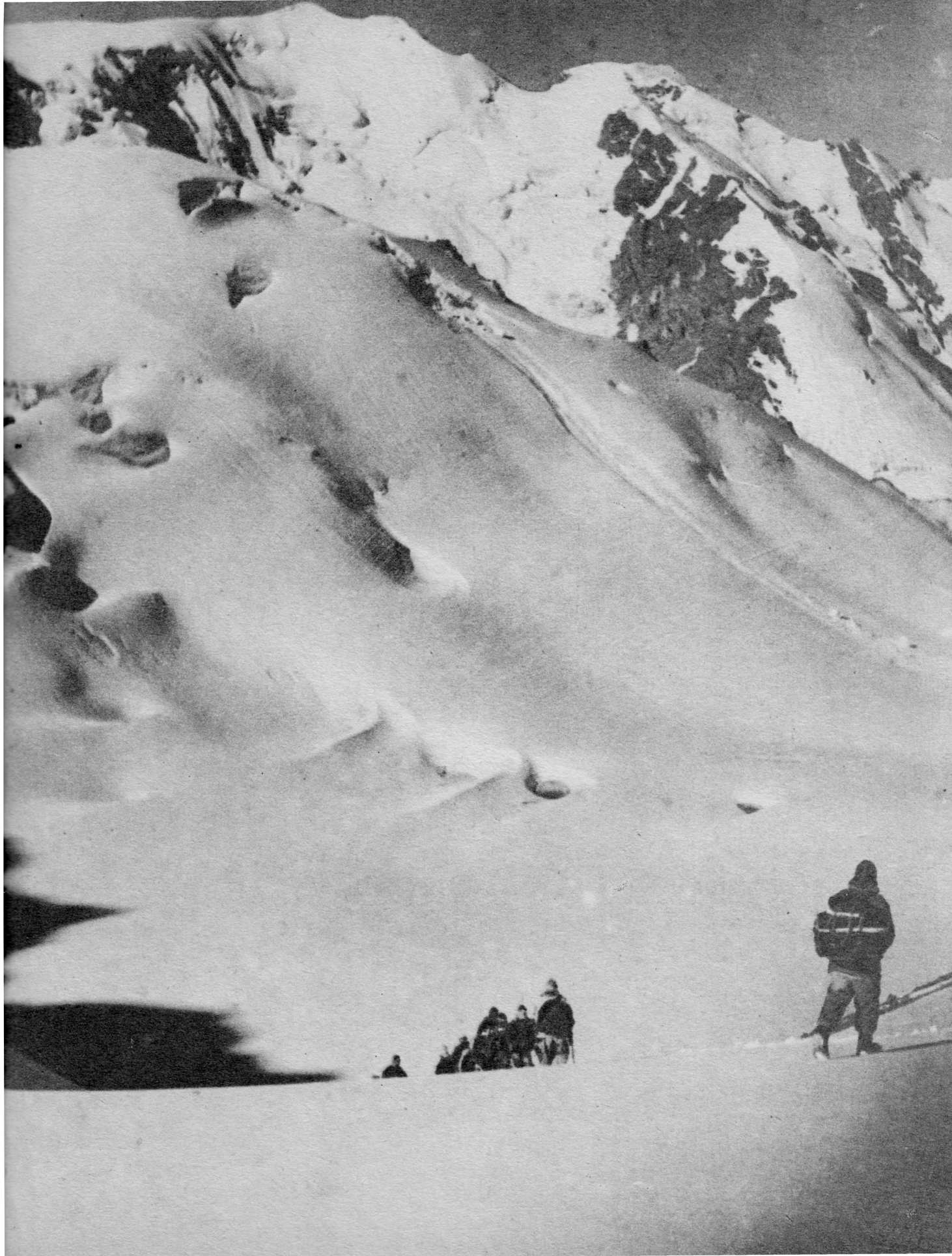
в планах работы клубов, туристских секций, ДСО предприятий (учебных заведений) предусматривать расходы на поездку лучшего отряда на слет следопытов;

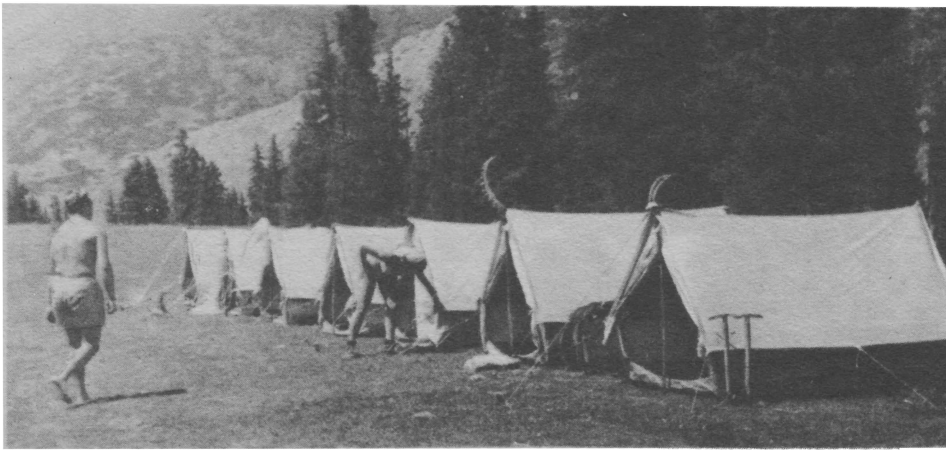
ходатайствовать перед Центральным Советом по туризму и ЦК ВЛКСМ о выпуске памятных значков «Юный следопыт», «Следопыт» и жетона «Следопыт СССР». Первыми награждать тех, кто собрал наиболее интересные материалы по теме: «50 лет Советской власти» или сделал значительное открытие в честь этой даты. Жетоны вручать участникам слета и активным организаторам следопытской работы;

туристские клубы вместе с райкомами и горкома ВЛКСМ должны пропагандировать следопытское движение, устраивать вечера-встречи лучших отрядов, рассказывать о них на страницах газет;

положение об очередном слете следопытов печатать не только на страницах «Уральского следопыта», но и в журнале «Турист СССР», во всех областных комсомольских газетах и в газете «Комсомольская правда».

Совет клуба «КРИСТАЛЛ»

ЛАГЕРЬ В УЩЕЛЬЕ ЧОН-АКСУ.

ИДЕМ ПО ЛЕДНИКУ „БОГАТЫРЬ“.

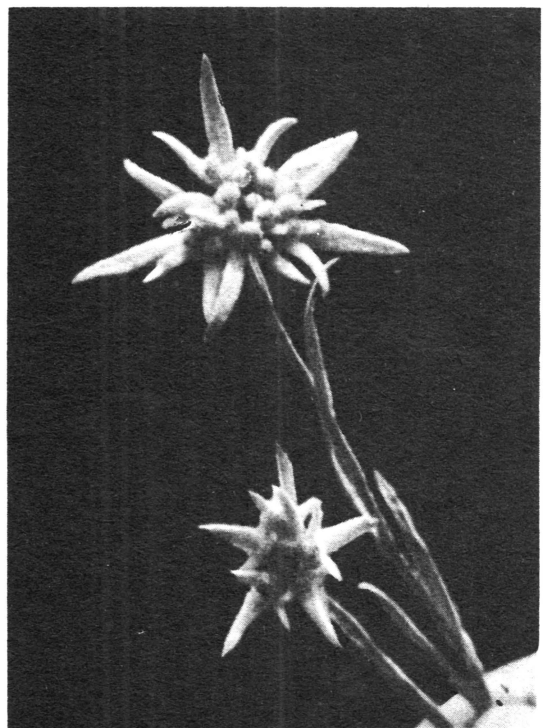
НЕЛЕГКО ПЕРЕПРАВИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ЛЕВЫЙ ТАЛГАР.

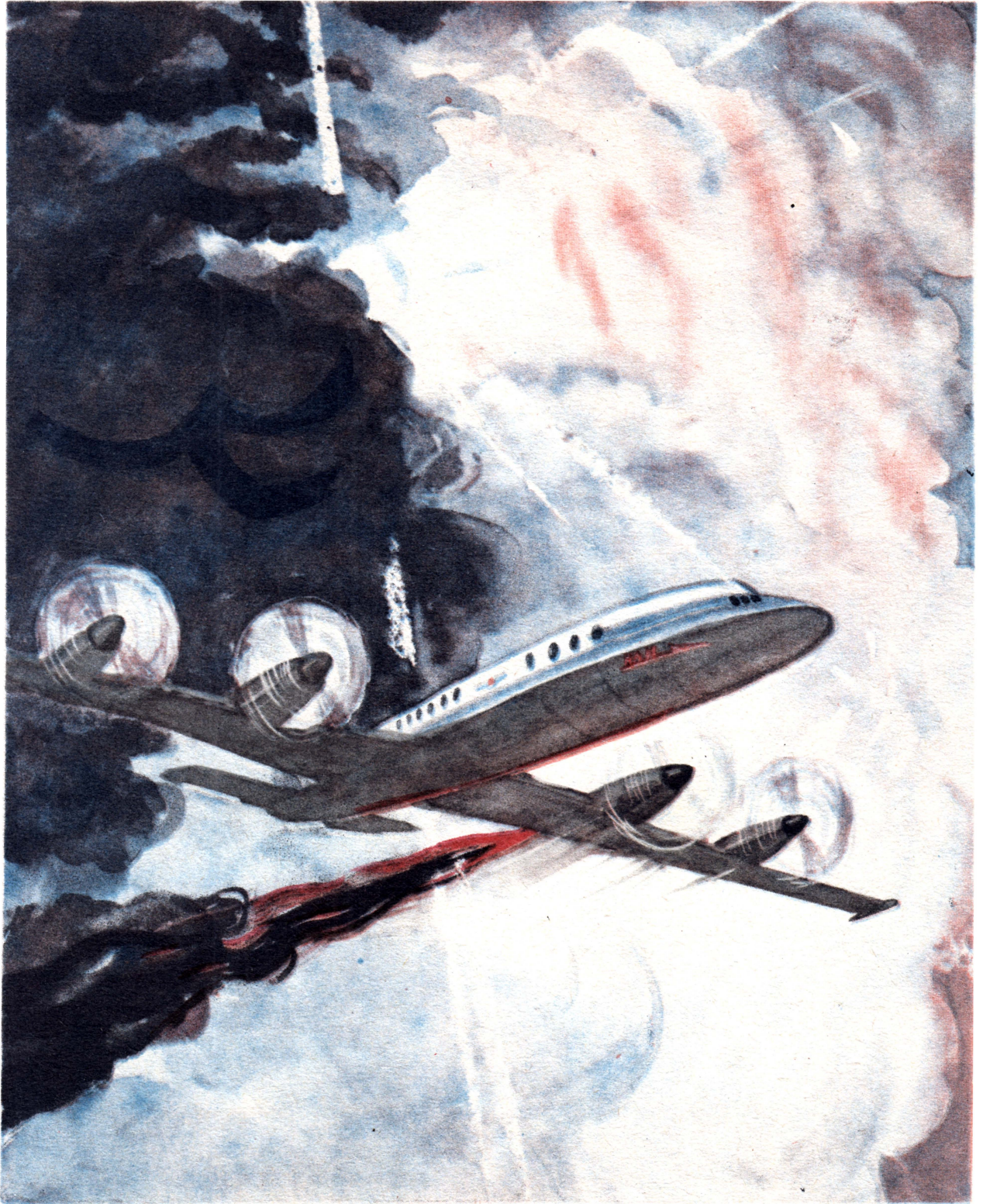

ВПЕЧАТЛЕНИЯ...

**В ПОХОДЕ
„КРИСТАЛЛ“**

ЭДЕЛЬВЕЙС.

Занес прочностью

Владимир СИБИРЕВ

Рисунки С. Киприна

1.

Привычно дремлет в салонах.
Тем Север снится, этим — Юг.
И двигатели камертоном
Гудят, баюкая...
И вдруг —
Вырвался зловецкий факел
Из-под левого крыла,
Стиснул топливные баки
В огненные удила!
А внизу туман угрюмый
Над поземкою полей
Да леса,
Черны, как трюмы
Затонувших кораблей.
В первый раз родные горы
Захотелось променять
На равнинные просторы,
На речную благодать.
Под шасси
Легко и звонко
Хрустнула б дорожка льда,
Как заветная «бетонка»...
Но ни речки, ни пруда.
На приборах отблеск нервный...
Ощувив, как пропасть,
Высь,
Двести рук
Уже, наверно,
В подлокотники впились.

2.

Не ступень от ракеты,
Не из космоса гость-метеор,
Это сорванный с плоскости
Грохнулся оземь мотор.
Догорая, дюраль
Стыл в оранжевом пепле,

И снега потускнели,
И окна от взрыва ослепли.
И казалось с земли:
Самолет перебитым крылом
Гор коснется
И рухнет за дальним селом.
Велика у хозяйки-земли
Притяжения сила.
Горизонт, словно обруч,
Повис
На консолях у «Ила».

3.

Жуток скрип крылатого металла.
И штурвал бунтует под рукой.
Белая рубашка тесной стала,
На пол сброшен галстук щегольской.
На запястьях голубеют вены.
И затылок командирский взмок,
Будто всю слепую тяжесть крена
Командир взвалить на плечи смог.
А консоли вздрагивают мелко,
А заклепки, как холодный пот.
И ползет высотомера стрелка,
Медленно, но все-таки ползет.
Только бы сдержать ее паденье
До черты, помеченной нулем!
И второй пилот без промедленья
Принимает власть над кораблем.
А через минуту на штурвале
Снова командирская рука...
Хаосом дымящихся развалин
Рушатся в пространство облака.

Жизнь у каждого только одна,
А пилот — за чужие в ответе.
Ты прости, командира жена,
Если станут сиротами дети.
И о вас его боль,
И о них,
Тех, кто в эти минуты с ним в рейсе...
Каждый взглядом к пилотской приник,
Став белей полотняных кресел.
Вот девчонка,
В косичках — капрон.

Нежит скрипку на круглых коленях.
Может, все это
Просту сон?
Но насадно турбинное пенье.
И в глазах у девчонки вопрос,
От которого некуда деться.
Что ей можно ответить всерьез?
Что отдать за доверчивость детства?
Рядом с нею
Седой офицер.
Он-то был в переделках суровых.
Взглянет, словно возьмет на прицел,
И дымит сигаретою снова.
Может, вспомнился бой у Карпат,
Где снаряды дробились о траки.
Нет, не взрывы считал он —
Солдат,
На броне уцелевших в атаке...
Все он понял. И сердцем своим
Слился с теми, кто там, в напряженьи.
Разрешили бы — встал рядовым
В этом, может, последнем сраженьи.

5.

Я знаю: ты б решился —
Смело шагнул на вражеский блиндаж
Или, как капитан Гастелло,
Увлек в бессмертье экипаж.
А тут не рвут небес зенитки,
Простор бездымен и широк.
Лишь плоскость стонет, как от пытки,
Надломленная поперек,

И бьется крохотная жилка
 Едва заметно на виске:
 Один неверный сдвиг закрылка —
 И полкрыла сорвет в пике!
 Тогда ни храбрость, ни уменье
 Помочь не смогут,
 А пока
 Помножь свой опыт на терпенье,
 Чтоб победить наверняка!
 И командир,
 Припав к приборам,—
 Чей пульс неровен и горяч,—
 Вел по воздушным коридорам
 Корабль,
 Как раненого врач.
 Впервые «Ил» назвав Илюшей,
 Он про себя твердил слова:
 — Ну, потерпи еще. Послушай:
 В локаторе видна Москва!

6.

И в наушниках, что серебро,
 Ясный голос вопросы чеканит:
 — Как, механик, с горючим?
 — Добро.
 — Штурман, как мы идем?
 — В расписаньи.
 И «второму»:
 — А ну-ка чуток
 Доверни. Так. Отлично, ребята.
 ...И срывается встречный поток,
 Обтекая крыло виновато.

7.

Позывные, в звездные просторы
 Брошенные ракетой с борта,

В два узла вязались, как швартовы,
 На антеннах аэропорта.
 Не по ним ли,
 Как канатным жилам,
 Самолет упрямо шел вперед,
 В три винта внушая пассажирам:
 — Все в порядке! Завершим полет!
 И Земля не щерилась горами,
 Разогнав туман до полюсов,
 Поводила синими бровями
 Бархатных от инея лесов.
 Летчики,
 Не глядя на консоли,
 Вслушивались в двигателей такт,
 Спянные командирской волей,
 Словно пальцы,
 Сжатые в кулак!

* * *

Однажды во время полета самолета «ИЛ-18» с пассажирами на борту произошел редчайший в авиационной практике случай: один из двигателей, загоревшись, вместе с мотогондолой сорвался с плоскости. В крыле образовалась большая пробоина. Катастрофа казалась неизбежной. Благодаря мужеству и высочайшему летному мастерству экипажа во главе с летчиком первого класса Александром Тубольцом полет завершился благополучно. Александр Туболец (ныне заместитель начальника Уральского управления гражданской авиации) за этот подвиг награжден орденом Красного Знамени.

ЖДУТ...

Борис БЕЛЕНЬКИЙ

Рисунки Н. Мооса

— Что такое кино? — категорически вопрошает собравшихся молодежный колхозный киномеханик Федор Егорычев.

Он хмурит лоб и делает при этом серьезное лицо. Федор худ и вихраст. Степное солнце издубило кожу, сделало белесыми ресницы и брови, отчего лицо Егорычева напоминает негатив.

— Так что такое кино?

— Известно, — раздается из толпы чей-то голос. — Развлечение...

— Нет, товарищи, — почему-то понижает голос Федор. — Типичная недооценка, если кто и думает так. Кино — это вот!

Он широко разводит руки, видимо изображая всеобъятность киноискусства.

— ...Кино — это мощный и наиболее действенный метод воспитания и формирования... этой... личности. Кино, как сказал товарищ Ленин, из всех искусств самое важное и самое большое!..

Одни молчат, сраженные его эрудицией. Другие лужают семечки и терпеливо ждут. Третьи — улыбаются. Но улыбаются как-то тепло, по-особому мягко. Улыбаются, потому что Федор все это уже говорил перед началом прошлого и позапрошлого сеансов. И вообще, приезжая на стан, он начинает показ кинофильма этим неизменным вступлением.

Но люди молчат. И слушают. И улыбаются. Потому, что Федор им всем симпатичен, потому что они не мыслят жизнь на полевом стане без среды и субботы, когда на пыльной степной дороге появляется знакомый старенький велосипед.

— Сегодня я покажу новую кинокартину «Всего дороже»...

— Так, глядели уже.

— Ты, Клавдия, за всех не говори.

— Глядели же, в городе...

— В городе, — в тон ей недовольно повторяет Егорычев. — А кто тебе велел? Ты в городе в театр ходи, в музей. А кино я тебе здесь показывать буду.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и снова повернулся в сторону Клавдии:

— Небось, с Шутовым Генкой в кино ходила?

— С ним...

— Тогда — смотри снова.

Дружный хохот покрывает перепалку.

Федор откашлялся.

— Кинокартина «Всего дороже» расскажет вам о честности в больших и малых делах. Семен Котышев...

— Чего? — поднялся могучий детина.

— Это не про тебя. Просто совпадение. Это в кино свой Котышев, колхозный шофер. Так, вот, этот Семен Котышев любит водку...

— Ох-хо-хо! — покатывается толпа. Действительно, совпадение!

— Так вот, товарищи, он пропил общественное сено. Инспектор ГАИ задержал его и спрашивает — твое это сено? Тогда Котышев решил идти за помощью к своему зятю, председателю колхоза. Дай, говорит, справку... В общем, вот и посмотрите, как человек однажды отошел от правды в малом, а попал в беду...

Егорычев пустил на экран луч. Люди притихли. Стало слышно, как застрекотал аппарат. После сеанса бригадир Полозков подошел к Егорычеву.

— Значит, говоришь, совпадение. — Он хитро улыбнулся и пожевал свой пышный ус. — Может, и про нашего Петра Фоминых что-либо подберешь?

Федор заморгал.

— Если что подберешь — вези. Сегодня у нас заночуешь или в село?

Перематывая ленту, Федор покачал головой.

— Нет, дядя Игнат. Мне еще в седьмую бригаду надо.

— В седьмую? — изумленно протянул Полозков. — Это же километров пятнадцать будет...

— Напрямик, через Сухую балку — меньше. Я ведь степью едзу.

— И технику, что ль, с собой? — указал бригадир на аппарат.

— Нет, только картину. Аппаратура в седьмой теперь своя.

Он уложил коробки с фильмом в мешки, связал их и перекинул через велосипедную раму.

— Ну, пока, дядя Игнат. — Федор оседлал велосипед и, улынувшись, добавил: — Может, и про Фоминных что-либо подберу.

Раскачиваясь в седле, он обогнул вагончик полевого стана и запылил по степной дороге. А бригадир Полозков долго смотрел ему вслед, пока худощавую фигуру Федора не скрыли густые августовские сумерки.

Свернув с большака, Егорычев поехал напрямком в сторону Сухой балки. Он ожесточенно крутил педали, изредка распрямляясь и смахивая ладонью липкие, солончатые капли пота. Он торопился. Через час на стане седьмой бригады должен начаться сеанс. А он, Федор Егорычев, не привык, чтобы его ждали люди. На склоне балки, звеня и поскрипывая, велосипед ходко покотился вниз. Федор нагнулся, нажал на педали, намереваясь

на ходу одолеть подъем. Но цепь неожиданно хрустнула, педали бессильно провернулись, и Федор оказался на земле. Велосипед лежал на нем, мешки с фильмом — рядом. Он поднялся, облил сухие спекшиеся губы, расстегнул ворот рубахи и с тоской глянул на велосипед.

Значит, седьмая бригада останется сегодня без кино. Люди будут его ждать... А он, Егорычев... А причем, собственно, Егорычев? Ведь только вчера он заходил к председателю колхоза. «Поймите, — сказал, — нельзя на ободьях ездить. Эту «коломбину» давно на лом пора, разве на ней наладишь кинообслуживание?» — «Потерпи, — бодро заверил председатель. — Придет время — на мотоцикл посажу».

Вот и посадил. А все почему? Ясное дело — недооценка. А если с полной ответственностью подойти — разве сидел бы Егорычев в степи, когда его ждут люди?

Он потер ушибленное колено и сел на траву. В степи стало совсем темно. Небо затянулось темным пологом, сквозь который неярко просвечивали первые звезды.

Федор задумался. Может, вернуться, попросить у Полозкова лошадь и гнать в круговую. Нет, не успеть... А люди уже, конечно, собрались, экран повесили, ждут...

А если пешком? Часа за два добраться можно. Но будут ли ждать на стане? А если не будут?

Федор поднялся, расправил штанину, взвалил мешок на плечи и, глянув на сиротливо лежащий велосипед, хромя, зашагал по степи.

Когда киномеханик Федор Егорычев подходил к полемому стану седьмой бригады, была уже полночь. Дверь вагончика была раскрыта, и яркий свет освещал людей, сидящих перед белым пятном экрана.

Давно кончилось время летних походов. Следопыты подводят итоги, оформляют материалы, создают новые витрины с экспонатами в школьных музеях, планируют будущие походы. А в редакцию все еще поступают сообщения о летних следопытских делах.

Пять лет назад молодой биолог Федор Маркелович Плотников создал из «трудных» подростков, живущих в микрорайоне школы № 88, отряд «Зеленый патруль». Мальчишки посмеивались над тем, что учитель вздумал с ними поиграть. Но вскоре увлеклись. Вместе с Федором Маркеловичем они стали патрулировать в садах и парках, ходить в походы.

У отряда появилась своя форма, и воспитанников Федора Маркеловича теперь хорошо знают в районе.

Нынче Плотников со своим отрядом выезжал в трудовой лагерь «Радуга», под Уфой. Там они отдыхали и работали, знакомились с азами военного дела, помогали колхозникам строить в Благовещенском районе ферму, выращивать скот, проводили спортивные соревнования.

Три поколения пионеров выросло в отряде слесаря Виктора Миннаева. Его штаб находится в «Победе» — самом большом кинотеатре столицы Башкирии. Следопыты создали здесь музей Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова, принесли из походов много интересных материалов по истории края.

Когда Андрей Петрович Колесников, директор школы, предложил создать музей, его поддержали не только ученики, но и все жители Варны — бывшей казачьей станицы, что расположена на юге Челябинской области. Они несли в свой музей старинные монеты, медали, книги, предметы домашнего быта. Так появилась в школе «История Башни Тамерлана», журнал № 2 1941 года, выпущенный ранеными эвакогоспиталю № 3756, книга о возникновении казачества на Южном Урале и другие экспонаты.

Коноармеец Ялупов подарил музею Почетную грамоту, подписанную в 1921 году Буденным и Ворошиловым. Учитель-пенсионер поселка Николаевский П. А. Соколов прислал французскую именную саблю — подарок русскому офицеру, участнику Отечественной войны 1812 года.

Много в музее материалов и фотографий, рассказывающих о гражданской войне на Урале.

Следопыты обошли все дома, обследовали все чердаки и подполья. На чердаке одного старого здания они нашли ружье, изготовленное в 1845 году в Ижевске; в подполье другого дома обнаружили кинжал.

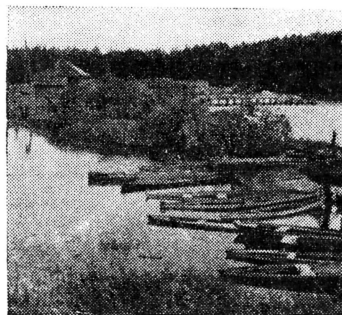
Музей растет. Сейчас ребята и преподаватели собирают материалы о сегодняшнем поселке. Многочисленные экспонаты скоро уже трудно будет разместить в школе. Было бы очень хорошо, если бы для народного музея выделили специальное помещение.

Несколько отрядов Старо-Матинской средней школы Бакалинского района (Башкирия) участвовали в массовом геологическом походе. Следопыты вели глазомерную съемку местности, описывали геологические обнажения, искали полезные ископаемые.

Результат — обнаружены значительное месторождение агроруды, выходы бурого угля, песка с желтой охрой. Все образцы представлены в Башкирское геологическое управление. Заявку следопытов проверял инженер-геолог Н. Ф. Шахмаев. Месторождение интересное, важное, запасы его исчисляются тысячами кубометров.

Уже в этом году агроруду начнет применять на своих полях Бакалинский зерносовхоз.

Плавающий остров

Возле города Талица Свердловской области — большой Ургинский пруд. Пруд старый, и давно уже на нем, вдаль у леса, выросли два полуострова.

Нынче летом случилось неожиданное. В жаркий июльский день подул сильный ветер. И внезапно один из полуостровов оторвался от берега и быстро понесся к плотине.

Так у плотины появился остров. Под ним большая глубина.

Как вы видите на снимке, «гость» закрыл путь к причалу лодкам.

В. ЧЕСАЛИН

С. СЛЕПЫНИН

Рисунки Ю. Ефимова

Фантастическая повесть

Нет, работа у меня сегодня решительно не клеится. Какая-то глухая тревога, предчувствие чего-то недоброго не дают покоя еще со вчерашнего утра.

Цефеиды, загадочные пульсирующие звезды... Какая благодатная, волнующая тема! Но я никак не мог начать сегодня вторую часть своего многолетнего научного труда о цефеидах, не мог выдавить из себя ни одной стоящей мысли. Три часа назад заложил в клавишный столик чистый кристалл для записей. Но он так и остался чистым, на нем не появилось ни одного слова. Я всячески пытался освободиться от непонятного, гнетущего чувства, но ничто не помогало. Работа не двигалась...

Наконец я встал и подошел к иллюминатору. Нажал кнопку, и внешняя противометеоритная шторка отошла в сторону.

Засверкала многоцветная звездная пыль. Наша Галактика... Я любил стоять у иллюминатора и, вглядываясь в пылающую Галактику, в эту непрочитанную огненную книгу, чувствовать себя шагающим по межзвездным просторам. Я, капитан звездолета, еще молод, настроен несколько романтически, и космический полет казался мне необычайно увлекательным приключением.

Одним словом, вид космоса всегда приносил мне радость. Но сейчас... Сейчас космос показался мне угрюмой и пугающей бездной. С ледяной улыбкой сфинкса он смотрел на щету жизни, на щету усилий человека, вторгшегося на крохотном корабле в его безграничные холодные просторы.

И снова вспомнился Вир-Виан... Не знаю почему, но в последнее время я все чаще вспоминаю этого выдающегося ученого и странного мыслителя. Все чаще и чаще забредаю в сумрачные дебри его космической

философии — философии ущербной, закатной и так соответствующей моему теперешнему подавленному настроению. Вот и сейчас, глядя в бездонную звездную пучину, я словно слышу шепот Вир-Виана: «Вселенная активно враждебна жизни... Жизнь — это крошечный водоворотик в огромном потоке звезд и галактик... А разум человека?.. Мертвая материя, безграничный космос всегда торжествуют над разумом Вселенной, над мудростью человека — над этим зыбким и кичливым духом...»

Я закрыл шторку иллюминатора и, чтобы освободиться от смутных, тревожных мыслей, снова сел за клавишный столик. Но не для того, чтобы продолжать научный труд. Нет, я решил писать нечто вроде дневника. Быть может, это занятие принесет мне облегчение и я забуду о своих недобрых предчувствиях. Во всяком случае, я попытаюсь разобрататься в них...

Против меня на стене тускло поблескивал экран внутренней связи. После квантового торможения связь расстроилась, и я был доволен, что никто не нарушит моего одиночества. Но к моей досаде экран вдруг засветился. На нем возникло лицо Рогуса. Больше всего мне не хотелось видеть именно его.

— Эо, капитан! — начал он виноватым голосом. — Как изображение? Я сейчас перед экраном в кают-компании.

На своем экране Рогус не увидит и не услышит меня до тех пор, пока я не включу связь со своей стороны. Что делать? Быть может, не включать? Но я все же включил.

— Чего хотите, Рогус? — нетерпеливо спросил я.

— Извините, капитан. Я исправил внутреннюю связь и хотел проверить, как она работает. Вижу, что все в порядке,

И он улыбнулся. Удивительная улыбка была у Рогуса — простодушная, как у ребенка, получившего удовольствие. Но она мне почему-то не нравилась всегда, с самого начала, с первого дня межзвездного полета. А сейчас она показалась мне еще неприятней.

— Спасибо, Рогус, — сухо поблагодарил я. — Не ожидал, что так быстро наладите связь. Вы хороший бортинженер.

Положив палец на кнопку, я хотел уже выключить связь, как вдруг подумал: «Сэнди-Ски... Каким он мне сейчас покажется, таким же необычным и чужим, как вчера, или нет?»

— Сэнди-Ски в рубке внешней связи? — спросил я.

— Да.

— Позовите его.

Появился улыбающийся Сэнди-Ски. И такое дружелюбие было написано на его крупном и выразительном лице, что я невольно улыбнулся в ответ. Тут же внутренне упрекнул себя: как я мог заподозрить в чем-то Сэнди-Ски!

— Эо, Тонри! — радостно приветствовал он меня.

— Эо! — воскликнул я. — Что нового на экране внешней связи? Как видна планета Голубая?

— Плохо, — вздохнул Сэнди-Ски. Улыбка на его лице погасла. — Вся освещенная часть Голубой затянута облаками. Пока веду наблюдение за другими планетами.

— Как только улучшится видимость, позовешь меня.

— Хорошо, Тонри. А ты, я вижу, начал вторую часть своего труда о цефеидах?

— Да.

— Успешно?

— Успешно, — ответил я, смутившись. Я впервые солгал свему другу.

— Отлично, дружище. Не буду мешать. Сэнди-Ски выключил связь. Его лицо затуманилось и исчезло с экрана.

В моей каюте снова наступила тишина. Лишь со стороны кормы доносился едва слышный гул двигателей. Чистый и ровный, он свидетельствовал об их отличном состоянии. Вообще на корабле все благополучно. И все же мое сердце снова сжала тревога. Ощущение неведомой опасности вновь охватило меня.

Что же, собственно, произошло? Почему я стал избегать членов экипажа и чего-то бояться? Пожалуй, с этого Сэнди-Ски все и началось. Вернее, с одного случая в рубке внешней связи. Было это утром 8 дня 109 года Эры Братства Полюсов — знаменательного дня в нашей жизни. В этот день мы приблизились к окраине планетной системы — цели нашего полета. Кибернетический пилот корабля, используя всю мощь квантового двигателя, погасил очень быстро межзвездную, субсветовую скорость до межпланетной. Мы же в это время, одетые в особые скафандры, спались от перегрузки в магнитно-волновых ваннах, висели там в паутине силовых полей. Если бы звездолет не был оснащен квантовыми тормозными устройствами и магнитно-волновыми ваннами, наше торможение затянулось бы на годы...

Когда корабль перешел на межпланетную скорость, мы выползли из ванн. Именно выползли, устало и ошалело оглядывая друг друга. Даже в ваннах мы чувствовали удушливую, свинцовую тяжесть невероятной перегрузки.

Члены экипажа разбрелись по своим каютам. Лишь Сэнди-Ски остался в кают-компании. Растянувшись в мягком кресле, он проговорил:

— Отдохну и здесь.

У меня же было много дел. Да и чувствовал я себя, пожалуй, всех бодрее. Я уселся в глубокое кресло перед пультом управления и по приборам долго следил за работой всех агрегатов корабля. Квантовое торможение почти не отразилось на показаниях приборов. Все было в норме. Молодец все-таки Рогус, хороший, знающий бортинженер.

Я пошел в рубку внешней связи. Субсветовая скорость до сих пор мешала получать четкое изображение. Сейчас же мне хотелось посмотреть на планеты при замедленной скорости корабля.

Сел перед огромным круглым экраном внешней связи и включил квантовый телескоп — мощный глаз корабля, дающий возможность производить локацию отдаленных космических тел. На экране развернулась изумительно четкая картина целого хоровода планет.

Обернувшись назад, я крикнул в кают-компанию:

— Сэнди! Ты отдохнул?

— Немного отдышался. А что?

— Иди сюда! Здесь такое зрелище...

Сэнди-Ски вошел в рубку и встал за моей спиной, опираясь на спинку кресла. Касаясь пальцами кнопок, я стал увеличивать изображение. На экране выплывали отдельные планеты. Первой показалась полосатая гигантская планета — самая большая в этой системе. На ее поверхности бушевали неимоверной силы атмосферные бури. Она имела около десятка спутников. Небольшой поворот тумблера, и на экране возникла соседняя планета, чуть меньше, но с оригинальным украшением — ярким кольцом.

— Зачем выхватываешь планеты из середины? — проворчал Сэнди-Ски. — Ты давай по порядку.

Я перевел луч квантового телескопа туда, где находилась орбита планеты, ближайшей к центральному светилу. С трудом нащупал маленькую, юркую планету, лишенную атмосферы.

— Я так и знал: мертвая планета, — сказал Сэнди-Ски. — Она похожа на нашу Зиргу. Давай дальше.

Сэнди-Ски хотел поскорее рассмотреть третью планету — Голубую, как мы называли ее раньше. Но я все же сначала показал ему другую — вторую от центрального светила. Она имела плотную и совершенно непрозрачную атмосферу. «Таинственной незнакомкой» назвал ее как-то Сэнди-Ски.

— Давай дальше, — нетерпеливо шептал за моей спиной Сэнди-Ски.

Я стал нащупывать планету Голубую. Вот она! Отчетливо, как никогда раньше, мы видели голубые океаны, зеленые материи, белоснежные полярные шапки и облака.

— Жизни! — воскликнул Сэнди-Ски. — Я же говорил, что здесь есть жизнь. Голубая — настоящая жемчужина этой планетной системы. Какая пышная, богатая биосфера! Да это настоящая оранжерея! Не то, что наша Зургана.

«Жемчужина», «оранжерея» — как естественно прозвучали эти образные слова в устах Сэнди-Ски. И все же, когда Сэнди-Ски сравнивал планету Голубую с нашей родной Зурганой, я вдруг почувствовал, что в его речи чего-то не хватает. Чего? Я и сейчас не могу дать на это определенного ответа. Если бы вместо Сэнди-Ски был Рогус или пилот Али-Ан, я бы не удивился. Тех я считал людьми несколько скучноватыми. Но ведь это Сэнди-Ски с его необузданной, причудливой фантазией, Сэнди-Ски, которого я знал как самого себя! Почему же в его упоминании о нашей родной планете я не уловил какой-то живой и дорогой сердцу нотки? Слово Сэнди-Ски никогда не жил на Зургане, а имел о ней основательное, но книжное представление. Неужели он не помнит, например, как мы совершили с ним труднейший пеший переход по Великой Экваториальной пустыне до оазиса Хари? Я до сих пор чувствую, как тогда немилосердно палило солнце, как захлестывали нас горячие бури, а на зубах противно скрипел песок. Но мы шли и шли по бескрайнему океану песков, гордясь своей силой и выносливостью.

Нет, я не прав, Сэнди-Ски хорошо помнит этот эпизод из нашей жизни на Зургане. Он сам рассказал о нем. Но рассказал так, что я не почувствовал жаркого дыхания пустыни, рассказал как-то рассудочно. И нельзя сказать, что речь Сэнди-Ски была унылой и плоской, как та пустыня, о которой он говорил. Его речь была по-прежнему сочна и метафорична. Но странное дело: все метафоры словно потускнели. Да, именно такое впечатление, как будто Сэнди-Ски не жил на Зургане. Он словно не впитал всеми порами своего тела жарких лучей нашего буйного солнца, словно никогда не ощущал упоительной прохлады северных лесов...

Когда я подумал об этом, сидя за экраном внешней связи, я почувствовал вдруг какое-то смутное беспокойство, даже тревогу и невольно обернулся. Меня не удивило взволнованное лицо Сэнди-Ски с выражением жадного любопытства. Именно таким я и ожидал увидеть лицо моего друга в этот момент. Но его глаза! Не знаю почему, но я вздрогнул, взглянув в его глаза...

* * *

Хрусталеv отодвинул рукопись в сторону, достал папиросу и, улыбувшись, взглянул на Кашина и Дроздова. На их лицах он увидел любопытство с некоторой долей недоумения. И немудрено. Хрусталеv позвал их вечером к себе домой, чтобы прочитать какую-то рукопись. Но какую, он толком не объяснил.

Не спеша закурив, Хрусталеv придвинул папку и, еще раз взглянув на друзей, приготовился читать дальше.

— Подожди, Сергей! — остановил его Кашин. — Признаюсь, ты нас заинтриговал. — И, насмешливо сощурившись, спросил: — Ты что, на старости лет ударился в научную фантастику?

— Нет, друзья, это не фантастика, — рассмеялся Хрусталеv. — Я вас, видимо, еще больше заинтригую, если скажу, что это дневник астронавта.

Дроздов, невозмутимый, несколько располневший человек, сидевший в мягком кресле в ленивой и удобной позе, усмехнулся и, махнув рукой, сказал:

— Конечно, фантастика. Я даже догадываюсь, о какой планетной системе говорится в твоей рукописи. О нашей Солнечной. Самая большая планета — это Юпитер; другая, поменьше, с ярким кольцом, — Сатурн. А планета Голубая с богатой биосферой — это, конечно, наша Земля.

— Верно, — сказал Хрусталеv. — В конце прошлого века к нам на Землю летел корабль с далекой планеты Зургана.

— Ого, Зургана! — воскликнул, смеясь, Кашин. — Красивое название! Почти по Грину. Еще что придумал? Давай читай без предисловий.

— Но я хочу убедить вас, что это не выдумка. Вы, вероятно, знаете о некоторых загадочных фактах, которые трудно объяснить. Например, знаменитая веранда в горах Антиливана, в бассейне Мертвого моря. Это удивительное сооружение сложено из плит весом свыше тысячи тонн каждая. Даже в наше

время нет таких технических средств, с помощью которых можно поднять эти гигантские плиты и уложить их в соответствующем порядке. Некоторые ученые предполагают, что веранда воздвигнута в глубокой древности инопланетными пришельцами....

— В знак посещения Земли, — перебил Кашин. — Дальше ты расскажешь о изображениях марсиан, найденных в Сахаре, и так далее... А что нового добавишь?

Хрусталеv вынул из ящика письменного стола небольшую странного вида шкатулку и открыл ее. Внутри лежал прозрачный многогранный кристалл величиной с голубиное яйцо.

— Вот оно, доказательство, — чуть волнуясь, сказал Хрусталеv.

— Похоже на алмаз, — проговорил Дроздов.

— Похоже, — согласился Хрусталеv. — Но это не алмаз. Присмотритесь внимательно.

Внутри кристалла вспыхнула оранжевая искра. Она разгоралась. И вдруг весь кристалл запылал буйным многоцветным пламенем. На мгновение он угасал, образуя как бы паузы, затем вспыхивал с прежней силой.

Закрыв шкатулку, Хрусталеv сказал:

— Когда шкатулка закрыта, пламя гаснет. Я не хочу зря тратить энергию, источник которой еще неизвестен. Вероятно, вы догадываетесь, что этот кристалл и есть дневник астронавта. Дневник написан разноцветными, пламенеющими, как огонь, знаками-буквами, которые образуют слова. Слова и фразы разделены паузами. Жителям планеты Зурганы, откуда летел астронавт, такие кристаллы, по видимому, заменяют книги или тетради. Когда обитатель Зурганы хотел сделать какую-либо запись, он вставлял кристалл в особый аппарат. После этого человек — я так буду называть разумных обитателей Зурганы — садился за столик и пальцами нажимал на разноцветные клавиши. Он словно играл на клавишном музыкальном инструменте. Аппарат настолько чуток, что он на кристалле в цветах, в их трудноуловимых оттенках воспроизводил душевное настроение человека. Каждое слово наполнялось не только логическим, но и лирическим, эмоциональным содержанием. Таким образом, каждая фраза, запечатленная в гармонии цветов, захватывает, чем-то волнует, производит впечатление какой-то музыки — то радостной, то торжественной, то печальной — в зависимости от настроения человека, сделавшего запись. Но об этом немного позже.

— Интересно, — задумчиво проговорил Кашин. Он был серьезен и больше не подтрунивал над Хрусталевым. — И все же это так фантастично, что с трудом верится... Кристалл действительно любопытный. Как он попал к тебе?

— Как попал, спрашиваешь? Случайно попал. Летом прошлого года. Как вы знаете, я проводил отпуск у себя на родине, на Северном Урале. Как-то пошел на охоту и забрел в небольшую деревню, затерявшуюся в тайге. Заночевать пришлось в избушке старого охотника Вавилова. Вот у него-то я и увидел эту шкатулку, сделанную из неизвестной пластмассы. Вавилов рассказал мне любопытную историю, связанную со шкатулкой, историю,

превратившуюся в своеобразную семейную легенду. Однажды дед Вавилова возвращался с охоты и остановился отдохнуть на опушке большой поляны. Я уже знал эту поляну, ровную, с твердым грунтом, представляющую хорошую площадку...

— Для посадки космических кораблей! — не выдержал Кашин. — А сейчас ты поведаешь о том, как к деду Вавилова пожаловал гость из космоса.

— Почти угадал, — улыбнулся Хрусталеv. — Вот что увидел дед Вавилов, которому было тогда около шестидесяти лет. С северо-запада на поляну с необычным шумом летело раскаленное тело. Старый охотник не раз видел на своем веку падающие небесные камни. Но такого еще не встречал. Небесное тело с огненным хвостом снизилось над поляной. От него отделилась какая-то точка и стала падать. Охотник ждал, что небесное тело, на минуту словно застывшее в воздухе, тоже вот-вот сорвется и упадет. Но, к его удивлению, произошло совсем необычное. Небесное тело круто повернуло вверх и стало стремительно удаляться от Земли. Охотник долго смотрел, как в вышине таяла огненная точка. Вот она превратилась в крохотную звездочку и совсем погасла. И вдруг охотнику показалось, что в яркой синеве неба он заметил мгновенную вспышку. Немало подивившись, он вышел на поляну и увидел небольшой ящичек. Вавилов поднял его, но тут же, вскрикнув от боли, выпустил из рук. Ящичек был горяч, как уголь, взятый только что из костра. Охотник немного подождал, пока ящичек остынет, и отнес его домой. В деревне он рассказал обо всем. Но все сочли это за небылицу. Признаю, я тоже не поверил. Но ящичек-шкатулка заинтересовала меня. Я попытался открыть его, но не смог, так как стенки были сильно оплавлены. И только дома, в Москве (Вавилов разрешил мне взять шкатулку на исследование) с трудом добрался до кристалла.

— И ты заинтересовался им как геолог? — спросил Дроздов, слушающий Хрусталева с нескрываемым любопытством. Его обычной апатии и невозмутимости как не бывало.

— Ну, конечно, я же геолог! — воскликнул Хрусталеv. — Пляшущие цвета поразили меня, а сам кристалл не походил ни на один земной минерал. В шкатулке я обнаружил небольшой осколок кристалла. Я тщательно осмотрел кристалл и нашел его в полной сохранности. Создавалось впечатление, что осколок положен специально. Но зачем? Ответ напрашивался сам собой: для того, чтобы произвести анализ минерала, не разрушая кристалл. Я так и сделал. Вот что дал анализ: углерода — 53 процента, азота — 19, кремния — 12, магния — 10 и золота — 6 процентов. Итого пять элементов. Вглядываясь в загадочные пляшущие цвета, я почувствовал смену моего собственного настроения. Я переживал то страх, то радость, то грусть. И тут меня ошеломила догадка: на кристалле огненными знаками записаны какие-то сведения. Я, конечно, тогда еще и не думал, что кристалл — дневник астронавта.

Как расшифровать эти знаки? Я тщательно изучал запись на кристалле, особенно начало, и уловил некоторые закономерности,

А именно: вначале шли пять серий огненных знаков, разделенных небольшими паузами. Эти пять серий повторялись трижды. Затем длинная пауза, а за ней — целая группа серий. В ней, наряду с другими, я уловил уже знакомые мне серии.

Начал соображать: пять серий, разделенных небольшими паузами, — это пять слов, а целая группа серий — это уже фраза. И тут меня осенила еще одна счастливая догадка. Пять слов — это пять элементов, из которых состоит кристалл: углерод, азот, кремний, магний и золото. А фраза, повторенная дважды, должна была, на мой взгляд, переводиться так: «Этот кристалл состоит из пяти элементов — углерода, азота, кремния, магния и золота». Таким образом, у меня было что-то вроде ключа к неведомому языку.

— Молодец, Сергей! — воскликнул Кашин и добавил со своей обычной добродушной иронией: — Я давно подозревал, что ты смысленный малый.

— Вот именно, — усмехнулся Хрусталеv. — То же самое, только иными словами, сказал и Хабанов. Это мой приятель, очень способный лингвист из института языкознания.

Вспышки кристалла мы с Хабановым сняли на цветную пленку. Хабанов часто брал ее с собой в институт, чтобы поработать там с помощью электронной машины — переводчика... В общем, не буду рассказывать о том, как мы работали. Вернее, не мы, а Хабанов и его машина. В ней, в бедняге, что-то сгорало четыре раза... Ну, а результат все-таки — вот он. Перевод, правда, еще далеко не совершенный. В тексте было немало пропусков, неясных мест. Ведь в дневнике говорится о понятиях и явлениях, совершенно неизвестных на Земле. Я продолжал работать уже как редактор, чтобы приблизить текст, так сказать, к земным условиям. О многом мне пришлось догадываться, а то и просто домысливать. Поэтому не удивляйтесь, что в дневнике неземного астронавта так много земных понятий, образов и представлений.

— Теперь немного яснее, что за рукопись ты начал читать, — проговорил Дроздов. — Но почему космический корабль не сел? Что стало с кораблем? Куда он улетел? Или совершил посадку в другом месте Земли? — Вопросы можно было воспринять как серьезные и в то же время — иронические.

— Справедливые вопросы, — спокойно сказал Хрусталеv. — Посадка на Землю была целью звездной экспедиции. Но капитан корабля боялся, что это на тысячелетия задержит развитие земной цивилизации.

— Невероятно! — воскликнул Кашин. — Какие-то загадки.

— Все разъяснится, когда дочитаю рукопись до конца.

— Тогда продолжай, — сказал Кашин. — Фантастика это или нет, но мы готовы слушать.

— А перед этим посмотрите, как выглядит в цветных знаках хотя бы начало дневника. Цветная запись на кристалле передает не только смысл речи. Она музыкальна. В буквальном смысле музыкальна.

Хрусталеv открыл шкатулку. Через минуту кристалл заискрился, запламенел мно-

гоцветными знаками. В чередовании и интенсивности цветных знаков Дроздов и Кашин почувствовали что-то тревожное. И вдруг им почудилась какая-то музыка, какие-то певучие волнующие звуки. В них слышалось чувство такого одиночества и скорби, что все вздрогнуло.

— Что это? — спросил Кашин. — Почему такая скорбь?

— Это лишь начало дневника, — сказал Хрусталеv. — Не весь он написан в таких трагических тонах. В нем много и ликующих красок и звуков... А теперь наберитесь терпения и слушайте.

* * *

...Глаза Сэнди-Ски... Я лишь мельком взглянул, лишь на мгновение проник в их глубину. И они мне почему-то не понравились, что-то чуждое отразилось в них. В чем дело? Я не мог дать ясного ответа.

Встревоженный, встал с кресла.

— Что с тобой, Тонри? — спросил Сэнди-Ски.

В его словах было неподдельное участие. Да, с таким участием мог спросить только мой друг Сэнди-Ски. И все же мне не хотелось остаться сейчас наедине с ним.

— Видимо, устал, Сэнди, — проговорил я как можно спокойнее. — Я же не отдыхал после торжества. Пойду к себе.

— Конечно, отдохни...

Я вышел и попал в соседнюю рубку — рубку управления. Члены экипажа уже приступили к своим обязанностям. Над приборами пульта управления склонилась тонкая и длинная фигура пилота Али-Ана. Рядом у клавиатуры главного электронного мозга возился аккуратный и трудолюбивый, как муравей, бортинженер Рогус. Он взглянул на меня и улыбнулся.

У меня не было желания с кем-либо разговаривать, и я постарался поскорее уйти в кают-компанию. Там никого не было. Спустился по лестнице в коридор, по обеим сторонам которого расположены чаши каюты — святая святых каждого участника экспедиции. По нашим обычаям в каюту никто не заходил без особого приглашения хозяина, никто не мешал заниматься научной работой, отдыхать, слушать музыку, читать... Вместе собирались лишь в кают-компании.

Я закрылся в своей каюте и сел за клавишный столик. Что меня, собственно, встревожило? — спрашивал я себя — Глаза Сэнди-Ски? Но я их и не рассматривал как следует. Но вот Рогус... Минуту назад, когда я проходил через рубку управления, Рогус обернулся и посмотрел на меня. На его некрасивом лице появилась обычная по-детски бесхитростная улыбка. Но сейчас, вспоминая эту улыбку, я подумал, что она не такая уж простая и бесхитростная. На какой-то миг в ней проскользнуло что-то наглое и горжествующее.

«Неужели?...» — обожгло вдруг страшное подозрение.

Я встал и начал ходить из угла в угол. Какая чепуха! — говорил я себе. — Какая нелепая мысль! Как они могли появиться на корабле? Вздор! Просто в последнее время расшалились нервы, и мне стала мерещиться всякая чертовщина.

Снова сел за клавишный столик и, чтобы

успокоиться, решил продолжать труд о цефеидах. Но работа не клеилась... Это было вчера. А сегодня еще раз попытался, но безуспешно. И вот вместо научного труда на новом кристалле я пишу сейчас этот странный дневник-самоанализ.

В каюте раздался трехкратный мелодичный звон. Я взглянул на часы. Через полчаса начнутся на корабле новые сутки. Через полтора часа спать... А сейчас по традиции все члены экипажа собираются в кают-компанию. Мой помощник Али-Ан делает доклад о событиях прошедшего дня. После этого все станут высказывать свои мнения, строить планы на следующий день. А под конец Лари-Ла будет рассказывать свои забавные, веселые истории.

Мне всегда нравились эти вечера в кают-компании. Но сегодня, впервые за много лет межзвездного полета, не хотелось идти туда. Но идти надо...

...Сейчас члены экипажа спят. Один лишь я нарушаю режим. Вернувшись из кают-компаний, снова сел за клавишный столик, чтобы записать все, что там произошло сегодня вечером.

Когда я вошел в кают-компанию, все уже сидели в креслах.

— Как самочувствие, капитан? — слышались участливые голоса.

Я успокоил всех, сказав, что отдохнул хорошо и что самочувствие, как всегда, отличное.

— Начинать доклад, — обратился я к Али-Ану.

Али-Ан встал, вышел на середину каюты и с минуту молчал, собираясь с мыслями. Я уважал этого поразительно хладнокровного пилота, умного и волевого. Высокий и стройный, он был бы красив, если бы не сухое и несколько надменное выражение лица. В противоположность Лари-Ла и Сэнди-Ски, он был постоянно строг и серьезен. Лишь изредка на его бледных губах появлялась тонкая улыбка, острая, как клинок. И вообще Али-Ан сух, холоден и логичен, как учебник геометрии. Никаких эксцентричностей, никаких причуд, как у Сэнди-Ски. Но и взлетов никаких. «Именно такие, как Али-Ан, были лучшими образцами для молодчиков Вир-Виана», — подумалось мне. Но я отогнал эту вздорную мысль.

— Сегодняшний день, — начал Али-Ан, — самый знаменательный, переломный в нашей экспедиции. Мы произвели квантовое торможение на дальних подступах к планетной системе — цели нашего полета. Все члены экипажа чувствуют себя удовлетворительно. Механизмы и приборы в полной исправности. До орбиты самой близкой к нам планеты осталось около десяти дней полета на межпланетной скорости. Скоро мы будем готовиться к посадке на планету. А на какую планету — об этом полезно выслушать мнение планетолога Сэнди-Ски.

Вот и все. Али-Ан, как всегда, краток и точен.

Сэнди-Ски встал и начал крупными шагами ходить по кают-компанию. Я посмотрел на его горевшие вдохновенные глаза, на его

оживленное лицо и ничего подозрительного не нашел. Мне стало стыдно за свою мнительность.

— Нам повезло, — остановившись, заговорил Сэнди-Ски. — Чертовски повезло. Я просто не ожидал, что мы найдем здесь такую необычайно сложную и богатую систему. Вокруг центрального светила вращаются девять планет. Девять! Многие из них имеют спутников.

Жестикулируя, Сэнди-Ски кратко, но живописно охарактеризовал каждую планету. Он еще больше оживился, когда стал под конец рассказывать о «жемчужине» системы — о планете Голубой.

Я с любопытством взглянул на нашего биолога и врача Лари-Ла. Как он воспримет весть о богатой биосфере планеты Голубой?

Добродушный толстяк Лари-Ла обычно не сидел, а полулежал в глубоком кресле в свободной и ленивой позе. Но сейчас он, упираясь руками в подлокотники, привстал и с живейшим интересом слушал планетолога.

— Что? — прошептал он. — Зеленая растительность? Органическая жизнь?

Наконец он вскопчил и начал смешно кружиться вокруг Сэнди-Ски.

— Это же здорово! — воскликнул Лари-Ла, размахивая руками. Хлопнув по плечу Сэнди-Ски, он сказал: — Ну, дружище, ты меня обрадовал. Наконец-то я займусь настоящей работой. Как я устал от безделья!

Лари-Ла и в самом деле изнывал от безделья. На корабле никто не болел. И ему никак не удавалось обогатить медицинскую науку открытием новых, «космических» болезней. К теоретической работе он не имел особой склонности и все дни только и делал, что писал у себя в каюте своеобразный юмористический дневник, напичканный разными анекдотами, забавными случаями и происшествиями. Мы иногда смеялись над тем, что к моменту возвращения на Зургану у нас будет не только серьезный, академичный бортовой журнал, записываемый в памяти главного электронного мозга, но и дневник Лари-Ла, рисующий нашу экспедицию в весьма своеобразном освещении.

— Однажды от безделья, — заговорил Лари-Ла, когда Сэнди-Ски сел в кресло, — я превратился знаете в кого? В колдуна! Да-да! Не удивляйтесь: в древнего колдуна. Это было, конечно, на Зургане. Я работал одно время врачом в археологической экспедиции. Археологи — неприлично здоровый народ, и меня томила скука. От одного из археологов я узнал, как выглядели и чем занимались древние колдуны. И вот я решил напугать археологов, сыграть с этими здоровяками злую шутку. Однажды ночью они сидели у костра. Я же в это время, спрятавшись в кустах, наспех переодевался и гримировался. Вы только представьте себе такую картину: темная ночь, тревожный шум листвы, первобытный костер и разговоры о древних суевериях и прочей чертовщине. И вдруг перед археологами появился самый настоящий колдун — в живописном костюме, с густой и длинной, до колен, бородой и с нелепыми телодвижениями. Вы бы только посмотрели — эффект был поразительный!

И Лари-Ла показал нам, как он изобра-

жал перед оторопевшими археологами колдуна. Лари-Ла обладал незаурядным актерским талантом, и все мы смеялись от души. Его артистическому успеху способствовал сегодняшний костюм. Он единственный у нас зачастую нарушал форму астронавта. Все мы носили простые, крепкие и удобные комбинезоны, а Лари-Ла питал пристрастие к праздничной одежде, иногда крикливой и сверхмодной. Сегодня вечером, как нарочно, он был в экстравагантном костюме, сильно смахивавшем на одеяние древних колдунов.

— А вот еще один случай...

Но в это время снова раздался трехкратный звон, и все жилые помещения корабля наполнились нежными звуками ночной мелодии. Это своеобразная музыка, ласковая и усыпляющая. В ней слышатся звуки ночной природы — и шелест трав, и мягкое шуршание морского прибора.

Лари-Ла сегодня больше ничего не рассказывал. Он строг и придиричив, когда дело касается режима.

— Об этом случае завтра, — сказал он. Все разошлись по каютам. Лишь молодой штурман Тари-Тау остался дежурить у пульта управления.

Вечер в кают-компании мне понравился. Смешно, что у меня возникли какие-то неле-

пые подозрения. И все же... Все же мне почему-то грустно и немножко не по себе. Почему — и сам не знаю.

Звуки ночной мелодии становятся все нежней и нежней. Невольно слипаются глаза. С завтрашнего дня буду вести дневник систематически. А сейчас спать.

11-й день 109 года

Эры Братства Поллюсов

Утро!.. Трудно сказать, что мне больше нравится в нашей строго размеренной жизни — уютно-интимные вечера в кают-компании или бодрые утренние часы.

Проснулся я от громких, медно-звонящих звуков утренней мелодии. В противоположность усыпляющей — ночной — она полна энергии и бодрости, в ней много ликующих, солнечных звуков.

Быстро одевшись, я поспешил в кают-компанию и присоединился к членам экипажа, которые проделывали гимнастические упражнения. После гимнастики мы, весело толкаясь,

пошли через узкую дверь в углу кают-компаний в кабину утренней свежести.

Кабина утренней свежести — это бассейн, наполненный морской водой и прикрытый сверху серебристой полусферой — экраном. Раздвигшись, мы выстроились на песчаном мысе. Было холодно и неудобно. Но вот Али-Ан дотянулся до кнопки у двери. И в миг все преобразилось.

Мы по-прежнему стояли на песчаной отмели. Но перед нами был уже не бассейн, а бескрайний океан. Вода, до этого неподвижная, заколыхалась, и наши голые ноги начал лизать пенистый прибой. Блестящая полусфера превратилась в беспредельный голубой небосвод. Оттуда полились жаркие лучи искусственного солнца, так похожего на солнце родной планеты. Далеко впереди зазеленел остров, покрытый густой растительностью. Подул ветер, чудесный соленый ветер, пахнувший ароматом трав и древних морских приключений...

Здесь, в кабине утренней свежести, мы забывали, что находимся на звездолете, затерянные среди холода безграничных пространств. Каждой частицей своего тела мы ощущали родную планету, чувствовали палящие лучи нашего неистового солнца, слышали стеклянный звон морского прибоя и шелест листвы...

На песчаной отмели становилось жарко. Мы бросились в воду и поплыли наперегонки. Вперед вырвался Лари-Ла. Меня всегда изумлял этот расплывший увалень: плывал он превосходно. Я кое-как догнал его. Но далеко плыть нельзя: впереди все же не настоящая морская горизонт, а экран, создающий иллюзию бесконечной стихии.

Когда мы, освеженные и веселые, вышли на песчаную отмель, хлынул теплый дождь, который сменился ультразвуковым душем. Ультразвуковые волны, пронизывая тело, то сжимали, то растягивали каждую клетку организма. Получался исключительно приятный и полезный микромассаж.

Натянув комбинезон, я первым вышел из кабины — вышел бодрым и свежим, как росистое утро. Вслед за мной выскочил Сэнди-Ски. Его густые, мохнатые брови забавно шевелились: Сэнди-Ски испытывал блаженство.

— Слово заново родился, — рассмеялся он. — Кабина мне напоминает остров Астронавтов. Исключительно приятный остров!

— На Зургане ты отзывался об этом острове несколько иначе, — возразил я. — Предполетную подготовку, доказывал ты, астронавт должен проходить в суровых условиях, где-нибудь в пустыне или в горах, а не на этом тепличном острове, где разнеживается человек, размягчается его воля.

— Я говорил тогда чистейший вздор. Я переменял свое мнение после одного случая. Помнишь?

И Сэнди-Ски заговорил о том, как мы, в порядке спортивной подготовки, пешком пересекли остров Астронавтов.

Сэнди-Ски ушел в рубку внешней связи, а я уселся в кресло перед пультом управления. Сэнди-Ски напомнил почти забытый мною эпизод. Я живо представил этот исключительно трудный переход через остров Астронавтов, вспомнил, как мы преодолевали густые заросли, стремительные реки, скалистые горы.

Сэнди-Ски рассказал все скрупулезно точно. И в то же время в его рассказе чего-то не хватало, чего-то конкретного, живого, трепещущего...

На минуту мной снова овладела тревога, снова зашевелились гнусные подозрения, сдобренные изрядной порцией страха — отвратительного, липкого страха.

Надо посоветоваться с Лари-Ла. Ведь мнительность — один из признаков расстройства нервной системы...

Но тогда я был настолько погружен в веселые мысли, что не услышал, как сзади подошел Али-Ан.

— Извините, капитан. — Али-Ан коснулся моего плеча.

Я обернулся и взглянул в его лицо. Только сейчас я заметил, как постарел Али-Ан. На лбу и около глаз появилось множество морщинок. А ведь вначале полета это был почти юноша.

— В чем дело, Али? Вы хотите сесть в кресло? Ваша очередь дежурить?

— Да. И кроме того, капитан, вам необходимо побывать в рубке внешней связи. Оттуда иногда доносятся едва слышные, но крупные выражения. Сэнди-Ски чем-то доволен.

И на бледных губах Али-Ана вспыхнула его обычная улыбка, острая, как клинок, с оттенком тонкой и чуть надменной иронии.

Я зашел в рубку внешней связи и застал Сэнди-Ски в сильном гневе. Он отчаянно и виртуозно ругался. Я рассмеялся: все мои недостойные подозрения снова исчезли. Ведь это же Сэнди-Ски! Мой необузданный друг! В полной мере сейчас я мог оценить всю живописность его метафор.

— Что случилось, Сэнди?

— С экраном творится что-то неладное. Видимо, квантовое торможение все же отразилось на его дьявольски нежных блоках.

— Но вчера же он работал.

— Работал на пределе. А сейчас посмотрь, какая чертовщина!

Изображение планет на экране двоилось, троилось, было расплывчатым и туманным. Наконец экран совсем погас.

Пришлось позвать бортинженера. Рогус долго просвечивал каждый блок. Наконец, виновато взглянув на нас, сказал:

— Повреждения серьезные. И не в одном, а в нескольких блоках. Ремонт займет два-три дня.

Сэнди-Ски еще раз выругался и, махнув рукой, ушел в рубку управления, к экрану локатора. Но этот экран невелик, да и работал он на ином принципе. На нем видны лишь общие очертания планет.

Почти весь день Сэнди-Ски ходил насупив брови, молча. И только вечером оживился. Он, как и я, до самозабвения любил поэзию. И сегодня вечером, в кают-компании, мы были очевидцами рождения гениального поэта.

А случилось это так. Али-Ан выступил со своим коротким и четким докладом. Лари-Ла лениво пошевелился в кресле и уже открыл было рот, чтобы рассказать очередную смешную историю. Он считал, что смех полезен для членов экипажа, особенно перед сном. Но ему помешал молодой штурман. Тари-Тау встал и смущенно попросил разрешения про-

читать свои стихи. Он хотел узнать наше мнение.

— Конечно, читай! — воскликнул Сэнди-Ски, с любопытством глядя на Тари-Тау. — Читай! Мы слушаем.

Мы давно знали, что Тари-Тау, не очень общительный, углубленный в себя юноша, пишет стихи. Но никто у нас ни разу их не слышал.

Штурман вышел на середину кают-компаний и сначала робко, а потом все более уверенно стал читать.

Мы были буквально ошеломлены, — ничего подобного никто из нас не ожидал. Стены корабля словно раздвинулись, и мы почувствовали безграничный космос, его ледяное и таинственное дыхание... Стихи таили в себе какую-то глубокую философию, трудно выразимую обычными словами.

Сэнди-Ски не выдержал и бросился обнимать поэта. Даже Али-Ан, холодный и рассудочный Али-Ан, горячо, искренне поздравил Тари-Тау.

Сейчас, сидя у себя в каюте за клавишным столиком и вспоминая вечер, я испытываю хорошую зависть. Да, я завидую этому мечтательному юноше, почти мальчику. Я тоже иногда пишу стихи. Но какое это убожество по сравнению с поэзией Тари-Тау! Ну что ж, придется примириться с тем, что я всего лишь астронавт и ученый. Великую, сказочную радость художественного творчества я всегда считал привилегией редких счастливых. Таким оказался и Тари-Тау. Я рад за него.

Прекрасный, незабываемый день пережил я сегодня, начиная с солнечного утра в кабине утренней свежести и кончая вечером. Правда, на минуту я поддался прежнему нелепому страху и тревоге. Но я быстро взял себя в руки. А вечер в кают-компании окончательно развеял сомнения.

12-й день 109 года

Эры Братства Полосов

От наблюдения за планетами мне и Сэнди-Ски пришлось отказаться. Рогус до вика разобрал аппаратуру экрана внешней связи.

Но у Сэнди-Ски есть занятие. Весь день он ходил по кают-компаниям и шептал все время стихи Тари-Тау, изредка восклицая по адресу поэта:

— Молодец! Какой молодец! Просто удивил.

Лари-Ла вчерашний успех Тари-Тау считал своим поражением. Ведь все время он буквально царил в кают-компаниях, по праву считаясь остроумным и веселым рассказчиком. Впрочем, сегодня вечером Лари-Ла взял реванш. Он рассказал сначала одну любопытную историю, случившуюся на Зургане, а потом два анекдота, умных и невероятно смешных. Мы хохотали так безудержно, что Лари-Ла стал опасаться, как бы это не перевозбудило нашу нервную систему. Он заботился о полноценности нашего сна.

13-й день 109 года

Эры Братства Полосов

Лари-Ла сегодня вечером рассказал смешной случай, происшедший с ним на Зургане. Лари-Ла в последние дни просто в ударе, он возбужден, его полное лицо излучает радость. Да это и понятно: биологу, изнывающему от безделья, приятно сознавать, что мы скоро высадимся на планете с богатейшей биосферой. Перед Лари-Ла океан увлекательной работы.

Сейчас члены экипажа спят, а я сижу за клавишным столиком и пишу этот дневник. Так не годится. По ночам надо спать, надо соблюдать мной же установленный режим. Да и писать больше не о чем. Жизнь на корабле идет по давно заведенному порядку. Думаю вообще забросить дневник, хотя бы на время, до посадки на планету.

15-й день 109 года

Эры Братства Полосов

Фарсан!.. Сэнди-Ски — фарсан!

Самые мрачные, самые зловецкие предчувствия мои оправдались! Страшно подумать об этом. Но это, видимо, так. Сегодня утром в рубке внешней связи на какое-то мгновение я увидел в Сэнди-Ски фарсана.

Только сейчас, уже поздним вечером, ко мне вернулось самообладание, и я могу спокойно рассказать, что же произошло в рубке внешней связи.

Когда я вошел туда после кабины утренней свежести, за экраном уже сидел Сэнди-Ски.

— Молодец, Рогус, — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Сейчас экран работает отлично.

Он уступил мне место, а сам встал сзади, положив руки на спинку кресла.

Почти весь экран занимал зелено-голубой диск планеты, обрамленный сияющей короной атмосферы. Планета Голубая! Это было великолепное и пышное зрелище. Голубая стала намного ближе к нам, чем несколько дней назад. И мы отчетливо видели все ее материки и океаны, желтые пустыни и неоглядные зеленые леса. Отдельных деревьев, конечно, еще не различали. Но огромные зеленые массивы были, бесспорно, лесами. Над ними лениво проплывали белые хлопья облаков.

Но одно пятнышко на зеленом поле оставалось неподвижным. Я увеличил изображение на экране настолько, насколько позволял телескоп. И сразу увидел, что пятно разделено, расчерчено темными линиями на квадраты. Едва ли это естественное образование. Вспомнилось, что на Зургане давно, еще в эпоху вражды Полосов, люди вот так же строили огромные тесные поселения — города. Такая же мысль, видимо, возникла и у Сэнди-Ски.

— Город! — взволнованно прошептал он. — Неужели город?!

Я обернулся и посмотрел в его широко раскрытые от изумления глаза. И тут же отвернулся, похолодев от ужаса. Пронзительно, мгновенно поразившего ужаса...

Даже сейчас, у себя в каюте, я каждый раз вздрагиваю, вспоминая глаза фарсана... Да, это не глаза живого Сэнди-Ски.

Глаза как глаза, — сказал бы любой другой на моем месте. Любой другой, но не я. Я-то хорошо знал своего самого близкого друга. Сэнди-Ски был необычайно и разносторонне одаренным человеком. Я бы даже сказал — причудливо, витиевато одаренным, впечатлительным, остро реагирующим на внешние события. Его чувства и мысли играли, как пламя. И в его глазах, широко открытых в минуты вдохновения и радости, словно чувствовался отблеск этого пламени. Более того, в глазах у влюбленного в космос Сэнди-Ски за долгие годы межзвездного полета появилось что-то новое, какое-то трудно уловимое выражение. В них словно запечатлелся блеск неведомых солнц, бесконечность космических просторов. Да, это были говорящие глаза.

Но глаза сегодняшнего Сэнди-Ски... Да, они были широко открыты, как это бывало у Сэнди-Ски в минуты радости, изумления. В них виделась даже взволнованность. И все же они поразили меня, как в прошлый раз, в тот день, когда мы произвели квантовое торможение. Но сегодня-то я понял, в чем дело. Глаза Сэнди-Ски пугали своей холодной глубиной, вернее пустотой, бездонной пустотой. «Это глаза мертвого Сэнди-Ски», — обожгла меня страшная мысль. Да, это были глаза мертвеца, несмотря на все виртуозные усилия фарсана придать им выражение живого, пламенного Сэнди-Ски.

Глаза человека всегда были трудным орешком для фарсанов...

Но как это могло произойти? Каким образом фарсан оказался на корабле?

Вспомнилось, что во время войны с фарсанами на Зургане уничтожили тысячу восемьсот тридцать два таких чудовища. А было их всего тысяча восемьсот тридцать три. Один, под номером 410, исчез. Его долго искали, но не нашли. Стали считать, что он погиб, занесенный песками в Экваториальной пустыне, в районе самой жестокой битвы. На этом и успокоились, несмотря на предупреждение архана Грона-Гро: «Стоит уцелеть хоть одному фарсану, и он начнет размножаться, как микроб». И микроб (конечно, это был во всяком случае не Сэнди-Ски!) каким-то образом проник на корабль, стал размножаться.

Кто же он, этот микроб? Всех членов экипажа я хорошо знал. Особенно подружился с ними во время предполетной подготовки на острове Астронавтов.

Вот только Рогус... Он всегда не нравился мне. Но интуиция не доказательство. И сейчас я пытаюсь припомнить все, что мне известно о Рогусе.

Еще на Зургане был случай... У Рогуса за день до старта заболел маленький сын. Рогус единственный из членов экипажа оставил на Зургане семью. Его отпустили с корабля в город Сумору проведать сына. Всего на два часа! Но Рогус вернулся с небольшим опозданием, что было непохоже на пунктуального бортинженера.

А перед самым стартом председатель Совета Астронавтики Нанди-Нан отозвал меня в сторону и спросил:

— Помнишь, как Грон-Гро предупредил, что воспроизводящий фарсан под номером четыреста десять мог уцелеть? Он оказался прав. Только что его обнаружили недалеко от Суморы...

Но кто мог подумать, что фарсан за каких-нибудь два часа сумел увести Рогуса в безлюдное место и там превратить в своего «собрата»? Нет, тогда и мысли такой не мелькнуло.

— Как же его обнаружили? — спросил я Нанди-Нана.

— Он ждал, когда на Зургане забудется вся эта нелепая и страшная история с фарсанами. Но прошло всего полгода, и фарсан не выдержал — он проявил активность и тем самым разоблачил себя.

— Активность? — в ужасе переспросил я, догадываясь, о чем говорит Нанди-Нан: фарсан убил человека!

— Да. Ученые, исследовавшие захваченного фарсана, нашли, что за полгода он проявил активность всего один раз и совсем недавно. Но ты не беспокойся. Этот воспроизводящий фарсан мог оставить после себя только простого фарсана. А простые нам сейчас не страшны, и мы его быстро найдем...

Так фарсан (теперь-то я почти уверен, что Рогус и был тем самым простым фарсаном) стал участником первой межзвездной экспедиции.

Рогус выглядел типичным представителем расы сулаков, которые веками, до наступления Эры Братства Полюсов, угнетались шеронами. В его сутулой фигуре было что-то пришибленное и виноватое. А в лице не было ничего запоминающегося, ни одной оригиналь-

ной черты, ни одного броского штриха. Лишь своеобразная, бесхитростно-детская улыбка иногда озаряла лицо.

Эта простодушная улыбка мне сразу и не понравилась.

Другим членам экипажа Рогус пришлось по душе. Он покорила всех своей скромностью, трудолюбием и громадной технической эрудицией.

— Удивляюсь, — говорил мне Али-Ан, — почему Рогус тебе неприятен. Хороший бортинженер, скромный товарищ. Чего еще надо? Не понимаю!

Почти все свободное время Рогус проводил в своей каюте. Там он упорно работал над каким-то фантастическим изобретением. Кажется, он конструировал нейтринную пушку, которая давала бы возможность производить локацию звездных недр. От кого же я впервые услышал об этой пушке? Ну да, от Али-Ана! Он первый получил приглашение Рогуса посетить его каюту. И я снова похолодел от ужаса: Али-Ан — фарсан!.. Если Рогус фарсан, то Али-Ан никак не мог избежать страшной участи. «Дружба» Али-Ана с Рогусом погубила пилота. За ним первым дверь каюты Рогуса захлопнулась, как дверца мышеловки. Оттуда Али-Ан уже не вышел. Вместо него из каюты Рогуса появился фарсан, с ювелирной точностью скопировавший не только внешность, поведение и привычки Али-Ана, но и его духовный облик.

Да, но Рогус... Рогус же не мог быть воспроизводящим фарсаном. Значит... Неужели у него в каюте аппаратура Вир-Виана? Что же делать?

Насколько мне помнится, это случилось в первый год нашего полета. И все остальные годы никто не подозревал, что вместо Али-Ана его обязанности на корабле выполнял — да еще как безупречно! — фарсан. Быть может, остальные члены экипажа тоже стали жертвами Рогуса, который «работал» уже вместе с Али-Аном? Но когда?

Во всяком случае, я хорошо помню, что совсем недавно, за день до квантового торможения, дверь каюты Рогуса захлопнулась за Сэнди-Ски...

Когда думаю обо всем этом, кровь холодеет в моих жилах, и я задаю себе вопрос: что же делать?

Бороться? Но бороться с фарсанами невозможно, бессмысленно. Голыми руками их не возьмешь. Они обладают страшной физической силой. Правда, на корабле, в грузовом отсеке, хранится лучевое оружие на случай, если обитатели других планет проявят агрессивность. Это оружие я мог бы незаметно взять. Но лучи, смертельные для людей, бесполезны против фарсанов.

«Но кто же остался в живых? И почему я жив? Почему фарсаны Рогус и Али-Ан в первую очередь не убили меня — начальника экспедиции, капитана корабля?» Вот с этими отчаянными мыслями мне и надо сейчас попытаться заснуть. Заснуть обязательно. Ведь мне предстоит завтра вести себя среди фарсанов так, чтобы они не знали о моих догадках. Одному мне не справиться с фарсанами. Поэтому надо рассказать живым членам экипажа о своих подозрениях. Но кто же остался в живых? Кто?

Спал отвратительно. Почти все время снились фарсаны. Особенно часто один из них, — с хитрой, плутоватой физиономией. Мне слишком близко пришлось столкнуться с ним на Зургане во время войны. Мне снилось, что я спасался от него бегством. Кругом ни души, лишь бескрайняя знойная пустыня. Пески, раскаленные камни и огненный глаз солнца на белесом небе. Я обернулся и с ужасом обнаружил, что фарсан догоняет, что он совсем близко. Я уже хорошо видел его наглую ухмылку и насмешливо сощуренные глаза. Задыхаясь, я снова бросился вперед, туда, где за высокой грядой барханов находились люди. Они спасут меня... Но фарсан неумолимо приближался. Вот-вот он схватит меня своими страшными руками и раздавит, как мошку. Неожиданно я ощутил в своих руках увесистый металлический стержень. Обернувшись, молниеносно обрушил его на подбежавшего фарсана. Его голова с хрустом развалилась... Этот хруст показался во сне таким омерзительным и реальным, что я тотчас проснулся.

Я лежал с открытыми глазами. Воображение, распаленное страшным сном, рисовало одну картину за другой. Чаще всего вспоминался Вир-Виан — главарь этой космической банды фарсанов. Вспомнилась его теория чередующейся гибели цивилизаций. Каждая цивилизация, возникнув на какой-либо планете с благоприятными условиями, достигает более или менее высокого уровня развития, а затем бесследно исчезает в водовороте космических сил. Таков, говорил Вир-Виан, неизменный круг железного предназначения. Так было миллиарды веков назад, так будет всегда, если мы не установим благотворительную диктатуру нашей Зурганы над всеми населенными мирами. Нужна железная власть одной избранной планеты, чтобы успешно бороться с враждебными космическими стихиями. А для установления диктатуры, утверждал Вир-Виан, для вечного цветения цивилизации на нашей планете необходимы космические завоеватели, фарсаны...

Какая все-таки чепуха лезет в голову! Не могу же я согласиться с бредовыми теориями Вир-Виана. Это означало бы, что я не только поддался минутному ужасу перед его фарсанами, но даже капитулировал перед ним...

Я сел на постели и зажег свет. Из зеркала на стене незнакомо глянуло бледное, растерянное лицо. «Хорош», — сумрачно усмехнулся я.

Вскочил и, чтобы освободиться от хаоса мыслей, успокоиться, долго ходил по каюте. Почувствовав усталость, снова лег и решил во что бы то ни стало заснуть. Надо отдохнуть, обрести выдержку и бороться. Не сдаваться, а бороться и бороться...

Но едва я закрыл глаза, как с шумом открылась дверь каюты Рогуса. По звуку я точно определил, что это была дверь именно его каюты.

Я встал, подошел к двери и прислушался.

В коридоре происходила какая-то возня. Затем раздалась быстрые и решительные шаги. Кто-то, тяжело дыша, остановился у моей двери. После этого послышались знакомые шаркающие шаги Рогуса.

— Его нельзя трогать, — сказал Рогус. — И вообще, чтобы это своеволие было в последний раз.

Кто-то незнакомым гнусавым голосом ответил:

— Мне нужна индивидуальность. Я не могу без нее. Сэнди-Ски имеет индивидуальность, Али-Ан тоже...

— Подожди, — прервал его Рогус. — Со временем приобретешь...

Я, похолодев от ужаса, слушал этот странный разговор. И так, никаких сомнений! Рогус, Сэнди-Ски и Али-Ан — фарсаны.

Незнакомец не назвал Лари-Ла и Тари-Тау. Быть может, Лари-Ла и Тари-Тау еще люди? Или незнакомец не успел назвать их?

— Но мне нужна индивидуальность сейчас, — снова загнусавил незнакомец.

— Идем, — решительно сказал Рогус. — Я запру тебя в каюте, и оттуда не выйдешь до посадки на планету. Я потом объясню, в чем дело.

— Ладно, — подумав, согласился незнакомец.

Они ушли. Я хорошо слышал шаркающие шаги Рогуса и твердую, решительную поступь незнакомца. Дверь каюты Рогуса захлопнулась.

Что все это значит?

Кто неизвестный? Фарсан? Еще один фарсан? Но это же нелепо. Так не бывает. Каждый фарсан имеет реального прототипа. Фарсан обретает существование только тогда, когда убивает человека.

Но кто же тогда тот незнакомец с гнусавым голосом?

19-й день 109 года

Эры Братства Полюсов

Два дня не притрагивался к дневнику, настолько был подавлен внезапно свалившейся бедой. Но все же я нашел силы, чтобы казаться спокойным. Фарсаны не догадываются о том, что я все знаю. Иначе они меня давно бы прикончили. Фарсаны и не могут догадаться, пока не получат ясных, убедительных доказательств. Они почти лишены таких человеческих качеств, как предчувствие, прозрение, интуиция. «Фарсаны беспомощны в области неясных идей и догадок», — говорил ученый Грон-Гро.

Внешне на корабле ничего не изменилось. Жизнь течет по давно заведенному порядку. Вчера вечером, как всегда, все собрались в кают-компанию. После доклада Али-Ана выступил Сэнди-Ски. Он сообщил последние данные о планете Голубой. Затем Лари-Ла, как всегда, стал рассказывать о своих забавных и смешных приключениях на Зургане. Своих ли? Этот вопрос не давал мне покоя. К этому времени я окончательно овладел собой и внимательно присматривался к Тари-Тау, прислушивался к рассказам Лари-Ла. И ничего по-

дозрительного не нашел, решительно ничего. Так кто же они — Лари-Ла и Тари-Тау? Не фарсаны, а люди? Это было бы замечательно! Тогда нас было бы трое против троих фарсанов и одного таинственного незнакомца. Но открыться Лари-Ла и Тари-Тау я еще не решился.

Вчера же вечером я узнал, почему фарсаны оставили меня в живых. Когда зазвучала ночная мелодия и все стали расходиться по каютам, я спросил Али-Ана:

— Кто дежурит у пульта управления?

— Тари-Тау.

— Пусть отдыхает. Дежурить буду я.

«Все равно ночь буду плохо спать», — думал я.

— Нет, капитан, — возразил Али-Ан. — Вперед у вас трудное и ответственное дело — посадка на планету. Вам надо отдыхать. А с легким дежурством справится и Тари-Тау. Он, кстати, за пультom слагает свои стихи.

— Без вас, капитан, — сказал поблизости стоявший Рогус, — я не ручаюсь за сохранность всей тонкой аппаратуры при посадке.

Вот оно, оказывается, в чем дело! Как я раньше об этом не догадался. Фарсанам я пока что нужен. Али-Ан, конечно, неплохой пилот. Он может точно по курсу вести корабль в межзвездном пространстве, может даже совершить посадку на благоустроенный космодром Зурганы. Но чтобы посадить без аварий корабль на чужую планету с незнакомым рельефом, с неизвестными свойствами атмосферы... Нет, для этого у Али-Ана не хватает какого-то особого «чувства» пилота, вдохновения. В этом отношении фарсан, заменивший Али-Ана, еще слабее. Фарсаны, конечно, обладают сверхъестественной выдержкой, быстрой и четкостью логического мышления. Но у них нет и не может быть человеческой интуиции, подлинного, а не наигранного вдохновения.

— Хорошо. Пусть дежурит Тари-Тау, — согласился я и ушел в каюту.

На минуту я представил картину возвращения корабля на родную планету. Жители Зурганы восторженно встретят астронавтов, не подозревая, что это уже не люди. На Зургане к тому времени появится новое поколение. Вир-Виана давно уже не будет в живых. Но фарсаны, в соответствии с программой и философией Вир-Виана, снова начнут убивать людей, принимать их облик, действуя при этом более тонко и осторожно, чем в прошлый раз. Под видом людей они проникнут в индустриальные и энергетические центры, чтобы установить бессмысленное господство. Вероятно, люди справятся с фарсанами и на этот раз. Но каких жертв будет стоить борьба!

Нет, этого допустить нельзя!

20-й день 109 года Эры Братства Полюсов

У меня сегодня до смешного разыгралось воображение. Не так уж плохо: я способен к юмору, а это значит, что я спокоен, как всегда, и готов бороться.

Вечером, прежде чем засесть за дневник, который полюбил как своего единственного со-

беседника, я долго стоял у открытого иллюминатора. Я смотрел на нашу Галактику, на эту огромную звездную колесницу, и думал о том, что было бы, если бы осуществилась безумная мечта Вир-Виана и его единомышленников — шеронов. Сначала Вир-Виан с помощью фарсанов установил бы свое господство на Зургане. А потом... Потом на экране своего воображения я увидел Вир-Виана уже на троне... диктатора Галактики. Его лицо торжественно и вдохновенно — Вир-Виан погружен в видения... Он созерцает сияющий космический апофеоз воинственной и могучей расы шеронов. Одетая в броню властолюбия, закованная в сталь высших научно-технических достижений, она победно шагает по Вселенной...

Вот Вир-Виан очнулся от сладостных видений и властной рукой посылает новые звездолеты для покорения новых отдаленных планет. А в звездолетах его гордость — фарсаны, завоеватели Вселенной...

Я рассмеялся над этой пышной картиной, нарисованной моим воображением. Но это был горький смех. Все же Вир-Виан отчасти добился своей цели: его фарсаны у меня на звездолете, и в их задачу входит завоевание планет. Но я сегодня принял твердое решение: буду бороться до конца. Впереди планета Голубая. Высадившись, фарсаны попытаются погубить молодую, неокрепшую цивилизацию. А в том, что на этой планете есть зачатки цивилизации, я сегодня убедился окончательно. В разрыве облаков я видел тот же город, расчерченный темными линиями улиц на квадраты. Я видел на улицах какие-то передвигающиеся темные точки. Вероятно, это разумные обитатели планеты.

Сегодня же, оставшись один в рубке внешней связи, послал на Зургану космограмму: «На корабле фарсаны. Среди экипажа ищут живых союзников и приму все меры к ликвидации фарсанов. В случае неудачи не ждите возвращения. Тонри-Ро».

21-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Утром из кабины утренней свежести я сразу же зашел в рубку управления. За пультом, который беззвучно и дружелюбно подмигивал разноцветными огоньками, сидел Али-Ан.

Он внимательно всматривался в экран радиолокатора, на котором виднелись четкие контуры материков планеты Голубой.

— Да, экран маломощный, — сказал он, обернувшись. — Но скоро и на нем можно будет увидеть следы разумной жизни на Голубой.

Я спросил о курсе корабля.

— Курс в плоскости эклиптики, — ответил он четким языком доклада. — Мы только что прошли орбиту самой отдаленной планеты.

— Вот как! Выходит, мы уже внутри планетной системы. Сейчас возможны встречи с кометами и метеоритами. Надо быть особен-

но осторожными. Передайте это Тари-Тау. И пусть он сейчас стихи слагает не за пультом, а у себя в каюте. А локатор теперь же переведите с ручного управления на автоматическое, на фиксацию метеоритов.

Рука Али-Ана потянулась к тумблеру переключения. На экране исчезло изображение Голубой. Локатор стал шарить в пространстве в поисках возможных метеоритов.

Вскоре на экране появилась точка, отличающаяся тусклым светом.

— Вот и он, — сказал я.

Мерцающая точка вначале металась в разные стороны, но вскоре замерла в центре экрана. Электронно-вычислительный «мозг», соединенный с локатором, быстро определил массу и орбиту метеорита. Тот, видимо, был далеко в стороне, так как автопилот никак не реагировал на него, и корабль не изменил курса.

— Удары мелких метеоритов корпус корабля выдержит, — рассуждал Али-Ан. — А большие встречаются редко.

— Как знать, — возразил я, прислушиваясь к голосам, доносившимся из рубки внешней связи. Там находились Сэнди-Ски и Лари-Ла. Я зашел туда.

— Смотри, капитан, — восторгался Лари-Ла. — Какая буйная зелень. Безбрежные моря зелени, целые океаны хлорофилла! А какие дикинские животные бродят там, под тенистыми зелеными сводами! Скоро мы их увидим.

Такая радость, такой неописуемый восторг были написаны на его полном лице, что в эту минуту я несколько не сомневался, что это человек.

— Рад за вас, Лари, — улыбнулся я. — Для биолога эта планета — находка.

Сэнди-Ски встал и предложил мне свое место за экраном. Но я отказался, солгав при этом, что сейчас безраздельно увлечен научным трудом о звездах — цефеидах. Я ушел, сумрачно поздравив себя с немалым успехом: я научился врать фарсану Сэнди-Ски без малейшей тени смущения.

22-й день 109 года

Эры Братства Полосов

Сегодня мне удалось около часа провести за экраном внешней связи в одиночестве, без омерзительного соседства фарсана Сэнди-Ски. Здесь у меня возникла счастливая мысль — передать свой дневник, записанный на кристалле, разумным обитателям планеты Голубой. Пусть он будет весточкой о нашей Зургане. Наше путешествие таким образом пройдет не совсем бесцельно. Это на случай, если посадка на планету из-за фарсанов не состоится.

Наблюдая за Голубой, я задавал себе вопросы: смогут ли разумные обитатели этой планеты прочитать мой дневник? И каковы вообще эти обитатели? Как они выглядят? Быть может, они имеют самые неожиданные и безобразные формы, которые подействовали бы угнетающе на наше эстетическое чувство?

Нужно спросить об этом сегодня вечером Лари-Ла.

Присутствие на вечерах в кают-компании стало для меня неприятной обязанностью. Но я, надеюсь, искусно подавлял омерзение и даже вместе со всеми смеялся сегодня, когда Лари-Ла рассказывал случай из своей прошлой жизни на Зургане. Рассказ был проникнут неподражаемым юмором. А главное, в нем при описании нашей планеты присутствовали такие живые детали, что я невольно радовался: да, это человек. Но тут же подумал, что фарсан может черпать свои рассказы из юмористического дневника убитого им биолога.

— Скажи, Лари, — спросил я, как только биолог закончил свой рассказ, — как могут выглядеть разумные обитатели Голубой? Похожи они на нас или нет? Смогут ли они понять нас?

Собранное в морщинки смеха лицо Лари-Ла разгладилось, стало серьезным.

— Я уже думал об этом, капитан. Конечно, данных, взятых с экрана квантового телескопа, маловато, но кое-какие выводы у меня уже есть, — сказал Лари-Ла и вытащил из кармана своего широкого экстравагантного костюма шкатулку. Он раскрыл ее и несколько хвастливо продемонстрировал всем кристалл с записью, пытаясь показать этим, что и для него настала увлекательная пора научных исследований. Я вглядывался в танцующие цветные знаки-буквы, стараясь запомнить почерк. У меня отличная зрительная память.

— Вот они, предположения и предварительные данные, — сказал Лари-Ла и, захлопнув шкатулку, продолжал поучительным тоном: — Мир животных планеты Голубой может поразить нас, когда мы высадимся, самыми неожиданными, самыми причудливыми формами. Таких зверей и птиц мы на Зургане не увидим и во сне. Однако многочисленные законы природы приводят к принципиально схожим формам разумных существ на планетах со схожими условиями. А что такое природа? Это огромная кибернетическая машина. Живая природа в процессе своей эволюции, как и кибернетическая машина, действует статистически, по методу проб и ошибок, учитывая успешные и неуспешные действия. Создавая в процессе эволюции мыслящий дух, орган своего самопознания, она стихийно, вслепую миллионы лет перебирает множество вариантов, стремясь найти для высших организмов наиболее рациональное решение, наиболее целесообразную форму. Все эти хвосты, бегающие, прыгающие, ползающие, четвероногие, десятиногие и прочие животные — все это пробы и ошибки, неудачные варианты, так сказать отходы производства. Высшая целесообразность развития узка. Она приводит, повторяю, на разных планетах Вселенной к принципиально схожим формам для носителей разума. И я думаю, что разумные обитатели очень похожи на нас. Они такие же двуногие, с вертикальной походкой существа, как и мы с вами.

«Любопытно», — думал я, слушая Лари-Ла.

Но Лари-Ла не был бы подлинным Лари-Ла, если бы тут же не проявил своей несравненной иронии. Его убеждения не всегда выдерживали набегов его же собственного бес-

шабашного скептицизма. Усмехнувшись и отбросив докторальный тон, Лари-Ла начал говорить о том, что не исключена и другая возможность. И он обрисовал перед нашими изумленными взорами разумных обитателей других планет в самых фантастических, удручающе безобразных формах.

Как все это похоже на настоящего, на живого Лари-Ла!

Конечно, он не фарсан! Или, быть может, прав Вир-Виан, утверждающий, что безусловно добьется абсолютной адекватности фарсана и человека?

Но почерк! Он поможет мне разрешить сомнения. Почерк человека исключительно индивидуален. Его невозможно подделать, особенно в наше время, когда широкое распространение получил такой тонкий, почти музыкальный инструмент для записей, как клавишный столик. Разные люди неодинаково нажимают на клавиши, по-разному вибрируют их удивительно чуткие пальцы. В огненно-танцующих знаках на кристалле, в их особом цветовом и ритмическом рисунке запечатлевается вся душа человека, весь диалектически-противоречивый строй его мыслей и переживаний. Скорей бы уйти в каюту.

Но вот, наконец, послышались усыпляющие звуки ночной мелодии. Все разошлись. В своей каюте я сразу же подошел к библиотеке — ячейкам в стене, где хранились шкатулки с кристаллами. В разделе «Астробиология» я нашел небольшую шкатулку с надписью: «Лари-Ла. Высшие организмы Вселенной».

Несмотря на свое легкомыслие, Лари-Ла был остроумным и глубоким ученым.

Закрыв на минуту глаза, я до мельчайших подробностей, до тончайших оттенков вспомнил почерк, который видел сегодня. Затем открыл шкатулку. В кристалле запылали цветные знаки. И я словно увидел Лари-Ла — то серьезного, то шутового, то иронически бесшабашного Лари-Ла. Сначала я не нашел в почерках никакой разницы. Но вглядываясь внимательней, я все же обнаружил едва заметное, но существенное различие. В почерке сегодняшнего Лари-Ла не было какой-то певучести, всего многообразия чувств. Короче говоря, не было главного — души. Сердце сжалось у меня от этого страшного открытия.

Нет, душу человека, как и его почерк, не подделать, не воссоздать никаким фарсанам. Слова Вир-Виана об абсолютной адекватности, идентичности человека и фарсана — это чепуха, это софизм антигуманиста.

Как ни тяжело, но приходится признать, что Лари-Ла фарсан, а не человек. Остается только Тари-Тау. Но спешить нельзя. Надо к нему присмотреться.

Тари-Тау! Милый юноша! Неужели мы остались только вдвоем?

Сначала я всматривался только в форму знаков, в почерк Лари-Ла. Но вот до сознания стал доходить и смысл отдельных фраз: «Природа, словно кибернетическая машина, действует по методу проб и ошибок»... «Отходы производства»...

Я рассмеялся. Вот откуда, оказывается, любопытные рассуждения фарсана о высших организмах Вселенной!

23-й день 109 года Эры Братства Полосов

Жители планеты Голубой, если они сумеют прочитать мой дневник, будут, вероятно, в недоумении: кто же такие фарсаны? Несколько позже я подробно расскажу о них, о том, как они у нас появились.

Но сначала хочу рассказать собратям по разуму о нашей родной планете.

Я подошел к ячейкам и стал искать кристалл, в котором были бы просто и сжато изложены сведения о Зургане. Наугад взял одну шкатулку: «Рой-Ронг». Здесь записаны стихи Рой-Ронга — первого поэта Зурганы. Первого... Если Тари-Тау не фарсан, а человек, он затмит всех поэтов Зурганы... Я положил шкатулку обратно и взял другую. «Тонри-Ро», — прочел и улыбнулся. Здесь мои собственные стихи, записанные на кристалл еще в школе астронавтов. Стихи наивные, подражательные, но искренние.

Передо мной словно распахнулся мир моей юности, мир, полный звуков, красок, света... Густой и прохладный парк около школы астронавтов. В перерыве между занятиями я и Сэнди-Ски, спасаясь от солнца, зашли под могучую крону гелиодендрона, тихо звеневшего широкими плотными листьями. Здесь я впервые прочитал Сэнди-Ски свои стихи. Сэнди-Ски в шутку предложил записать стихи на кристалл, а шкатулку всегда ставить рядом со шкатулкой Рой-Ронга...

Возникшее в моем воображении казалось настолько реальным, что я почувствовал запах

мохнатой коры гелиодендрона, услышал свист ракетоплана, пролетевшего в чистом, без единого облачка небе. Именно в таких картинах я и решил показать разумным обитателям Голубой нашу планету. Это лучше, чем излагать сухие сведения о Зургане. К тому же, вспоминая дни юности, я хоть на короткое время забуду об окружающих меня фарсанах.

Но с чего начать? В памяти хорошо сохранились лишь отдельные, разрозненные картины моей жизни на Зургане. И тут сам случай помог мне. В глубине той же ячейки, где хранились мои стихи, я нашел не совсем обычную шкатулку, изящную, голубую и без надписи. Аэнна-Виан... Самая красивая девушка Зурганы... Во время нашего последнего свидания она подарила мне эту шкатулку.

— Если ты в космосе захочешь увидеть меня, — сказала она, — то две-три таблетки тебе не повредят.

В шкатулке лежали три белых шарика — таблетки приятных сновидений. Когда-то, в эпоху заката древней империи шеронов, эти таблетки были в моде на Южном полюсе Зурганы. В наше время, в эпоху Братства Полюсов, в них не стало нужды. Разве только врачи иногда давали эти таблетки некоторым больным, и то в редких случаях...

Их принимают на ночь. Засыпая, надо думать о тех минутах своей жизни, продолжение которых хочешь увидеть во сне. Клетки головного мозга, на которых как бы записана память об этих минутах, возбуждаются. И во сне видишь последующие события с изумительной логичностью и красочной яркостью.

24-й день 109 года

Эры Братства Полюсов

Наконец-то я у себя в каюте. Первую половину дня вынужден был провести в обществе фарсанов — то в рубке управления, то перед экраном внешней связи.

В каюте я сразу же засел за клавишный столик, чтобы записать свой сон. Он был настолько конкретен и многозвучен, что я задаю вопрос: сон ли это? Я словно побывал на Зургане. Я страдал от знойного дыхания Великой пустыни, ощущал приятную прохладу северных парков, видел людей, слышал их голоса...

Но сначала коротко о нашей планетной системе. Она не отличается разнообразием. Вокруг центрального светила, нашего солнца, вращаются всего три планеты. Самая ближняя к солнцу — Зирга — настоящее адское пекло. Атмосфера ее давно сорвана мощным потоком светового излучения. Зирга — мертвый раскаленный шар. Среди дышащих жаром гор сверкают озера расплавленного олова и свинца. На этой планете можно изжариться в самом термостойком скафандре. Лишь один Нанди-Нан, прославленный астронавт и крупнейший ученый, сумел однажды совершить посадку на теневой стороне Зирги.

Вторая от солнца планета — наша Зургана — колыбель разума и культуры. Ось ее вращения не имеет наклона к плоскости эклип-

тики. Поэтому у нас нет смены времен года. Зургана в шесть раз дальше от солнца, чем Зирга. Но и здесь чувствуется могучее и жаркое дыхание яростно пылающего светила. Его лучи давно, еще на заре человечества, превратили обширную экваториальную часть в раскаленную, звенящую песками пустыню. Зато на полюсах царит вечное лето с весело шумящей зеленью, с редкими грозами и дождями.

Тутус — самая отдаленная планета, полная противоположность Зирги. Солнце отсюда кажется не больше того шарика, который я проглотил вчера перед сном. Здесь вечные снега, голубые льды, тонкая и ядовитая атмосфера. Планета холодная и неудобная, но более удобная для освоения, чем Зирга. Здесь уже несколько лет существовали небольшие поселения зурган-добровольцев. Они добывали редкие на Зургане металлы. Одно время я, молодой, но уже опытный астролетчик, совершал регулярные рейсы между Тутусом и Зурганой, возил редкие металлы для строителей транспланетной дороги.

Проглотив вчера таблетку приятных сновидений, я улегся в постель и стал вспоминать свой последний рейс на Тутус. Ибо день возвращения на Зургану из этого рейса был для меня самым счастливым днем.

Мой планетолет, задрвав в фиолетовое небо тускло поблескивающий острый нос, стоял на ровной площадке небольшого космодрома. В раскрытую пасть грузового отсека поселенцы затаскивали слитки. Дело продвигалось медленно: подъемные механизмы на этой насквозь прохваченной космическим холодом планете часто выходили из строя.

Около поселенцев суетился начальник нашей экспедиции Данго-Дан, нерешительный, слабовольный и ворчливый пожилой человек.

— Не мешало бы побыстрее, ребята, — уговаривал он их.

В это время я, разминаясь после долгого сидения за пультом управления, с удовольствием бродил по снежным долинам и льдыстым берегам речки. Вместо воды здесь, дымясь, текла жидкая углекислота. Долго стоял около памятника Тутусу — первому астронавту из сулаков, погибшему здесь при посадке. В его честь и названа эта морозная планета.

Когда планетолет был загружен, Данго-Дан направился ко мне, и я услышал в наушниках его голос:

— Тонри-Ро! Хорошо, если бы ты, Тонри, поторопился. Строители транспланетной ждут металл.

Весил я на этой планетке раз в пять меньше, чем на Зургане. Поэтому быстро, в два-три приема, поднялся на площадку верхнего люка и стал ждать, когда неповоротливый Данго-Дан взберется ко мне.

Сняв скафандры, мы разместились в тесной каюте грузового планетолета. Я — у щита управления, Данго-Дан — сзади.

Планетолет легко оторвался от маленькой планеты и быстро набрал скорость. Трасса Зургана — Тутус была спокойной — ни метеоритов, ни комет. Я переключил планетолет на автоматическое управление и стал мечтать о первой межзвездной экспедиции, которая была приурочена к столетию Эры Братства Полюсов. Меня могли зачислить в экипаж

звездолета. Ведь я ученый-астрофизик, второй пилот после Нанди-Нана. Я согласен быть на корабле кем угодно, хоть запасным пилотом. Возглавит экспедицию, конечно, Нанди-Нан.

Погруженный в мечты о межзвездной экспедиции, я чуть не упустил момент, когда надо было переходить на ручное управление. Почти весь экран локатора занимала Зургна — огромный полосатый шар. На полюсах находились благоустроенные космодромы. Оттуда металл на грузовых гелиопланах доставляли строителям дороги.

— По-моему, сегодня лучше садиться на южный космодром. Оттуда ближе к дороге, — сказал Данго-Дан.

Но у меня появилась дерзкая мысль — совершить посадку в пустыне, прямо на пески, совсем близко от строительства дороги.

Планетолет вошел в атмосферу и стал приближаться к пустыне. На экране возникли желтые волны песчаных барханов.

— Что ты делаешь?! — забеспокоился Данго-Дан. — Не видишь, разве, где космодром?

— Строители ждут металл.

— Не надо бы этого делать, — умоляюще проговорил Данго-Дан. — Разобьешь планетолет.

— Не бойтесь. Самое худшее — слегка деформирую опоры.

— Не позволю своевольничать! — вдруг закричал он. В его голосе слышалось отчаяние нерешительного человека.

Мне стало жаль его, но было уже поздно. Двигатели перешли на режим торможения. На экране замелькали барханы и многочисленные извилистые трещины. Их надо опасаться больше всего. Для посадки я выбрал самый пологий и мягкий бархан. Планетолет должен сесть на него, как на подушку. Нужен безошибочный расчет, чтобы точно посадить планетолет в необычных условиях. И мои руки замелькали на щите управления среди многочисленных кнопок и верньеров без суеты, но быстро, как молнии.

Наконец опоры вонзились в песок бархана. Двигатели заглохли. Планетолет слегка накренился, но по аварийным огонькам щита управления я видел, что все в полной исправности. Я ликовал.

Едва мы вышли на площадку верхнего люка, как на нас с визгом обрушился песчаный шквал. Данго-Дан встал сзади и, прикрывая глаза от пыли, с облегчением вздохнул:

— Повезло тебе, Тонри, с посадкой.

— Это не просто везение...

Но тут я заснул. Таблетка приятных сновидений, наконец, подействовала. Вернее, не заснул, а провалился в сон, как в яму. Заснул мгновенно и крепко.

Первое, что ощутил во сне, — это песок. Он набивался в уши, в ноздри, противно хрустел на зубах. А сзади слышал облегченный вздох Данго-Дана:

— Повезло тебе, Тонри, с посадкой.

— Это не просто везение, а точный расчет, — несколько хвастливо ответил я.

Спускаясь, мы чувствовали жаркое дыхание пустыни. От раскаленных песков поднимался горячий воздух. Но песчаный шквал, к счастью, затих.

Мы увидели группу людей в серебристых комбинезонах. Они махали руками.

— Приглашают под купол дороги. Там прохладнее, — пояснил Данго-Дан. — Идем туда.

Как я ни всматривался, никакого купола не увидел. Заметив мое недоумение, Данго-Дан рассмеялся:

— Его и не увидишь. Он прозрачен, как воздух. — В словах Данго-Дана чувствовалась гордость энтузиаста транспланетной магистрали.

— Видишь, вон там, — он показал рукой, — матово-белую полосу, прямую, как стрела? Это и есть основание дороги. Над ним прозрачный купол — тоннель из стеклозона. Вернее, два купола — внешний и внутренний. Когда дорога протянется от полюса к полюсу, из внутреннего купола откачают воздух. В вакууме по белой гладкой полосе с огромной скоростью помчатся в электромагнитных полях скользящие поезда.

— Дешевле было обойтись воздушным транспортом.

Это замечание рассердило Данго-Дана.

— А пустыня? — недовольно спросил он. — Пустыня пусть, по-твоему, так и остается? Дорога не только средство сообщения с полюсами. Она нужна как первая позиция для наступления на пустыню. Видишь по краям большие вогнутые чаши?

— Вероятно, гелиостанции?

— Да. Для них-то мы и привезли редкие металлы. Здесь нужно массу энергии, чтобы зазеленели вдоль дороги сады и парки, появились дома. Это будет не просто дорога, а дорога-оазис.

Данго-Дан говорил, все более воодушевляясь. Я всегда любил слушать энтузиастов своего дела. Но сейчас было не до этого. Я изнемогал от жары. Поэтому почувствовал большое облегчение, когда мы вошли под купол дороги. Здесь и в самом деле было прохладно.

— Стеклозон, — с восхищением проговорил Данго-Дан, постучав по куполу. — Он не пропускает инфракрасные лучи. Поэтому здесь и прохладно.

— Наши дома ведь тоже строятся из стеклозона?

— Из вспененного стеклозона, — поправил он. — Наши дома — это легкая пена стеклозона, на девяносто процентов состоящего из воздуха, вернее из воздушных пузырьков... Архитектурные и скульптурные ансамбли из стеклозона нетленны, они простоят века и тысячелетия.

Данго-Дан разошелся. Он долго бы еще говорил, если бы ему не помешали. К нам подъехал большой гусеничный вездеход. Такие вездеходы, с кухней, душем и прочими удобствами, заменяли кочевникам-строителям жилые и служебные помещения.

Из кабины выскочила загоревшая почти до черноты девушка и крикнула нам:

— Вас вызывают к экрану всепланетной связи.

Подойдя ближе, она спросила:

— У вас авария? Или горючего не хватило?

— Какая там авария, — нахмурившись, проворчал Данго-Дан. — Мальчишке захотелось отличиться — вот и все.

Девушка с любопытством посмотрела в мою сторону. Она узнала меня: изображения

астронавтов часто показывают на экране всепланетной связи.

На ее лице я не заметил восхищения своим поступком. Более того, на ее губах вздрогнула ироническая улыбка, когда она сказала:

— Вам предстоит, видимо, крупный разговор с самим председателем Совета Астронавтики. Нанди-Нан ждет вас обоих у экрана.

— Идем, Тонри, — вздохнул Данго-Дан.

— Идите один. Вы же начальник экспедиции.

Мне было неудобно перед Нанди-Наном

за нарушение строгих правил космической навигации. Только сейчас я начал сознавать глупость своего лихачества.

Вздохнув еще раз, Данго-Дан направился к вездеходу. Вернулся сияющий.

— Все в порядке, я больше не начальник экспедиции, — радостно объявил он. — Нанди-Нан больше всего расспрашивал о тебе. Он ждет тебя в Совете Астронавтики, хочет лично побеседовать.

Настроение у меня совсем упало. Я вышел из-под прохладного купола и стал искать поблизости свободный гелиоплан.

Я подошел к одному из гелиопланов и с удовольствием положил руки на его приятно-холодоватый корпус. Крылья машины и корпус не накалялись и не отражали тепло. Они почти без остатка поглощали лучистую энергию и превращали ее в электрическую. На этой даровой энергии гелиоплан и летал, раскинув широкие крылья.

Прозрачный колпак кабины захлопнулся надо мной.

— Куда? — спросил киберпилот.

— В Совет Астронавтики, — сказал я, вытирая ладонью со лба ручейки пота. Жара меня так разморила, что не хотелось самому вести машину. Доверился автомату, чего я вообще-то не любил.

Гелиоплан легко и бесшумно взлетел и, набирая высоту, взял направление на Северный полюс. На большой высоте воздух был прохладней, и мне захотелось впустить в кабину струю свежего ветра. Киберпилот предупредил:

— Сейчас не рекомендуется это делать. Разогревшись в пустыне, вы можете простудиться.

— Подумаешь, какая забота, — с неудовольствием проговорил я.

Но автомат был прав, и я не стал открывать колпак. Не хватало еще, чтобы к Нанди-Нану явился законченный космический разбойник с осипшим голосом.

Через два часа внизу зазеленели поля, сады и парки Северного полюса, заискрились реки и водоемы. Вдали, среди высоких раскидистых гелиодендронов и вечно цветущих кустов, засверкали купола и шпили Зурганов — столицы Зурганы.

Гелиоплан пошел на снижение и вскоре приземлился около Дворца астронавтов — величественного голубого здания, всеми своими легкими, воздушными линиями устремленного ввысь. Архитектор придал ему форму звезды-лета, каким представляли его себе писатели и художники-фантасты. Дворец, напоминающий космический корабль в момент старта, хорошо выражал мечту человечества о звездных полетах.

Во дворце я узнал, что Нанди-Нан находится в галактическом зале. Я вошел в зал и словно очутился в космосе. В темноте сверкала мириадами звезд наша Галактика. На фоне светлой туманности вырисовывался четкий профиль Нанди-Нана.

Вспыхнул свет, и зал приобрел обычный вид. Нанди-Нан направился к клавишному столу, чтобы сделать какую-то запись. Нанди-Нану, как и Данго-Дану, давно перевалило за средний возраст. Но какая разница! В противоположность расплывшему и нерешительному бывшему моему начальнику экспедиции, пилот был сухощав, строен, энергичен.

— Ага, лихач! — засмеялся он, увидев меня. — Космический авантюрист!

Я с облегчением заметил, что, несмотря на иронию, Нанди-Нан улыбался дружелюбно.

— Ну-ка, рассказывай о посадке в пустыне.

Не дослушав до конца, Нанди-Нан строго осведомился:

— Ты был уверен в успехе или рисковал?

— Абсолютно уверен.

— Я так и предполагал... Все же ты нарушил правила навигации, и многие предлагали от имени Совета Астронавтики выразить тебе порицание. Но я отстоял тебя.

Помолчав немного, он внимательно посмотрел на меня и предложил:

— Давай сядем и поговорим.

Мы уселись в кресла друг против друга.

— Ты не догадываешься, зачем я вызвал тебя?

— Сейчас нет. До этого думал...

— Знаю, о чем ты думал. Но речь сейчас не о том. За время твоего отсутствия произошло несколько важных и, думаю, очень приятных для тебя событий. Начну с менее важного. Круг арханов рассмотрел твою работу по астрофизике и нашел ее хоть и незаконченной, но очень перспективной и оригинальной. Твои смелые поиски в области переменных звезд получили всеобщее признание, и Круг арханов избрал тебя членом Всепланетного Круга ученых.

— Если это менее важное событие, то что же дальше! — воскликнул я.

— А дальше то, что Круг арханов совместно с Советом Астронавтики определил состав будущей межзвездной экспедиции.

— И я назначен вторым пилотом?!

— Ты назначен первым пилотом, капитаном корабля, начальником экспедиции.

Я был до того ошеломлен, что долго не мог вымолвить ни слова.

— А как же... А как же вы? — наконец спросил я.

— Я слишком стар. То есть не то, чтобы очень уж стар. Летать еще могу и буду летать в пределах нашей системы. Но для межзвездной не годюсь. Она продлится много лет, и туда нужны самые молодые. На Зургану должны вернуться не дряхлые старики, а люди в зрелом возрасте.

— Ну и, чтобы окончательно добить тебя, — усмехнулся Нанди-Нан, — скажу еще одно: в экспедицию зачислен твой друг планетолог Сэнди-Ски.

Я буквально онемел от счастья.

— Вижу, что на сегодня хватит, — засмеялся Нанди-Нан и, положив руку на мое плечо, добавил: — Рад за тебя. Обо всем подробней поговорим в следующий раз. А сейчас иди отдыхать.

Я вышел из Дворца астронавтов и бросился к гелиоплану. Но его не оказалось на месте. Кто-то уже улетел на нем. Однако я быстро нашел другую машину.

— Куда? — спросил киберпилот, едва я уселся в кабине.

— Домой! — воскликнул я.

— Где ваш дом? — сухо и, как мне показалось, недружелюбно спросил киберпилот. Можно было показать на карте щита управления точку, где надо совершить посадку. Но я всегда недолюбливал автоматiku, слишком уж поддельвающуюся под человека. К тому же, от переполнявшего меня счастья хотелось двигаться, что-то делать. Я отключил киберпилота и взялся за штурвал.

Поднявшись в небо, я сделал круг над Зурганорой. Величественные голубые арки, серые, под цвет гранита, набережные и лестницы, разноцветные, но простые и удобные дома, — все сделано из пеностеклозона, о котором с таким увлечением рассказывал Данго-Дан, из материала прочнее стали и легкого, как кружево. А дворцы! Создавая их, архитекторы вложили все свое мастерство и вдохновение. В этих дворцах располагались научные лаборатории, в них люди устраивали дискуссии, проводили досуг. Каждый дворец — неповторимое произведение искусства.

Я любил Зурганору.

Теперь машина мчалась вдоль темной ленты гелиодороги. Дорога эта, как и корпус гелиоплана, покрыта полупроводниковым слоем, жадно впитывающим солнце. На дороге я заметил людей. Видимо, они не очень спешили, если пользовались дорогой, движущейся не быстрее бегуна. Я всегда предпочитал более современные способы передвижения.

Поднялся выше, открыл верх кабины и полетел с максимальной скоростью, опьяняющей и захватывающей дух.

Внизу проносились поля, сельскохозяйственные постройки, сады, заводы со светлыми, как оранжерея, цехами. А вот большая, огороженная и тщательно охраняемая территория самой мощной на планете ангилационной энергостанции. На меня она производит гнету-

щее впечатление. Видимо, потому, что там во время опасного эксперимента погиб мой отец. Сверху я видел отдельные наземные сооружения энергостанции. Там, глубоко под землей, стоял несмолкаемый грозный шум гигантских турбин.

Показалась Тиара — город, в котором я жил. Тиара — это скорее не город, а буйно зеленеющий парк с редкими вкраплениями многоцветных домов и дворцов. Я посадил машину около моего дома на открытой, незатененной площадке, где гелиоплан мог накапливать солнечную энергию. В саду собирал плоды наш покорный и неумимый кибернетический слуга, похожий на вертикально поставленного огромного муравья.

— Гок! — позвал я его.

Он проворно подбежал ко мне на своих гибких ногах.

— Где мама? — спросил я.

— На анигилиционной электростанции. Вернется не скоро.

Значит, снова под землей на гигантской фабрике энергии. Работая в экспериментальном цехе, она старалась заменить отца.

Я направился в свою комнату и только сейчас почувствовал усталость. Слипались глаза, страшно хотелось спать.

Слуга послушно плелся сзади.

Гок был последним словом малой, так называемой домашней кибернетики. По своей

универсальности он не уступал огромным электронным «думающим» машинам, построенным по старинке. Его толстое муравьиное брюхо, до отказа напичканное миллионами микроэлементов, было бездонным хранилищем знаний. Гок был способен производить с молниеносной быстротой сложнейшие вычисления. Без него я запутался бы в черновых расчетах, и моя работа по астрофизике затянулась бы на десятки лет. Но — странное дело! — чем больше я нуждался в нем, тем неприятнее он мне становился.

В комнате было светло, как на улице. За прозрачными стенами гнулись под свежающим ветром деревья. Скоро, видимо, будет дождь.

— А вчера мама была дома? — спросил я, раздеваясь.

— Да. Вчера мы вычисляли коэффициент анигилируемой меди.

— Меди?

— Да, меди. Архан с Южного полюса Ронти-Рон и несколько ученых-северян выдвинули предположение, что медь с успехом можно использовать на наших анигилиционных станциях. Я же считаю, что медь скоро вытеснит более дорогую ртуть и антиртуть. Чем скорее, тем лучше.

И откуда только Гок знает все эти новости? Мне захотелось посадить в лужу этого тупищу-всезнайку.

— Вчера Круг арханов составил список членов межзвездной экспедиции, — сказал я. — Кого, по-твоему, назначили начальником экспедиции? Ну-ка, сообрази, пошевели своими железными мозгами.

— Конечно, Нанди-Нана.

— Вот и ошибся. Меня.

— Не может быть. Потому что...

— Ну ладно, хватит! — грубо прервал я. — Хочу спать.

Я повалился на постель и мгновенно заснул. Проснулся от шума, доносившегося со стороны экрана всепланетной связи. Не открывая глаз, я прислушался. Там происходила какая-то перебранка. Кто мог быть на экране? — гадал я. — Сэнди-Ски! Ну конечно он! Только он мог так сочно выражаться. Гок что-то пытался ему объяснить. На это вспыхивый планетолог разразился градом проклятий.

Продолжение следует

«ГУЛЯЛ ПО УРАЛУ

ЧАПАЕВ-ГЕРОЙ...»

Эта широко известная песня родилась в годы гражданской войны в дивизии Чапаева. Кто же автор песни? Какова ее история? Во всех сборниках она значится как народная.

Однажды к нам в руки попала книга, рассказывающая о творческом пути Краснознаменного ансамбля песни и танца. Среди песен, входивших в репертуар ансамбля, указывалась и «Гулял по Уралу Чапаев-герой...»

Как она оказалась в репертуаре ансамбля, могли рассказать люди, которые пришли в прославленный коллектив на заре его истории.

Мы обратились к одному из организаторов ансамбля, соратнику и другу композитора Александра — Феликсу Николаевичу Даниловичу. И вот что он рассказал.

В двадцатые годы Феликс Николаевич Данилович был актером Московского драматического театра «Смычка». Работать приходилось много: ведь почти каждый день ставились новые спектакли.

Осенним вечером, возвращаясь после спектакля домой, Данилович услышал стройные детские голоса. В окнах одного из домов ярко горел свет, группа мальчиков в пионерских галстуках с увлечением разучивала песню «Гулял по Уралу Чапаев-герой». Данилович слышал ее и раньше. Но теперь она с какой-то особенной силой тронула его.

В тот вечер Феликс Николаевич впервые задумался над тем, что неплохо было бы создать хороший коллектив и заняться пропагандой песен революции и гражданской войны.

Первый состав будущего ансамбля включал восемь певцов, двух танцоров и одного чтеца. Музыкальным руководителем стал преподаватель Московской консерватории Александр Васильевич Александров.

Для начала решили подготовить программу, посвященную женщинам гражданской войны. Святались с бывшими чапаевцами.

— Поговорите с Марией Поповой, нашей пулеметчицей, — посоветовали нам. — Кстати, она и песню «Гулял по Уралу Чапаев-герой» сочинила.

Было это в конце 1928 года. В одно из воскресений я и Александр Васильевич поехали к Поповой. Жила она тогда в первом Доме Советов (теперь — гостиница «Националь»).

Много нового, волнующего узнали мы из рассказов Марии Андреевны о днях гражданской войны.

— А что у вас пели в дивизии? — спросил Александров.

— Многое. Песни у нас любили. Про Стеньку Разина, Ермака...

— А песню «Гулял по Уралу...»? — поинтересовался я.

— Пели... Понравилась она ребятам.

— Говорят, эту песню написали вы?

Мария Андреевна сказала, что она является

автором всего лишь первых четырех строк, и тут же пропела их:

*Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой,
Вперед вы, товарищи, не смейте отступать,
Чапаевцы смело привыкли умирать...*

Песня о Чапаеве была включена в репертуар нашего ансамбля. Александров обработал ее мелодию для оркестра. Так как песня была короткой, мне пришлось дописать еще две — заключительные — строчки:

*Блеснули штыки, мы все грянули «ура» —
И, бросив окопы, бежали юнкера...*

Песня быстро завоевала широкую известность.

А теперь вернемся к рассказу об отважной пулеметчице Марии Андреевне Поповой. Ведь именно ей обязана своим рождением эта чудесная песня.

...В апреле 1919 года Колчак подходил к Самаре. Части Чапаева укрепились на берегу реки Кинель. Только что прошел ледоход, а ночью был проливной дождь. Белые, воспользовавшись непогодой, начали на плотках переправляться через реку.

Бой длился всю ночь. Было много раненых, Маша едва успевала делать перевязки. А тут еще выяснилось: ночью исчез молодой фельдшер Петров.

Командир полка кричал в трубку полевого телефона:

— Раненых много, Василий Иванович! А ни врача, ни фельдшера нет. Петров сбежал. Пришлось вместо него поставить Марусю Попову.

Мария Андреевна Попова (слева) и дочь Чапаева Клавдия Васильевна.

Через час от Чапаева прискакал всадник с двумя пакетами. Первый пакет он вручил Маше, а второй — командиру полка. Приказом Чапаева Маруся Попова была назначена фельдшером роты.

Вечерами на привале, возле жарких костров, пока варился кулеш, бойцы пели песни. Об атамане Степане Разине, о Ермаке Тимофеевиче. А то выходил в круг какой-нибудь парень в папахе, сбитой набекрень, и начинал выделывать замысловатые коленца. Маша, единственная женщина в полку, неизменно принимала участие в плясках. Однако потребность в новых песнях была огромная. А их-то почти совсем не было. Приходилось переделывать старые.

В эти дни и родилось письмо чапаевцев в ЦК партии, которое заканчивалось так: «Необходимо написать, куда следует, родить сборники свежих пьес, благородных песен и настоящих художественных произведений в прозе и в стихах. Если сборники уже изданы (мы их не видим) — гоните их, товарищи, поскорее на позицию».

На одном из привалов, когда бойцы, как обычно, собрались у костра, Маша открыла брезентовую сумку с красным крестом и достала помятый лист бумаги с поспешно написанными строчками.

— Вот, хлопцы, новая песня... О Василии Ивановиче. Я сама сочинила. Хотите послушать?

— Спой, Маша, спой! — зашумели вокруг.

Она завела песню. Неторопливо, немного протяжно, на былинный лад, будто ища дорожку в нехоженном лесу:

Гуляя по Уралу Чапаев-герой,

Он соколом рвался с полками на бой...

...После взятия Белебея чапаевцы шли на

Уфу, сокрушая отборные белогвардейские части. Во время штурма Чишмы полк, в котором служила Маша Попова, попал в окружение. Чтобы отвлечь внимание белых, Чапаев решил ударить им в тыл. Ночью чапаевцы переправились через небольшую речку.

Утром бой возобновился. Белые вынуждены были снять с главного направления несколько рот и бросить против чапаевцев. В самый разгар схватки замолчал пулемет. Маша обернулась и увидела, что пулеметчик Калашников поспешно завязывает куском рубашки раненую руку.

— Подождите, я вам помогу, — проговорила Маша.

— Ложись лучше за пулемет, — ответил тот. — Видишь, беляки прут.

Здоровой рукой Калашников подал ленту, а Маша, поймав в узкую прорезь прицела совсем уже недалекие фигуры белых, нажала гашетку. И тут от реки донеслось громкое «ура». На противника неудержимой лавиной неслись конники. Впереди с обнаженным сверкающим клинком летел Чапаев...

Много лет минуло с тех пор, а до сих пор живет в памяти Марии Андреевны образ Чапаева — простого веселого человека, о котором она сложила песню. Позже Мария Андреевна добавила к песне еще один куплет:

Река Урал глубокая,

Крутые берега.

А степь, да степь широкая,

Там наши бьют врага!..

**А. ШИЛОВ, заслуженный артист РСФСР,
Э. ЗВЕНИЦКИЙ**

ЛЮБОВЬ ВАГАНОВА

Анаконда

Это было в пятом классе.
Я Орасио Кирогу
Перечитывала в классе
Втихаря от педагогов.

...Скрыта в джунглях комната.
Вне формул и теорий.
Тоскует Анаконда
Среди звериных оргий...

Потом на педсоветы
Приглашались мамы
И вызывались дети,
То есть мы сами.

Мол, надо как-то думать
И надо что-то делать.
Мол, достигает сумма
Известного предела.

Ребенок развивается
В каких-то эмпириях.
Сознание раскрывается
В неясных измерениях...

А в конце вставала завуч,
Мяла пальцами печать,
И в глазах ее качалась
Анакондова печаль.

И чтобы ей понравиться,
Я каждый раз снова
Поскорей исправиться
Всем давала слово.

Вот они, Петровы. Но это только часть знаменитой династии.

СТО ПЕТРОВЫХ—РАБОЧИХ И ВОИНОВ

На семи холмах-увалах разбросаны крохотные почерневшие от копоти и дыма домишки. Нестройными рядами сбегают они к заросшему пруду и речкам Иве и Мотовилихе. Так выглядел более ста лет назад рабочий поселок Мотовилихинского завода.

Увалы назывались: Запруд, Висим, Заива, Луга, Вышка... На одном из них — Первой Вышке, позже ставшей местом революционных митингов и маевок, — построил себе курную избу Василий Васильевич Петров. Он и положил начало знаменитой рабочей династии.

Крепостной графа Шувалова, приписанный к Мотовилихинскому казенному медеплавильному заводу, Василий Петров исполнял тяжелые заводские работы и получал за это только продукты, или, как тогда говорили, провиант, которого ему с семьей едва хватало, чтобы не умереть с голоду.

От зари до зари Василий копал и возил в тачке медный колчедан.

В 1861 году отменили крепостное право в России. Получил «вольную» и Василий Петрович. Но куда идти, если нет ни земли, ни хозяйства. Как и прежде, таскал он на заводе тяжелые тачки с рудой.

Вскоре на месте Мотовилихинского медеплавильного завода начали строить сталелитейный. Он был заложен 7 сентября 1863 года и со временем превратился в крупнейшее машиностроительное предприятие на Западном Урале. Почти все мотовилихинцы строили новый завод. Вместе с ними трудился и Василий Петров.

Через год была готова механическая фабрика. Для нее стали набирать токарей. Одним из первых к мастеру пришел Василий и попросился к станку.

Не просто, конечно, давалось Василию токарное искусство. Но упорство и врожденная сметка помогли ему овладеть «живинкой в деле».

У Василия Петрова было три сына. Старший, Иван, двенадцати лет пришел в механический цех. Потом подросли Павел и Николай и тоже стали к станкам. С большой любовью отец обучал сыновей своему мастерству, воспитывал в них рабочую гордость.

В 1893 году Василий Васильевич передал станок своему старшему сыну. Иван Васильевич оказался достойным преемником замечательного мастера-умельца.

Ремонтно-механический цех все более становился как бы семейным цехом Петровых. В семье Ивана Васильевича росло девять детей — шестеро сыновей и три дочери. Жить было трудно. Едва старший сын Петр успел окончить земскую начальную школу, отец повел его на завод. Потом наступил черед Александра, Василия, Павла, Владимира, Михаила. Все они стали, по примеру отца и деда, токарями.

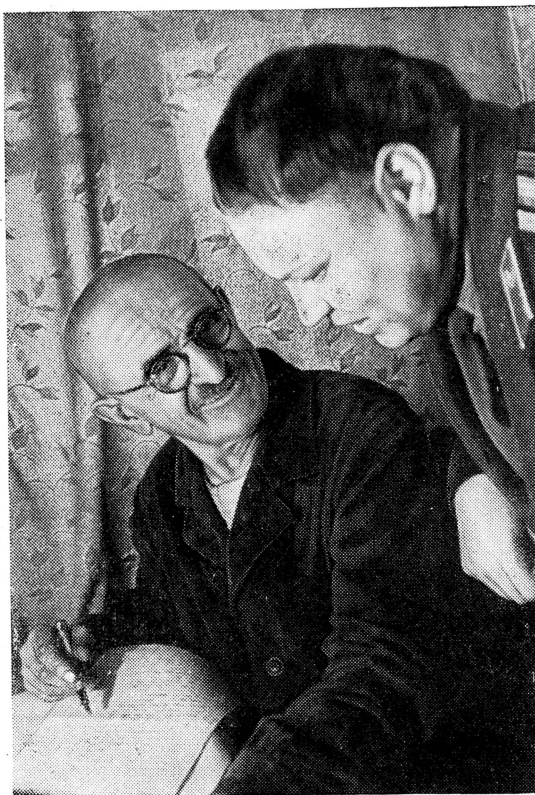
В 1905 году в России началась революция. Одними из первых после расстрела мирной демонстрации в Петербурге выступили против царизма мотовилихинские рабочие. Их выступления отличались организованностью и стойкостью.

В шеренгах революционных рабочих шли представители второго поколения рабочей династии Петровых — токари Иван, Павел, Николай. А в то же время на путь борьбы уже вступало новое поколение.

— На завод,— вспоминает один из представителей этого поколения Петровых, ныне здравствующий Василий Иванович Петров,— я попал в самый разгар революции 1905 года в пятнадцатилетнем возрасте. Тогда я служил рассыльным и носил казенную форму с зеленым кантом. Мне и моим товарищам большевики поручали разносить листовки и прокламации Пермского комитета партии. Мы появлялись в цехах, незаметно клали их в ящики рабочих. Правда, разбираться в политике я научился не сразу. В 1918 году рабочие избрали меня членом Пермского городского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Василий Иванович трудился в ремонтно-механическом цехе около двадцати лет и обучил токарному ремеслу десятки человек. В советское время его назначили инструктором производственного обучения школы ФЗУ. Позже он стал ее директором. Тысячи рабочих-подростков получили здесь путевку в жизнь.

Представитель третьего поколения Петровых — Василий Иванович Петров (слева) и его племянник Петр Петрович Петров.

Мотовилихинская школа ФЗУ была одной из лучших в нашей стране.

Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, посетивший школу в 1925 году, оставил такой отзыв: «Из всех виденных мной школ ФЗУ в Советском Союзе Ваша школа — самая лучшая по постановке обучения и по ее оборудованию».

В этой школе обучались многочисленные племянники Петрова. И все они стали токарями.

— Я тоже начинал свою жизнь токарем,— говорит инженер-механик Петров.— Учился в школе ФЗУ в токарной группе, потом окончил рабфак и Свердловский политехнический институт имени Кирова.— Леонид Петрович достал бережно хранимое удостоверение, в котором говорилось, что он окончил школу ФЗУ и ему присваивается звание токаря пятого разряда. Внизу стояла подпись: директор школы В. Петров.

— Да, это моя подпись,— подтвердил Василий Иванович.— Однако должен заметить, что в школе не было ни дяди, ни племянников, а были только ученики и директор.

— Что правда, то правда,— соглашается другой племянник — Петр Петрович Петров, в прошлом токарь, потом конструктор, а ныне начальник производства.— Когда в многочисленных семьях Петровых вставал вопрос: кем быть? — родители посылали нас за советом к Василию Ивановичу.— «А ты разве сам не знаешь, кем быть? — спрашивал дядя.— Какую фамилию носишь?» — «Петров.» — «А если Петров, то приобретай фамильную профессию да становись не каким-нибудь токаришкой, а настоящим мастером».

У Петра Петровича — девятнадцатилетний сын Саша. Он работает токарем на заводе имени Ленина и учится на вечернем отделении механического техникума. Саша — представитель уже шестого поколения Петровых.

— Я счастлив, что унаследовал нашу родовую профессию,— говорит Саша,— и постараюсь не уронить славы токарей Петровых.

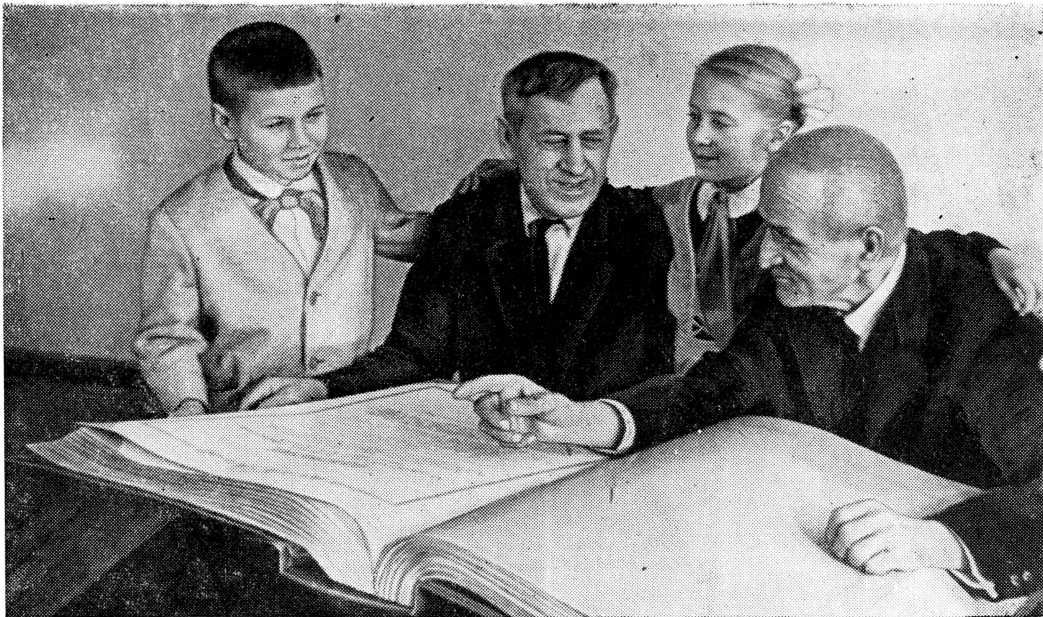
Один из Петровых, Юрий Владимирович, вспоминает, как на него обиделся отец, когда он решил стать слесарем, а не токарем. Правда, теперь Юрий Владимирович не только отличный слесарь, но и токарь, и фрезеровщик. Сам, без инструкторов, дополнительно овладел двумя специальностями. Особенно легко далось ему токарное дело. Товарищи шутили:

— Не зря ты, Юра, видать, Петровым родился, ведь в твоём роду все — токари.

И действительно, Петровых — токарей на заводе имени Ленина выросло много — сто, а может, даже и больше.

Славная уральская рабочая династия Петровых — одна из самых больших в Мотовилихе.

Петровы чувствуют себя подлинными хо-

Старшие и самые юные Петровы у Золотой книги. Фото Е. Загуляева.

зьявами завода. Из их среды выдвинулись партийные и комсомольские вожаки. Взять хотя бы Владимира Ивановича Петрова, младшего брата Василия Ивановича. За плечами Владимира Ивановича полсотни лет кипучей работы в Мотовилихе. Он — один из первых комсомольцев Мотовилихи. В июне восемнадцатого года Владимир Иванович вступил добровольцем в красногвардейский отряд Борчанинова и сражался на Красноуфимском фронте. Был трижды ранен. В 1920 году стал коммунистом. После гражданской войны Владимир Иванович снова вернулся на родной завод. Брат его, Михаил, тоже уходивший на фронт, пал смертью храбрых.

Мотовилихинцы избирали Владимира Ивановича председателем райисполкома, депутатом городского Совета.

Теперь знатный токарь на пенсии. Но он по-прежнему много сил отдает воспитанию молодых строителей коммунизма.

Когда немецко-фашистские захватчики напали на нашу Родину, сыновья и дочери из рода Петровых взяли за оружие.

На защиту Отчизны добровольцами ушли дети Василия Ивановича — Борис, Виктор и Людмила. В рядах танкового корпуса сражались сыновья Павла Ивановича — Евгений, Валентин, Александр, четверо сыновей Марии Ивановны Петровой и многие другие. На заводе, заменяя ушедших на фронты Отечественной войны, дни и ночи трудились представители старшего поколения.

Отважно сражались с гитлеровскими захватчиками токари Петровы. Шестьдесят девять боевых орденов и медалей было вручено защитникам Родины.

После разгрома фашистской Германии не всем суждено было вернуться домой, на родной Урал. Пали смертью героев парашютист-десантник Виктор Петров, братья Евгений, Валентин и Александр.

Страна залечила раны. Небывалые достижения советского человека на земле и в космосе явили всему миру ярчайшие доказательства преимуществ нового, социалистического общества. К станкам, заменяя своих отцов, уходящих на отдых, пришли представители самого молодого поколения Петровых — два Геннадия, два Юрия, Валерий и Александр.

В 1963 году в связи со 100-летием завода имени Ленина учреждена Золотая книга рабочих династий. Книга эта поистине уникальна. В нее нанесены имена славных тружеников рабочих династий — Проворовых, Огородниковых, Вагановых, Рыболовлевых и других. Книгу открывает династия Петровых. Целых двенадцать ее страниц заняли имена потомков токаря Василия Петрова.

В родословной Петровых — рабочих и воинов — как в капле воды отразилась история рабочего класса Урала, его прошлое, настоящее и будущее.

М. КОЛПАКОВ

ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ

Рассказ

Сергей ШИТИН

Эта история произошла на Третьем Белорусском. Впрочем, говорят, нечто подобное было и на других фронтах. Вполне вероятно.

...Канонада в тот день началась на рассвете. Андрей скорее почувствовал, нежели услышал, как где-то далеко, за излучиной реки, ухнуло первое орудие. Снаряд разорвался в полукилометре от линии траншей, в районе полкового КП. Потом с минуту было по-утреннему тихо. И вдруг не менее четырех десятков орудий в едином залепе потрянули землю. Андрей видел, как одним из ударов срезало несколько метров бруствера, и всю эту массу песка и глины швырнуло в траншею. Кто-то яростно выругался и застонал. Следующая волна бросила Андрея на каменистый выступ, и только случайность (волна прошла вдоль траншеи) спасла его. Теперь взрывы гремели один за другим. Фонтаны земли и дыма врассыпную плясали по искромсанному откосу.

Внезапно канонада прекратилась. Все еще оглохший, в разодранной гимнастерке, Андрей приподнялся и огляделся. Сквозь оседавшую пыль он видел, как солдаты выползали из укрытий и, щелкая затворами, занимали места у бойниц. Припал к прикладу и Андрей. Пойдут или не пойдут фашисты в атаку? Минута, другая, третья... Наконец ждать надоело, и солдаты занялись обычными делами. Выбрасывали из траншеи обрушенную землю, выхлопывали пилотки. Послышался даже звук котелков: прибыла каша.

Андрей протер винтовку и стал поправлять разрушенный кое-где бруствер. Неожиданно взгляд его упал на кусок дерна, который придерживал насыпь.

«Странно,— подумал Андрей.— Вчера здесь ничего не было. Или я не заметил?»

На самом гребне бруствера, там, где Андрей устроил амбразуру, робко прижавшись друг к другу, стояли два василька, самых настоящих, хрупких светло-синих василька. Они были столь беспомощны, столь нежны, что Андрей невольно спросил самого себя:

— И как они могут тут жить? Как держатся? Казалось, один лишь звук взрыва должен был смять, уничтожить их. Ан нет! Стоят, и даже солдату показалось — с любопытством глядят на него.

Андрей протянул заскорузлую руку, потрогал лепестки.

— Вот черт, а! Ты смотри, а!..

Отстегнул фляжку, сделал несколько глотков и вылил остатки воды на васильки.

— Пейте. Вам тоже было жарко.

Закрутил пробку и тяжело опустился на дно траншеи. Головки васильков скрылись. Посидел-посидел, не выдержал — поднялся: васильки были на месте и все так же доверчиво смотрели на солдата.

— Нет, брат, вам так не годится. Вас так может осколком подкосить,

Взял саперную лопатку и стал потихоньку окапывать кусок дерна. Подрезал с боков, подрыл снизу. Осадил не менее чем на штык. Дерьн вместе с васильками оказался как бы в воронке.

— Теперь другое дело!

Посмотрел, подумал и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Петро! Сидоркин!

— Чего тебе?

— Где-то у тебя там старая каска была. Дай.

— Зачем?

— Дай, говорю. Тебе не все равно?

Стальная скорлупа глухо стукнулась о дно траншеи. Андрей вырвал подкладку, оборвал ремешок и накрыл васильки каской.

— Ну, теперь совсем хорошо! Это вам вроде ДОТА.

Снова снял каску, положил рядом.

— А пока дышите, смотрите на солнышко.

...День подходил к концу. Жаркое июльское солнце раскалило потрескавшийся суглинок. Над передовой висело томительное затишье. Никто не стрелял ни с той, ни с другой стороны. Только изредка проносились в небе, надрывно воя, самолеты: одни на восток, другие на запад. Че-

рез полчаса-час и те и другие возвращались. И снова душная сонь.

Но вот вдоль траншеи побежала приглушенная команда:

— Передай по цепи: в двадцать два ноль-ноль — смена. Отходим по левому. Ждать команды!..

— По левому. Ждать команды...
— Ждать команды...

Едва сумерки легли на землю, к ходу сообщения цепочкой потянулись солдаты. Осторожно ступали по узкой щели, опираясь о стенки, скользили на случайных гильзах.

Вот наконец и балка. Можно выпрямиться во весь рост.

— Взвод, становись!

Выстроились, рассчитались по порядку и пошли по крутому склону в глубь обороны. Андрей шагал во главе колонны. Вдруг он остановился, задние сходу налетели на него.

— Где взводный?

— Позади.

Выбежал из строя, разыскал.

— Товарищ лейтенант, можно на минутку вернуться?

— Ладно. Только чтоб быстро. Догоняй у КП.

Андрей толкнулся было к щели, по которой отходили, — не пробраться: навстречу сплошной цепью двигались солдаты. Побежал к другой щели, пристроился к тем, кто шел на смену. Лавируя и обгоняя других, ловко прорвался в траншею. Вот оно, то самое место, такой характерный изгиб. Вот каска у стебельков. Место еще не занято.

Какое-то мгновение Андрей постоял, потом полез в карман, достал огрызок карандаша. В другом кармане отыскал старое письмо. Оторвал половину конверта и почти на ощупь, положив листок на каску, нацарапал:

«Браток! Тут, под каской, — цветы. Будь другом, уважь: побереги. А я в долгу не останусь...»

Еще подумал и дописал:

«Я тебе отдам махорку за неделю».

Накрыл каской цветы, подсунул краешек записки под каску и бегом пустился догонять взвод...

Когда через неделю Андрей вновь появился на своем старом месте, там уже никого не было. Бросился к каске. В сумерках было видно: цветы целы. Рядом со стебельками лежала крохотная бумажка. С трудом разбирая незнакомый почерк, Андрей прочитал:

«За цветами присмотрел, а махорки не надо: я не курю. Отдай ребятам».

Спрятал бумажку в карман, вылил на радость полфляги на дернину под цветы и примостился в траншее.

...Уже четверо суток батальон вновь сидел в траншеях. Немцы, казалось, совсем забыли, что в трехстах метрах от них — враг. Они почти не стреляли и почему-то берегли ракеты. По ночам не слышно было тошнотворного динамика, оравшего обычно из немецких окопов: «Русь, сдавайся! Пароль — штык в землю». Солдатам даже скучно стало без этого «сдавайся» — и посмеяться не над чем.

И вдруг снова по цепи:

— Марченко — к комбату...

— К комбату...

Андрей взял винтовку, скатку, пристегнул фляжку, котелок, лопатку и направился к ходу сообщения. Почти бегом миновал балку. На КП за-

стал комбата Лукашкин и незнакомого ему майора с погонами сапера.

— Товарищ капитан...

— Отдышись сначала, потом доложишь, — дружелюбно сказал осунувшийся, потемневший Лукашкин.

Пока Марченко одергивал гимнастерку,правлял сбившуюся пилотку, Лукашкин пристально смотрел на его слегка сутулую фигуру, обветренное голубоглазое лицо.

— Теперь слушай, — начал спустя минуту капитан. — Есть дело: нужны плоты, много плотов. Лес уже подвозят, саперы начали вязать. Да вот беда: специалистов мало. У вас, камских, это здорово получается — плоты. Вы мастера на это дело. Уйдешь ровно на сутки. В помощь тебе майор Вяткин, — комбат кивнул в сторону майора, — выделяет взвод. Они просят тебя совсем, да я не отдам...

Андрей вышел с КП вслед за майором. Вдоль балки, вдоль замаскированных орудий направились в сторону излучины, что круто огибала правый фланг полка...

Ночь прошла спокойно. Стрельбы опять почти не было. Только одинокие ракеты изредка взмывали в бархатистое небо, и тогда в свете их лениво гасли далекие звезды. И, казалось, никому не хотелось разрушать этой тишины, так нужной и той и другой стороне.

И лишь на рассвете (опять на рассвете) из-за реки снова ударили немецкие пушки.

Наши орудия ответили тотчас же. Правда, стреляли не часто, видно, берегли снаряды, и били только наверняка. Дали несколько залпов и замолкли. Замолкла и та сторона. Немного погодя, словно детская трещотка, поиграл пулемет, но и он вскоре затих.

...Прошел еще один томительный день. Как прежде, не опаздывал с термосами старшина. Подбросили несколько ящиков патронов. Появился почталъон.

— Сидоркин!

— Здесь!

— Березовский!

— Давай!

— Марченко! Где Марченко?

— Скоро придет. Комбат вчера вызвал. Давай передадим.

К вечеру снова ударили орудия. Несколько снарядов угодило прямо в расположение батальона. К счастью, никто серьезно не пострадал. И уже снова успокоились было солдаты, отряхнули пыль, потянулись к флягам, как кто-то произнес:

— Марченко убило.

— Где?! Когда?!

— Утром на переправе. Снаряд прямо в плот. Только хотели столкнуть на воду.

Наступила тяжелая тишина.

— Ему письмо пришло... — сказал кто-то.

— А где он сейчас?

— Говорят, возле КП.

— Надо сходить...

Трое взяли винтовки и двинулись по траншее. Вот они миновали поворот и скрылись. Неожиданно один из них возвратился.

Робко и нерешительно взял солдат кусок дерева с хрупкими васильками.

— Отнесу... вместе с письмом.

Никто не возразил, не проронил ни слова. Над траншеей как прежде нависла тишина. Только за рекой одиноко хлопнула мина.

РОЯСЬ В СТАРЫХ РУКОПИСЯХ...

Выцветшие строки старинных рукописей, пусть то будут дневники, частные письма, записи расходов, отметки и надписи на книгах, — часто становятся драгоценными документами истории. Тщательно изучают их специалисты, много времени и труда тратят на поиски. Вот несколько интересных страниц прошлого, открытых нам старыми рукописями.

Затяг городского головы и записки Ребелинских

Примерно сто лет тому назад уфимский городской голова Димитрий Семенович Волков задумал написать историю своего города. Располагая большими средствами, он организовал чуть ли не по всей России розыски исторических документов, относящихся к Уфе. В архивах и библиотеках Москвы и Петербурга, Казани и Оренбурга для него делались выписки из древних актов, рукописей и редких книг.

Документов набралось очень много, но никакой истории Уфы Волков так и не написал. То ли эта задача была ему вообще не по плечу, то ли помешали служба и коммерция, — этого мы не знаем. Но документы, к счастью, остались. Умирая, Волков завещал свое собрание городу. Все документы — 11 огромных томов — были переплетены и переданы уфимской городской думе. Сейчас они бережно хранятся в архиве Уфимского института истории, языка и литературы Академии наук СССР.

Для истории Уфы этот материал очень ценен, хотя он крайне разнороден по содержанию: наряду с копиями древних актов, сделанных в архивах, здесь содержится много выписок из общеизвестных книг. Но особенного внимания заслуживают интереснейшие выписки из каких-то не то «дневников», не то «записок», — оригинал именуется то так, то этак: «Записки уфимского старожилы Ребелинского», «Дневник Ребелинского», «История Уфы Ребелинского»... На них, между прочим, ссылались и многие историки, писавшие до восьми-

десятих годов XIX века. А позднее... документы Ребелинских стали считать пропавшими.

Так же думал и я, пока бывшая сотрудница Башкирской книжной палаты Т. В. Постникова, прочитав в газете «Ленинец» краткое упоминание о потерянных рукописях, не обрадовала меня письмом: оказывается, часть бумаг Ребелинских цела! Нашлись они в Книжной палате — учреждении, созданном для хранения типографской продукции.

Там и лежал «Дневник» Ребелинского.

В двух томах дневника, охватывающего события с 1792 по 1813 годы, — 610 листов. Большинство записей о погоде, каждодневных расходах, семейных событиях. Иногда мелькает интересный бытовой штрих, например: «В сей день (3 января 1796 года) у адъютанта Дурова куплена девка Наташка, за которую заплачено 160 рублей». Или — сведения о ценах. Так, сахар в Уфе в 1808 году стоил 2 р. 50 коп. фунт, а мука пшеничная — 40 коп. пуд, мясо говяжье — от 1 р. 30 коп. до 2 руб. пуд. Иначе говоря, чтобы купить фунт сахара (продукт привозной), надо было продать местной продукции: муки пшеничной — 6 пудов, мяса — примерно 1½ пуда!

«Дневник» М. С. Ребелинского может еще сослужить службу историкам города. Жаль, что пока не найдены остальные рукописи Ребелинских — «Записки уфимского старожилы генерал-майора М. М. Ребелинского» и «История г. Уфы», написанная, видимо, В. А. Ребелинским. О них мы знаем только по выпискам, сделанным для Д. С. Волкова.

Шура Азарова в старости

Так, из «Записок уфимского старожилы» в бумагах Волкова сохранились отдельные штрихи к биографии знаменитой «кавалериста-девицы» Надежды Андреевны Дуровой, послужившей прототипом героини по-

пулярной ныне кинокартины «Гусарская баллада», — Шуры Азаровой.

Около 1828 года Ребелинский встретился с Н. А. Дуровой на обеде у знакомого чиновника. Вот как описывает он эту встречу.

«Мы сели обедать, как вдруг вошел пожилой, небольшого роста, седоватый, гладко остриженный, весьма некрасивой наружности мужчина. Он с развязностью совершенно военного человека раскланялся и сел с нами обедать. За столом он обратил внимание на мою гусарскую форму, завел со мной разговор о службе, делал разные вопросы, видимо интересовался кавалерийским делом; из его слов было видно, что он сам — опытный кавалерист. После обеда дамы остались в гостиной, а мы втроем (с хозяином) пошли в кабинет курить. Стриженный маленький господин, разлегишись на диване с длинной трубкой, начал рассказывать о своей прежней службе, о походах и сражениях 12-го года. При этих воспоминаниях его некрасивое лицо оживилось, глаза разгорелись тем сильным, жгучим огнем, которым горят они о воспоминаниях сильных душевных тревог. Вся фигура этого маленького, невзрачного человека воодушевилась, и по всему было видно, что в этом маленьком теле была сильная, твердая душа, которая много испытала, лично перенесла в продолжение своей жизни. Наконец он встал, взял шапку и, поклонившись, вышел».

От хозяина Ребелинский узнал, что это была Дурова.

«Впоследствии, — пишет он, — я коротко познакомился с этой замечательной личностью и спустя несколько лет, когда я уже жил в

Уфе, пользовался ее дружеским расположением. В то время, когда я с ним, или с нею, познакомился, ей было уже 45 лет, но она была здорова, весела, не отказывалась ни от каких удовольствий и на вечерах, как говорится, плясала до упаду. В манерах ее проглядывало ухарство — принадлежность всех кавалеристов того времени. В отставном гусарском мундире или в черном фраке она страшно стучала каблуками в мазурке, становилась на колени, выделяла всякие штуки во вкусе того времени». Далее Ребелинский добавляет, что Дурова, приняв в отставке фамилию «Александров», вела чисто мужской образ жизни. «Александров всегда был в мужском costume с двумя крестами в петлице и никогда не говорил про себя иначе, чем в мужском роде, и ясно показывал, что терпеть не может дамского общества».

Но Ребелинский ошибается, утверждая, что «Александров» презирал женщин. Недавно литературоведу Б. В. Смиренскому посчастливилось отыскать одну рукопись Дуровой. В ней Дурова пишет: «Теперь более чем когда-либо нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями».

Пожар... по распоряжению губернатора

В истории старых русских городов большую роль играли частые пожары. Об одном из них вспоминает М. М. Ребелинский.

«...В Уфе сделался пожар вследствие весьма значительного (!) распоряжения тогдашнего гражданского губернатора Наврозова. Вот какого: в Оренбургской губернии (Уфа тогда была резиденцией оренбургского гражданского губернатора. Н. Б.) постоянно, даже и ныне, существует эпидемия «сибирская язва» на рогатый скот. От каких причин она происходит, неизвестно; много было сделано на этот счет правительственных розысканий, но все они ни к чему не привели. В этот год (1821-й. Н. Б.) падеж в городе был сильный, Наврозову кто-то посоветовал сжечь навоз, уверяя, что дым, очищая воздух, уничтожает и заразу. А так как в городе в навозе недостатка в то время не было, то он для большего удобства приказал кругом города сделать вал, чтобы дым мог лучше действовать, с которой бы стороны ни был ветер. Сказано — сделано. Навозный вал в несколько дней сооружен и зажжен со всех сторон; несмотря на то, что он был сделан в довольно большом расстоянии от города, это несколько не помешало сгореть ему (городу) дотла».

Тут надо поправить Ребелинского: из других источников известно, что в 1821 году от пожара погибла лишь половина города.

«Никогда не забуду, — продолжает М. М. Ребелинский, — того страшного события, так сильно на меня подействовавшего, без того уже хилого и слабого. Поутру, часов

в 10, раздался набатный звон колоколов, барабанный бой по улице, крики, шум, суматоха в доме. Вид пылавшего города, в котором все строения были деревянные, с такими узенькими улицами, о которых нельзя нынче иметь понятия. Все это так на меня подействовало, что в продолжение года я не мог слышать обыкновенного звона, барабанного боя».

Очень хорошо, что записки Ребелинского сохранились. Со многими другими рукописями о прошлом Уфы дело обстоит хуже. Вот, например, лишь одна маленькая история.

Телецентр Уфы, как ему и положено, находится на одной из самых возвышенных точек города, а рядом с ним расположен большой, теперь застроенный домами овраг, хорошо известный старым уфимцам под названием «Черкалихин овраг». До половины XIX века здесь был дремучий лес, а в нем когда-то — пристанище разбойников. «Черкалихой» звали дочь казачьего атамана Черкалова. Она была похищена разбойниками и чуть не убита ими в этом овраге. Быль (сохранившиеся материалы утверждают, что Черкалина и ее приключения — не выдумка) эту подробно описал в 40-х годах XIX века учитель уфимской семинарии В. В. Зефирин, но рукопись его пропала.

Большинство известных ранее и ныне утерянных рукописей, к сожалению, до сих пор не удалось найти.

Давайте же, друзья-следопыты, откроем увлекательную «охоту за рукописями»!

Н. БАРСОВ

Как в Канахах первый фильм показывали

Это село раскинулось на высоких берегах одноименной речки Канах. Издавна оно было поставщиком половинок и ковров на знаменитые Иваново-Крестовскую и Ирбитскую ярмарки. После Великой Октябрьской революции большинство кустарей объ-

единилось в артели. Не ослабели традиции веками накопленного мастерства. В 1926 году канахские ткачихи изготовили 18 тысяч метров половичных дорожек. Ими можно было устлать тракт, соединяющий город Шадринск с селом Канаши.

Необычное «сочинение»

Закройщица театральной мастерской в Перми Лидия Федоровна Хазова, был для нее не новым. Но когда на столе разложили эскизы, она удивилась. Нет, такой коми-пермяцкой национальной одежды Лидия Федоровна еще не кроила ни для одного хора. Вместо длинного, неуклюжего сарафана-дубасы на эскизах — красивые, легкие сарафаны из атласа с характерным народным орнаментом.

Идея создать современный национальный костюм возникла у участников художественной самодеятельности. Из Москвы в Кудымкар приехала художница Центрального Дома народного творчества Елизавета Георгиевна Аксельрод... Но прежде чем приступить к столь необычному «сочинению», она тщательно изучила десятки, сотни разновидностей коми-пермяцкой одежды. В этом сложном деле большую помощь оказали сохранившие-

ся в Кудымкаре альбомы известного коми-пермяцкого художника Петра Ивановича Субботина-Пермяка. Полвека назад, живя в Москве, он исполнял орнаменты вышивок для сестры К. С. Станиславского — З. С. Соколовой, содержавшей мастерскую в Воронежской губернии. Листки, исчерченные рукой художника, донесли до нас оригинальные орнаменты, собранные много лет назад в селах этого края.

Так рождались эскизы, которые я увидел в театральной мастерской. На эскизах Е. Г. Аксельрод — костюмы для участников Коми-Пермяцкого народного ансамбля. Костюмы, сшитые по рисункам искусствоведа И. П. Субботиной, дочери художника, для участников хора села Кочево.

Кто знает, может, прямо со сцены сойдут новые национальные костюмы опять в народ.

Александр НИКИТИН

Сейчас изделия искусных ткачих известны и за границей.

Но здесь я хочу рассказать о другом. Вот документ, который писали в Канахском волостном исполнительном комитете Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 25 сентября 1919 года: «В Шадринский уездный Революционный Комитет.

Канахский Исполком просит разрешение для погрузки хлебом «мукой» одного вагона, как подарок от граждан с Канахского для голодающих товарищей города Петрограда.

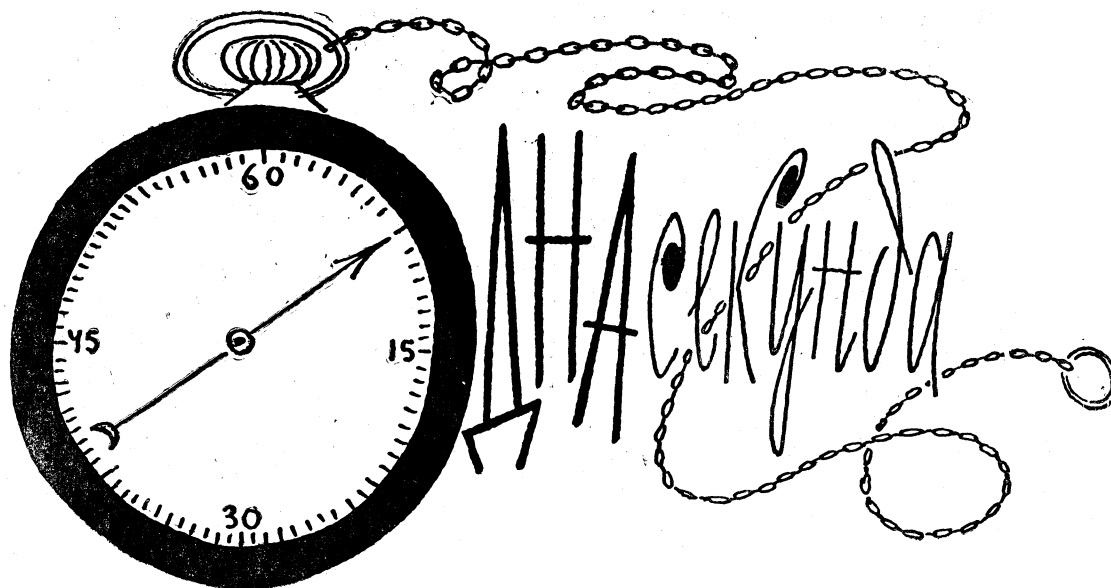
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Раев
СЕКРЕТАРЬ А. Пестерев».

Вагон муки отправили трудящимся красного Питера. В благодарность за помощь в суровую осень гражданской войны петроградские рабочие прислали в Канахский Совет киноаппарат. Сельчане ликовали! Но вот беда: кинемехаников нет! Да и где взять киноленту? Так и стоял дорогой подарок до августа 1924 года, почти пять лет.

В это время партийная ячейка при Шадринском окружном подотделе народного образования взяла над Канахами культурное шефство. 8 сентября из города приехали два кинемеханика и привезли фильм «Приключения мистера Веста в стране большевиков». И «крутили» они его на том самом аппарате, который подарили петроградские рабочие.

«Надо было видеть, с каким наслаждением и вниманием смотрели канахцы эту картину, — писала шадринская окружная газета «Рабоче-крестьянская правда». — А сколько самых разнообразных разговоров возникло потом. Одни спорят о том, так ли на самом деле все происходило, как в картине показано, другие слушают восьмидесятилетнего старика, впервые увидевшего такую «забаву» и «наглядевшегося досыта»; третьи расспрашивают, как это «из города приехали только двое и эвон што народу показали»...

Л. ОСИНЦЕВ

Рассказ

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки Г. Перебатова

В тот день телефон Кости Темрюка трезвонил без устали.

— Ну как? Не подведут?..

— Твое мнение? Вмажем?..

— Слушай! А говорят, Названов немного того... Насморк. Правда?..

Голоса болельщиков — тревожные и уверенные, начальственно-маститые и робкие — как всегда, будоражили и радовали Костю.

Костя Темрюк — судья по хоккею. Судья — это звучит жестко и холодно. Сразу видится солидный человек, бесстрастный и неприступно суровый.

Костя вовсе не напоминал такого судью.

Во-первых, он был совсем молод.

Во-вторых — смешлив.

В-третьих — весь в веснушках.

Больше всего на свете Костя любил хоккей.

И сегодня, в день такого важного матча, Костя волновался, как и все звонившие ему друзья. Он и сам принадлежал к этой славной семье, к этому всемирному племени болельщиков, члены которого узнают друг друга тотчас же — по двум-трем репликам, по азарту в глазах, по удивительной для постороннего осведомленности во всем, что касается «своей» команды.

...Под вечер Костя Темрюк поехал на стадион.

До начала матча было еще больше часа. Но автобус уже — битком. Пассажиры только и говорили о хоккее.

С редким единодушием весь автобус болел за одну команду, за «Авангард».

Впрочем, это понятно.

Матч предстоял удивительный. Принципиальный. Решающий.

Местная, верхнереченская команда «Аван-

гард» в последние два года совершила сказочный рывок. Если бывают чудеса, то сейчас, на глазах у всех болельщиков, происходило именно такое чудо.

Еще три года назад верхнереченский «Авангард» ничем не выделялся. Команда как команда. Группа «Б». Середнячок. Без особых взлетов и перспектив. Но в прошлом году эта серенькая команда неожиданно захватила первое место в своей группе и перешла в класс «А».

А сейчас, играя в чемпионате страны, этот никому неведомый новичок внезапно стал одерживать победу за победой и даже вырвался в лидирующую тройку.

Это «Авангард»-то! Тот самый «Авангард»!

Во всей стране хоккейные болельщики были потрясены. Но особенно верхнереченцы. Еще бы! Их команда, их родная, милая, замечательная, великолепная команда впервые за всю историю хоккея уверенно пробивалась к золотым медалям.

Это было чудо! И каждый из болельщиков по-своему объяснял его.

Одни утверждали, что всему причиной Названов. Как только его ввели в тройку вместо Филатова, тройка преобразилась и стала играть с удивительной результативностью.

Названов — игрок мужественный, резкий, большой любитель силовых приемов. И вес, учтите, 98 килограммов! Почти центнер! С таким столкнуться на третьей скорости — не шутка!

Другие, горячась, доказывали, что Названов — это, конечно... Названов — это класс. Но главный козырь — новый старший тренер Морозов. Он сумел вдохнуть веру в игроков, как-то уже привыкших к поражениям. Он заразил команду своим мужеством, своей непреклонностью,

Третьи говорили, что и Названов, и Морозов — это конечно... Но главное — сами «мальчики», сами игроки как-то встряхнулись. И всем нутром впитали «канадскую» манеру — смелую, боевую, хоть иногда и чересчур грубую. Впрочем, хоккей — это хоккей. Эта игра не для трусов. И не для кисейных барышень.

И сейчас, пока Костя ехал на стадион, весь автобус гудел о том же.

— Названов-то... В прошлом матче... Сам от ворот и до ворот прошел. И сам заложил шайбу!

— О, Названов — сила!

— А Варламов?! Как выкладывает на «пятячок»?! Только добивай!..

И все сходились на одном:

— Эх, если бы и сегодня наши навтыкали!

Да, сегодняшняя игра было по- существу решающей.

«Авангард» шел в лидирующей тройке. Выиграй он сегодня у главного своего конкурента, у ЦСКА, — и до золотых медалей рукой подать!

Останется всего одна игра, и при том с не очень-то сильными ростовчанами.

А проиграй «Авангард» — и сразу отвалится на шестое-седьмое места. Как всегда на финише, каждое очко стало очень весомым.

Костя Темрюк слушал разноголосый гомон автобусных пассажиров и молчал. Судье неловко высказывать пристрастие к какой-либо команде.

А как быть, если судья — тоже верхнереченец и тоже болельщик? И тоже больше всего на свете жаждет, чтобы «Авангард» выиграл?

«Раздвоенные личности!» — усмехнулся Костя. Вскоре матч начался.

На ледяной четырехугольник, окантованный четкими деревянными бортами, плавно выкатились хоккеисты.

В своих боевых доспехах они всегда напоминали Косте старинных рыцарей: такими еще с детства запомнились они ему по красочным иллюстрациям к «Дон-Кихоту». А неуклюжий вратарь в огромных щитках, в нагруднике, в нескольких, одетых одна на другую, защитных «кольчугах», в шлеме с забралом, опущенным на лицо, походил не то на космонавта, не то на таинственного пришельца с другой планеты.

Костя Темрюк сидел за столиком, расположенным очень удобно, на возвышении, рядом с ледяным полем. В руке он держал секундомер, и на столе перед ним лежал секундомер. На всякий случай. Машинка точная, но... Вдруг закапризничает?

Судьи бывают разные. Есть знаменитые, чьи имена известны всем болельщикам. Они вихрем мелькают по полю, и их грозный свисток быстро гасит страсти, когда хоккеисты не на шутку разгорячатся.

А есть судьи неприметные. Зрители не обращают на них внимания. Они не на поле, а где-то в

стороне, сидят за столиком и аккуратно что-то пишут, пишут. Пишут и считают. Как бухгалтеры.

Один из таких судей ведет протокол матча. На форменном бланке он скрупулезно точно записывает все: когда и кто из игроков был оштрафован и за что; кто забил гол, на какой минуте и с чьей подачи.

Костя был одним из таких неприметных судей. Официально он именовался так: судья-хронометрист. Его обязанность — следить за временем. Точно учитывать, сколько длились всякие остановки, перерывы в игре, вычитать это время из игрового. Каждый из трех периодов должен продолжаться ровно двадцать минут. «Чистых» двадцать минут. Ни на секунду больше, ни на секунду меньше. И вот древним Хроносом — богом времени — и был на матче Костя.

Матч начался, и сразу стадион забурлил, закипел, загремел. На трибунах сидели верхнереченцы. И они уж во всю старались помочь своей команде. Не щадили ни голосовых связок, ни легких, ни нервов. Недаром говорят, что «хороший» болельщик теряет за матч до полутора килограммов собственного веса!

Каждую атаку верхнереченцев стадион тотчас подхватывал все нарастающим криком, и этот мощный крик, как гигантская вздыбившаяся волна, нес нападающих «Авангарда» на ворота москвичей. А когда атака разбивалась, тотчас затухал и крик, будто опала эта волна. Но ненадолго...

Костя за своим столиком старался сохранять спокойствие. Вот был бы номер, если бы он, судья, тоже стал кричать и плясать, как вон тот толстенный гражданин в роговых очках. Или сунул бы пальцы в рот и засвистел, как вон тот морячок в бушлате. Лихо свистит! Аж в ушах резь...

Но хотя Костя и сдерживался, и делал строгое, бесстрастное лицо, и не забывал о секундомере — всеми мыслями, всей душой он был заодно с болельщиками.

Что за черт! Седьмая минута, а счет все еще не открыт! Шайбу! Нужна шайба!

— Шайбу!.. — заорал кто-то сзади.

— Шайбу!.. — взревели трибуны.

— Шайбу!..

Это Названов, подхватив черную литую шайбу, рванулся к воротам противника.

«Шайбу!..» — чуть не закричал Костя, но тотчас опомнился и сделал чинное лицо.

— Шай-бу!..

— Шай-бу!..

— Шай-бу!..

Трибуны просили, требовали, умоляли.

И вдруг все зрители разом удрученно выдохнули: «Э-э-эх!»

Это защитник самоотверженно принял на себя могучего Названова. Они оба упали, а шайбу уже подхватил другой защитник и тотчас отпассовал своему нападающему.

В обоюдных атаках прошло еще четыре минуты. А счет по-прежнему не был открыт.

«Ну, Вадимушка! Названчик! — ласково упрасивал Костя. — Ну постарайся, милый!»

Вообще-то он недолюбливал Вадима Названова. Тот был высокомерен и грубоват. И имел противную привычку: то и дело хохотал, Гулко. Как в бочку. Но сейчас Костя обо всем этом забыл.

Вот Названов снова прорвался в зону противника. Стремительно обошел ворота сзади и хорошо выложил шайбу на «пяточок».

— Э-эх!

Казалось, весь стадион схватился за голову, закачался из стороны в сторону, горестно запричитал, застал.

— Шляпы!

— Мазилы!

Вот обидно! Такой удобный момент — и никого! Как назло! Никто из верхнереченцев не подошел к шайбе.

«Бывает, — сам себя успокаивал Костя. — И не то еще случается. Игра есть игра».

Он поспатривал на секундомер. Почти четырнадцать минут прошло! Неужели первый период так и кончится нулями?

И едва он так подумал, как Демидов — самый опасный форвард москвичей — вдруг пулей проскочил в зону и «щелкнул» издалека.

Это был любимый бросок Демидова. Далекий, но зато неожиданный, резкий и мгновенный, как выстрел.

И вратарь не успел среагировать. Гол!

Все случилось так внезапно, — болельщики даже разглядеть толком не успели и очнулись, лишь когда москвичи бросились обнимать и целовать Демидова.

Трибуны, и без того возбужденные, теперь совсем разволновались.

— На-зва-нов!..

— На-зва-нов!..

— Шай-бу!..

— Шай-бу!..

Гол, как это часто бывает, подхлестнул верхнереченцев. Они рванулись в атаку.

И раз, и два, и три бросали по воротам. Но все напрасно.

Вратарь москвичей наглухо закрыл ворота. Костя краем глаза смотрел на секундомер. Тонкая черная стрелочка короткими прыжками перескакивала с секунды на секунду.

Вскоре первый период кончился. Один — ноль.

В перерыве к Косте подошел знакомый инженер. Глаза у инженера были жалостливые, обиженные. Они будто говорили:

«Как же это, Костя? Ой, нехорошо! И куда только ты, Костя, смотришь?»

Словно он мог помочь верхнереченцам и не помог.

Потом подошел еще один знакомый парень. И еще. Подошел и главный технолог с Костиного завода. И сосед по квартире. И все смотрели на Костю...

Нет, они не обвиняли его, но глаза... Глаза у всех были укоряющие. Или это только казалось Косте?

Второй период начался бурно. Команды сразу обменялись голами. Потом верхнереченцы в суматошной свалке у ворот сумели пропихнуть еще шайбу. Уже на четвертой минуте счет стал 2:2.

Трибуны ликовали.

Чувствовалось, «Авангард» полон желания победить. И надо тут же, немедленно поддерживать этот боевой порыв.

О, болельщики тонко чувствуют те психологические нюансы, когда игрокам особенно требуется моральная помощь.

— На-зва-нов!..

— Вар-ла-мов!..

— Ми-шень-ка!..

Трибуны бесновались, орали, выли, свистели.

Однако кончился второй период, а счет не изменился.

В перерыве Костя прошел в раздевалку. В большой комнате, где расположились на отдых верхнереченцы, слышался хрипловатый голос старшего тренера. Даже не разобрав слов, по одному лишь голосу — напряженному, нервному, — было понятно: тренер требует нажать, усилить натиск, во что бы то ни стало вырвать победу.

Костя оглядел игроков. Некоторые сидели, устало откинувшись. Кто-то, сняв коньки, натягивал другие носки. Кто-то маленькими глотками отхлебывал боржом. Названов полулежал в углу и в такт словам тренера тихонько постукивал коньком по полу.

«Да, — подумал Костя. — Вырвать победу. А как?»

И еще он подумал, что в соседней раздевалке, вот тут, рядом, за стенкой, тренер москвичей сейчас, конечно, так же жмет на своих парней. И так же твердит им: «Вырвать победу, во что бы то ни стало». Может быть, теми же словами.

Костя вздохнул. Да, сейчас победа нужна просто позарез. В перерыве диктор на стадионе сообщил: получено известие — в Ленинграде команда «Динамо» проиграла. Зрители встретили эту весть бурей радостных криков. «Динамо» было одним из трех лидеров. Проиграв, динамовцы сразу отстали. Теперь шансы на золото имели лишь нынешние соперники — ЦСКА и «Авангард».

Кто из них сегодня выиграет, тот и откроет себе зеленую улицу к почетному званию.

Третий период начался нервно. Именно эта нервозность и мешала игрокам забить гол. Обе команды поочередно кидались на штурм, но атаки были сумбурные и главное — завершающие броски потеряли точность. Шайбы летели или мимо ворот, или прямо во вратарей.

Прошло пять минут... десять... двенадцать. Счет не менялся: два-два.

Костя сидел за судьейским столиком. Автоматически останавливал и снова включал секундомер, делал нужные пометки, но сам думал лишь одно:

«Ну же! Миленькие, ну! Постарайтесь!»

Трибуны бесновались. Ничья не устраивала их.

— Наз-ва-нов!..

— Родненький!..

— Шай-бу!..

— Шай-бу!..

Шла уже последняя минута матча.

«Да, ничья», — огорчился Костя.

Очевидно, так решили и трибуны. Зрители уже шевелились, ерзали, готовясь покинуть стадион.

И вдруг!..

В спорте часто решает это магическое «вдруг».

Вдруг Назаров получил шайбу, на полной скорости проскочил в зону, передал шайбу Варламову, тот быстро вернул ее Названову. Бросок! И красная лампочка вспыхнула над воротами.

— Гол!

Трибуны словно обезумели.

Какой-то солидный дядя, вскочив на скамейку, сорвал с соседа шляпу, вертел ею над головой и свистел дико, заливисто. Так свистят мальчишки, гоня голубей.

Какая-то молоденькая женщина, видно, заезвась и не поняла, что случилось. Она дергала мужа за рукав, пыталась спросить его, но муж не слушал, лицо у него было хмельное от счастья. Он вырывал рукав и кричал что-то громкое, бессмысленно-ликующее.

И вдруг... Вдруг оглохший от восторга стадион увидел...

На поле, размахивая руками, выскочил Костя. Он бежал по льду, поскользнулся, чуть не упал. Врезался в самую гущу игроков, что-то кричал, однако в этом сплошном реве слов было не разобрать.

Но уже одно то, как он, нарушив все правила, перескочил через борт, как взволнованно махал руками, заставило зрителей постепенно утихнуть.

И тогда все услышали.

— Время! — плачущим голосом кричал Костя и протягивал «судье на поле» секундомер. — Время! Лишняя секунда!

Никто ничего не понял. Какая секунда? Что за секунда? И вообще кто этот взбалмошный парень?

— Секунда! — кричал Костя. — Лишняя!.

Судья наклонился к нему. Что-то спросил. Костя ответил и опять сунул ему под нос секундомер.

К ним подкатил встревоженный капитан верхнереченцев. И вратарь. И другие игроки.

— Не считать! — сказал судья и сделал рукой тот выразительный знак, который без перевода ясен всем болельщикам мира. — Не считать!

И тут только зрители поняли. Гол был забит поздно. Секундой раньше кончилось игровое время. Названов опоздал. Всего на секунду, но опоздал.

...Казалось, Названов сейчас заплачет. Он стоял возле Кости и рукавом размазывал полосы грязи по усталому лицу. И лицо у этого могучего детины было жалкое, растерянное, почти плачущее.

Еще бы! Победа была уже совсем рядом. И победа, и золотые медали... И вот — на тебе!

— Ты... — сказал Названов Косте, — ты... это ты...

Он не находил слов.

В ярости он взмахнул клюшкой. Казалось, сейчас ударит Костю.

Но нет. Смаху хрястнул он клюшкой об лед. С такой силой, что «крюк» отлетел и запрыгал по льду.

Названов швырнул на поле оставшуюся в руке палку и, рубя лед коньками, ринулся прочь.

И лицо у него по-прежнему было горестным, почти плачущим.

...Костя исподлобья глянул на трибуны. Ему казалось, ярость зрителей сейчас лавиной обрушится на него. Но трибуны молчали. Горестно, скорбно, будто где-то рядом лежал покойник.

В судьейской Костя быстро поставил свою подпись под протоколом, переоделся и, стараясь не встретиться ни с кем из игроков, торопливо вышел из раздевалки.

На стадионе толпа уже поредела, но все-таки тут и там еще виднелись кучки болельщиков.

Надвинув кепку пониже на лоб, подняв воротник своего легкого пальтеца, Костя быстро шагнул к воротам.

Главное сейчас — не столкнуться ни с кем из знакомых (приятелей на стадионе у Кости — сотни!). Быстрее, незаметней уйти, уйти...

Он прошел мимо одной из групп и уже свернул в темную аллею и тут — тишину прорезал пронзительный свист. Кто-то свистел в два пальца — резко, яростно, по-разбойничьи.

У Кости сердце на секунду остановилось, потом застучало часто, как отбойный молоток. «Мне, — подумал Костя. — Это мне».

Он еще участил шаги, уже почти бежал. К счастью, в аллее было темно, и никто не мог видеть его.

И только возле выхода со стадиона он замедлил шаги.

«А может, это вовсе не мне? — подумал он. — Может, просто так свистели? Свистят же просто так?»

Он остановился. В самом деле, почему он решил, что именно ему, непременно ему адресовали этот свисток?

Покачал головой:

«Нервочки... Все нервочки...»

Он уже вышел со стадиона и с облегчением подумал, что теперь-то уж никого не встретит, но тут его окликнули.

Костя обернулся. Это был парень с его завода, из штамповочного цеха.

Несколько шагов они сделали рядом. Парень молчал. Костя тоже молчал.

— Обидно! — сказал парень.

— Конечно, — хмуро подтвердил Костя.

Парень снова умолк.

«Ну, скажи же... Мол, я один виноват. Мол, если бы не я, все было бы чудесно... Ну!» — мысленно подталкивал его Костя.

Но парень молчал.

Они дошли до развилки — здесь широкая, как река, аллея растекалась на три асфальтированных ручейка. Парень все так же молча пожал руку Косте и свернул направо. Костя пошел прямо.

Медленно брел он по улицам. Сыпал мелкий, как крупа, снежок. Стоял легкий морозец. Костя шел не торопясь. Да и куда спешить?

Он понимал: дома на него сразу хлынет ливень телефонных звонков. И со всеми надо будет говорить, всем объяснять, что-то доказывать, убеждать.

Прошел мимо кино. Видимо, скоро должен

был начинаться сеанс. Люди суетились. Несколько человек спросили у него: нет ли «лишнего» билета?

«Они и не знают о матче», — подумал Костя.

Это было поразительно. Он еще всей душой был на состязании. Все еще переживал эту несчастную секунду. Ему казалось, случилось что-то ужасное, непоправимое, а вот выясняется, есть люди, которым никакого дела нет (и до этой секунды, ни до хоккея вообще).

Костя свернул на бульвар, пошел узкой, протоптанной в снегу тропинкой.

«А между прочим, — подумал он, — трибуны не очень-то... разъярились. Бывает хуже».

Он вспомнил: однажды Названов рассказывал, как на матче в Канаде судья не засчитал гол. Зрителям это не понравилось. И кто-то с трибуны дважды выстрелил в судью.

«Да, — покачал головой Костя. — А если бы и в меня? Пиф-паф!».

Он долго бродил по улицам. Пришел домой уже ночью. И сразу раздался телефонный звонок.

«Ну, конечно», — подумал Костя.

Взял трубку.

— Небось, не спишь? — спросил Названов.

— Не сплю.

— Я так и знал. — Названов усмехнулся. — Переживаешь?

Костя промолчал.

— Я так и знал. Слушай, мил-человек. Сердишься? Не сердись. Вадим Названов — горячий человек. Порох. Понял?

Костя молчал. Потом не без ехидства сказал:

— А клюшка-то рубля, поди, три стоит?

Названов захохотал. Гулко, как в бочку. Он всегда так смеялся.

— Если бы три! — воскликнул он. — Канадская клюшечка! Все десять потянет.

— Придется платить, — сказал Костя.

— Ага, придется, — откликнулся Названов. Так охотно, будто предстоящая потеря десяти рублей доставляла ему истинную радость.

Они заговорили о каких-то пустяках. Названов то и дело гулко хохотал. И этот его смех, всегда раздражавший Костю, сейчас не казался таким неприятным.

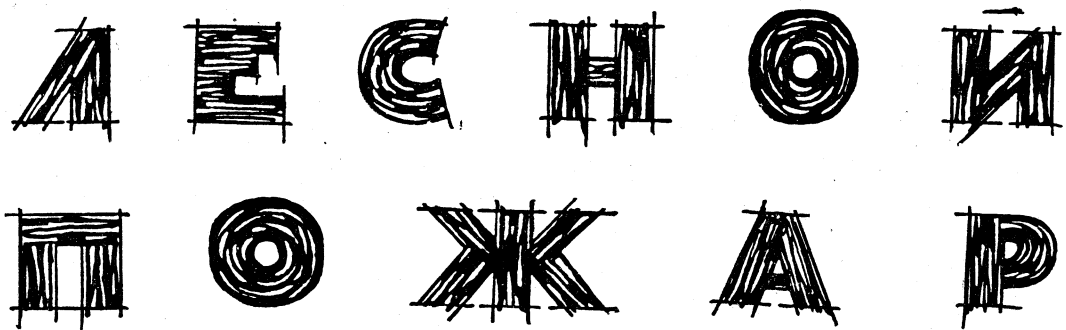
— А вот знаешь, — сказал Названов. — Нам, игрокам, после каждого матча тренеры ставят отметки. Как в школе. Кому четверку, а кому и двоечку! А вам, судьям? Ставят?

— Да.

— Интересно, что тебе нынче влепят?! Кол? Или пятерку с плюсом? Это у нас немка пятерки с плюсом ставила!

И Названов снова захохотал. Гулко. Как в бочку.

А. КРУГЛОВ

Рисунки Ю. Григорьева

Мы остановились километрах в восьми от поселка шахтеров и портюиков. Старенький «козлик» за три месяца полевых работ прошел пол-острова и теперь окончательно выбыл из строя. Нужен был срочный ремонт.

Пока шофер Женя устанавливал размеры постигнутого нас бедствия, начальник геологической партии Андрей Владимирович Соловьев подозвал меня.

— Пойдете в поселок, дадите телеграмму в Южно-Сахалинск. — Он протянул мне розовый бумажный клочок. — Даю три... ну, на крайний случай четыре часа. Ждать машину не будем, пойдем в глубь острова пешком. Времени на исследования остается в обрез. Потопляйтесь.

Я пустился в путь.

Снаряжение геолога известно: удобная и непромокаемая одежда, молоток, нож на поясе, ружье за плечами и фотоаппарат на груди.

— Оставьте, сейчас все это вам не нужно, — заметил перед моим уходом Андрей Владимирович.

Но голова моя была набита романтической чепухой, и я отказался: «А вдруг и пригодится!»

И черт меня дернул еще повязать голову красной косынкой и небрежно воткнуть в выгоревший чуб найденное по пути глухаринное

перо. Кроме того, в тайге у меня отросли редкая борода и жидкие пшеничные усы, торчащие врозь. Болотные сапоги были похожи на ботфорты лихого мушкетера. Сам Тартарэн не имел наряда внушительней и претенциозней, чем я. Таким я и явился на почту.

Чернявая худенькая девушка в оконце «Телеграф» и пожилая дама за вывеской «Заказные письма и бандероли», завидев меня, прыснули от смеха. А лысый старикан, должно быть начальник почты, устремил в мою сторону уничтожающий взгляд. Он явно хотел смутить меня. Но я в то первое свое геологическое лето был слепой от счастья и на все это не обратил внимания.

Я уже извлек из кармана и протянул в оконце розовый листок, когда на улице пронзительно завывала сирена, заревел в порту тревожный хор паровозных гудков.

Сердце екнуло. Мгновенно вспомнились худшие дни проклятой войны. Девушка взвизгнула и выпрыгнула из-за стола к двери. Все бросились за ней. Я в своих тяжелых доспехах выскочил на улицу последним.

...Юго-восточная окраина поселка утопала в дыму. Он уже стлался над первыми домами и спокойным, неторопливым, уверенным валом катил к центру, к морю, к порту. Полыхнули и заплясали первые огненные языки: в лесу рядом с поселком занимался пожар.

Что такое пожар в летнем высушенном лесу, объяснять, видимо, не нужно. А когда он бушует возле угольных копей, возле огромных складов уже добытого угля?

Поселок забурился. Сломая голову бежали к лесу люди, неслись пожарные машины, газики с руководителями шахт и поселка. Каждый делал все, что мог.

Оправившись от первого потрясения, я, как и все, принялся воевать с огнем. Чернявая телеграфистка, которая на почте открыто смеялась мне в лицо, оказалась рядом со мной. Она заметила меня, но тут было уже не до смеха. Общая схватка со стихией вызывала у всех восторженное уважение друг к другу.

После пожара мы долго оттирали с лица пот и копоть, приводили в порядок изрядно потрепанные наряды. И вдруг я спохватился: оказывается, прошло уже четыре часа. Я перерыл все карманы, но розового листочка с текстом телеграммы и адресом не нашел. Чер-

ноглазая следила за мной. Но теперь уже совсем другими, дружескими и приветливыми глазами: все тартарэновское давно слетело с меня. Борода и усы опалились, глухаринное перо выпало, яркая алая косынка потерялась, и я был самим собой.

— Что случилось? — встревоженно спросила она.

— Потерял телеграмму! Теперь придется бежать в лагерь, затем опять сюда, в поселок, и снова назад. Целый день пропал! — выпалил я.

— Побежали! — не объяснив ничего, приказала она. — Ну, живо!

Возле почты девушка схватила меня за руку.

— Стойте! — И скрылась в дверях.

— Я вернусь часа через два. Примите там за меня! — крикнула она кому-то, выбегая из конторы, и сунула в карман блокнот. — Теперь к вам — в лагерь! — снова приказала она.

Восемь километров мы отмахали меньше чем за час. Отряд уже давно был готов к походу и с тревогой, с возмущением ждал меня.

Но, взглянув на нас, Андрей Владимирович сразу понял, что задержался я неспроста. Девушка решительно взяла меня под защиту и все объяснила сама.

— Теперь давайте текст телеграммы... Быстренько! — обратилась она к шефу. — Давайте! Затем и пришла. А он, — ткнула в меня карандашом, — сейчас же может идти с вами в тайгу.

О, этот скрупулезный, дотошный порядок и дисциплина почтовых контор!

— Получите квитанцию. Через час будет отправлена. — Она протянула Соловьеву квитанцию. — Да, через час, — подтвердила снова, взглянув на часы. — А теперь прощайте!

И вдруг, сверкнув в мою сторону черными глазами, попросила всех:

— А ряженого своего не ругайте. Он не виноват. И голову можно было потерять.

Глаза наши встретились еще раз. И тут я почувствовал, что действительно готов потерять голову, но по причине теперь уже совсем иной.

Не один год прошел уже после этой вранья и не очень важной истории, а вот забыть не могу. И, бывает, только соберешься отказать кому-нибудь в просьбе, а тут вдруг требовательно, решительно так заглянут в тебя из прошлого черные девичьи глаза, и чувствуешь: нет, нельзя отказать!

ТРУБЫ — ПО ВОЗДУХУ

Уже давно знакомы строителям и геологам самые мощные советские вертолеты «МИ-6». В редко населенных районах, на заболоченных участках, где обычный транспорт беспомощен, «МИ-6» доставляет оборудование, горячее и другие грузы. А осенью 1965 года, когда распутица приостановила все работы в поймах северных рек, где завершалось сооружение первого сибирского нефтепровода Шаим — Тюмень, тюменские авиаторы пошли на редкий в практике воздухоплавания эксперимент — они стали по воздуху переправлять стальные 35-метровые по длине плети (две сваренные вместе трубы).

Экипаж вертолета: командир Юрий Южаков, второй пилот Георгий Метелев, штурман Константин Гаврилов, бортмеханик Федор Ваганов и оператор внешней подвески Виталий Кулаков перевозили по две плети в рейс. Каждая весом — три с половиной тонны.

Фото и текст И. Сапожкова

Юмореска

А. ЛЕПЕШКИН

Рисунки Г. Перебатова

Я увлекался радиотехникой, электроникой, понемногу начал осваивать кибернетику. Мои знания носили столь разносторонний характер, что я начал мечтать о собственном изобретении. Незаполненная двенадцатая графа личного листка по учету кадров постоянно напоминала мне об этом пробеле в моей биографии.

С упоением листал я толстые книги, шуршал страницами, как еж осенними листьями, и труд мой увенчался успехом!

Я отправил в Комитет по делам изобретений свою первую заявку и с нетерпением стал ждать ответа.

Через два месяца я получил его. Суровый ответ эксперта охладил меня, словно ушат холодной воды. Я сжал зубы и снова ринулся в дебри неизведанного.

К своему новому изобретению я изготовил небольшую действующую модель ручного преобразователя времени. Я был первым человеком, побывавшим в прошлом. Вернувшись, я отправил материалы в Комитет. Мне ответили, что я опоздал на пятнадцать лет: идея преобразователя времени уже была запатентована. Ответ озадачил, но я был упрям и снова отослал материалы эксперту. Дальнейшее напоминало общеизвестную игру: я настойчиво посылал свое изобретение в комитетские ворота, эксперт, как отличный вратарь, отфутболивал его назад с соответствующими приписками.

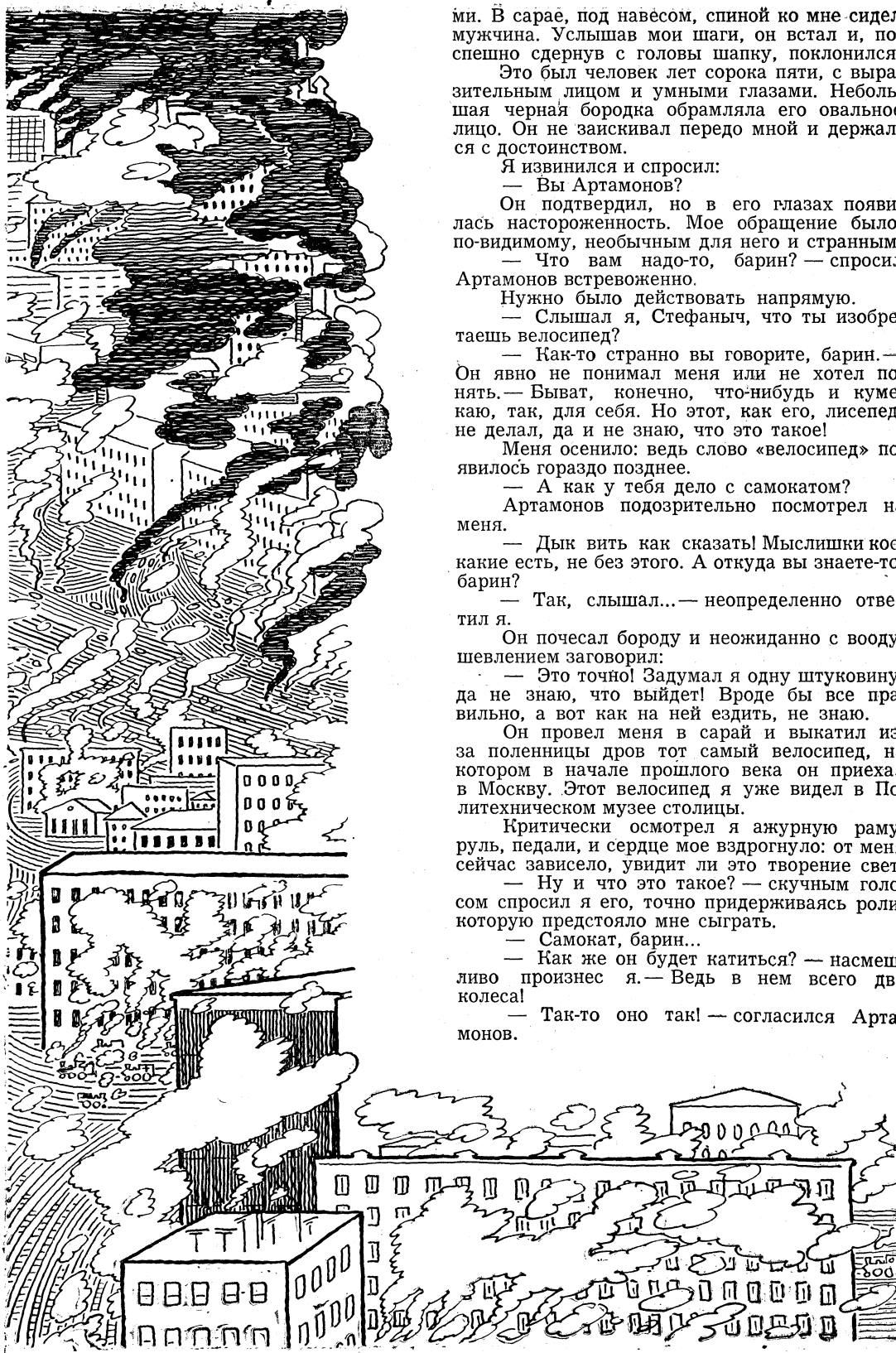
Не выдержал первым я и предпринял обходной маневр — решил изобрести... велосипед!

Вообще-то изобретателем велосипеда был русский крестьянин Артамонов. Он первым использовал свойство вращающегося колеса сохранять занятое им положение и создал совершенно новый тип самоката. Вот я и решил посетить Артамонова и отговорить от этой идеи (ее я и собирался сам запатентовать в двадцатом веке).

Взял отпуск и поехал на Урал. Небольшой городок, выросший на месте старинного заводского поселка, встретил меня обычными трудовыми буднями, шумом новостроек и широкими асфальтированными улицами, одетыми в яркий зеленый наряд.

Без труда нашел памятник Артамонову, — он возвышался там, где когда-то стоял его дом. Поставил стрелки преобразователя на конец восемнадцатого века и, нажав на кнопку, перенесся в прошлое.

Передо мной из пепла времени возникла узкая улочка с потемневшими курными избушками. Изба Артамонова немного отличалась — она была повыше и богато украшена резьбой. Я несмело толкнулся в калитку и очутился на большом дворе, устланном каменными плитками.

ми. В сарае, под навесом, спиной ко мне сидел мужчина. Услышав мои шаги, он встал и, поспешно сдернув с головы шапку, поклонился.

Это был человек лет сорока пяти, с выразительным лицом и умными глазами. Небольшая черная борода обрамляла его овальное лицо. Он не закривал передо мной и держался с достоинством.

Я извинился и спросил:

— Вы Артамонов?

Он подтвердил, но в его глазах появилась настороженность. Мое обращение было, по-видимому, необычным для него и странным.

— Что вам надо-то, барин? — спросил Артамонов встревоженно.

Нужно было действовать напрямую.

— Слышал я, Стефаныч, что ты изобретаешь велосипед?

— Как-то странно вы говорите, барин. —

Он явно не понимал меня или не хотел понять. — Быват, конечно, что-нибудь и кумекаю, так, для себя. Но этот, как его, лисепед, не делал, да и не знаю, что это такое!

Меня осенило: ведь слово «велосипед» появилось гораздо позднее.

— А как у тебя дело с самокатом?

Артамонов подозрительно посмотрел на меня.

— Дык вить как сказать! Мыслишки кое-какие есть, не без этого. А откуда вы знаете-то, барин?

— Так, слышал... — неопределенно ответил я.

Он почесал бороду и неожиданно с воодушевлением заговорил:

— Это точно! Задумал я одну штуковину, да не знаю, что выйдет! Вроде бы все правильно, а вот как на ней ездить, не знаю.

Он провел меня в сарай и выкатил из-за поленицы дров тот самый велосипед, на котором в начале прошлого века он приехал в Москву. Этот велосипед я уже видел в Политехническом музее столицы.

Критически осмотрел я ажурную раму, руль, педали, и сердце мое вздрогнуло: от меня сейчас зависело, увидит ли это творение свет!

— Ну и что это такое? — скучным голосом спросил я его, точно придерживаясь роли, которую предстояло мне сыграть.

— Самокат, барин...

— Как же он будет катиться? — насмешливо произнес я. — Ведь в нем всего два колеса!

— Так-то оно так! — согласился Артамонов.

Издали донесли голоса и мычание коров.

— Ты видел когда телегу на двух колесах? — ухмыляясь, спросил я.

Он ответил, что не видел.

— Ну, вот что, Стефаныч. Ты мужик не дурак, сам понимаешь, что на этой штуковине можно запросто свернуть себе шею! Убери ты ее подальше, чтобы никто не видел. Тебя же засмеют люди! Анафеме предадут!

— Это точно, — согласился со мной Артамонов. — Вон Митрофанкин повесил на крышу флюгер, его и по сей день поп дураком зовут.

— Вот видишь! — обрадовался я. — Давай уж и ты не смейся людей.

Пожал его крупную руку и пошел к калитке. Первая часть моего плана удалась. Артамонов стоял во дворе и чесал затылок, провожая меня взглядом.

...Когда я вернулся в двадцатый век, то долгое время не мог понять, что произошло. Город был тот же, но не совсем. Здания и парки остались без изменения, но по широким улицам катилось множество паровозов, паровозиков и микропаровозиков. Железнодорожные колеи оплетали все улицы и проспекты. Из паровозных топок вырывались клубы дыма и обволакивали прокопченную листву деревьев, прохожих и большие витрины магазинов.

Над городом висело огромное облако дыма.

Я растерянно оглянулся. На некоторых паровозиках были нарисованы шашечки такси.

— Куда? — заорал мне закопченный ко-

чегар, высовываясь из окошка паровоза.

Я машинально назвал город, в котором жил.

— Это на междугородном! — крикнул кочегар-таксист и, обдав меня паром, укатил дальше.

Я почувствовал, что схожу с ума. Неумолкаемый грохот заполнял улицу и давил на барабанные перепонки.

Поплелся я на междугородный вокзал и занял кресло в пятнадцатиместном паровозе. Постепенно начал понимать, что в мире нарушилась взаимосвязь между историческим развитием механизмов. Паровой двигатель оказался более пригодным и получил массовую путевку в жизнь.

На определенном этапе паровые машины развивались параллельно с автомобилями, но это было до моего вмешательства.

Велосипед не был изобретен, а именно он явился предшественником автомобиля. За угловатыми, диковинными для нас очертаниями самокатов начала девятнадцатого века уже предугадывался прообраз будущих самобеглых колясок, имеющих много общего с самокаткой Кулибина, в которой впервые были применены коробка передач, маховик, подшипники качения и ленточный тормоз.

Технический прогресс человечества основан на достижениях предшествующих поколений, и велосипед Артамонова явился как бы первоначальным звеном в цепочке усовершенствований самодвижущихся повозок данного типа.

Но идея создания самоката была убита

КОПЧИК — ТАЕЖНЫЙ КОНЬ

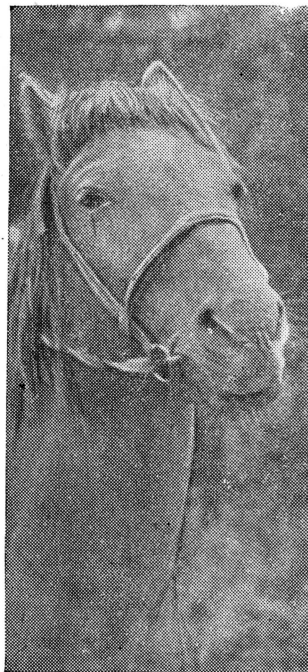
Тайга словно оборвалась. Впереди открылось болото, заросшее багульником. Запах багульника и болотной прели был до того густым и крепким, что кружило голову Трясина, сверху предательски замаскированная пышными подушками кочек, словно затаилась, ожидая очередную жертву. Лошади, груженные вьюками, тревожно зашевелили ушами, испуганно зафыркали.

Через болото когда-то проходила старая лежневка, от которой сейчас остались лишь отдельные бревна и жерди. Чтобы не давать крюка в десяток километров, мы рискнули пройти. Вперед пустили двух таежных коней — Копчика и Ваграна, которые чув-

ствовали себя удивительно спокойно. За ними двинулись остальные.

Первой провалилась кобыла Зорька. Копыта соскользнули с настила, и лошадь, упав на бок, беспомощно билась в трясине. Рядом метался жеребенок. Работники промыслового хозяйства, по пояс в грязи, помогали животному выбраться из беды. Они срезали веревки и, освободив Зорьку от вьюков, подталкивали под нее жерди.

Наконец трясина всхлинула, несколько тяжелых прыжков — и Зорька оказалась в безопасном месте. Этот случай заставил половину отряда повернуть назад и идти окрестным путем. Мы с завистью смотрели, как вдалеке

мною в зародыше, и паровые машины завоевали всю планету...

Дома меня ожидал персональный паровозик последней модели, с паровым отоплением, усовершенствованным очистителем воздуха и туалетом.

Железнодорожная ветка заходила прямо ко мне во двор. Я проклинал себя, но мужественно переносил дорожные тяготы. Со злостью бросал уголь в топку и утешал себя, что человечество скоро избавится от этого кошмара.

На оформление заявки ушло немного времени. С толстой папкой я прибыл в Комитет лично, чтобы ускорить внедрение в жизнь моего грандиозного изобретения. Я привез с собой соответствующие расчеты, чертежи и модель велосипеда, сверкающую блеском спиц и свежей краской.

Меня направили к начальнику отдела Городецкому. Когда я вошел, он пил чай.

— Что это у тебя? — скороговоркой спросил он, окидывая наметанным взглядом мое творение.

Разложив бумаги, я долго объяснял ему принцип действия велосипеда.

— Не пойдет! — раздельно произнес он.

— Почему?! — воскликнул я.

— Как же он будет катиться, ведь тут всего два колеса!

Я опять объяснил, но он с сомнением покачал головой.

— И ты хочешь эту штуку пустить в массовое производство! Если бы даже он и поехал (а это невероятно!), то что тогда ждало бы лю-

дей?! Они бы давили и калечили друг друга! Их бы увечили паровозы!..

— Но паровозов тогда не будет!

— Как так не будет? — растерянно спросил он.

— Так и не будет! — пояснил я. — Вы только посмотрите, как они неудобны! Будущее за автомобилями!

Городецкий кому-то позвонил, и через минуту в комнату вошли два сотрудника. Я начал объяснения снова.

— А где у тебя туалет? — неожиданно спросил один из вошедших.

— Во, во! Где?! — восторжествовал и Городецкий. — Видишь! У тебя его нет! А на паровозах все удобства!

Я что-то пробормотал и, сраженный их железной логикой, замолчал.

— Послушайте! — веско проговорил после продолжительного молчания один из сотрудников. — Вы человек умный и должны понять, что внедрение вашего изобретения просто немыслимо!

— Но у нас же все ездят на таких машинах! — воскликнул я.

— Где это у вас? — подозрительно спросил Городецкий.

Я прикусил язык и решил не искушать больше судьбу. Вышел из комнаты и перевел стрелки. Вскоре я уже стоял перед избой Артамонова. Когда я открыл калитку, он все еще чесал в затылке.

— Стефаньч! — заорал я. — Это же замечательная штука! Давай покажу тебе, как нужно ездить!

лесники Хозяиновы плавно покачивались на спинах Ваграна и Копчика. Их кони, осторожно нащупывая надежно лежащие жерди, словно акробаты, пробирались через трясину.

Часа через три мы вышли к дороге. Петро и Александр Хозяиновы ждали нас. Решили сделать небольшой привал. И тут-то я узнал об удивительном коне Копчике, любимце госпромхоза «Денежкин Камень».

Копчик — крупный выносливый конь рыжей масти. По своему сложению напоминает скаковую лошадь. А жители села Всеволодо-Благодатское говорят, что это настоящий таежный конь. Работникам госпромхоза часто приходится преодолевать сотни километров по тайге, болоту и горам. Копчик с тяжелыми вьюками без особого труда проходит по любому бездорожью.

Копчику семнадцать лет. Возраст солидный, но глаза молодые, озорные. Поэтому и проказам коня нет счета.

На привалах уставшие та-

ежники сложат в кучу рюкзаки и сидят у костра, дожидаясь, когда сварится ужин. А Копчик тут как тут. В удобную минуту он незамеченным подойдет к рюкзакам, обнюхает их, выберет тот, где хранится самое вкусное, и вспорет зубами. Полакомившись вдоволь, незаметно исчезает.

Ест Копчик все — уху, которую оставили беспечные хозяева у костра, медвежий жир, селедку, мясо. Он не боится огня. В студеные ночи, когда кони, прижавшись друг к другу, дрожат от холода, Копчик подойдет к тому месту, где горел костер, раскидает копытами головня, ляжет в теплую золу и горя не знает.

При больших переходах вьюки часто натирают лошадям спины. Небольшая промашка может вывести животное из строя. Но Копчику это не грозит. Когда укладывают груз, он, повернув голову, смотрит, как его навьючивают. Если что уложено неправильно, не пойдет: сбросит с себя

вьюки, а потом стоит и ждет, чтобы все сделали как следует. Хлопотно это, но надежно. Дорогой с грузом уже ничего не случится.

Копчик уважает только хорошего седока. Увидит, что на нем сидят неумело, неуверенно, остановится и зубами за штанину стащит боязливого всадника. Не любит он ходить в санях и телеге.

Однажды после сильных дождей дороги в тайге стали почти непроходимыми. Отрезанными от госпромхоза оказались сборщики орехов. Только Копчик с двумястами килограммов груза и седоком сумел пробраться до Всеволодо-Благодатского, преодолев семьдесят километров пути. На следующий день Копчик снова двинулся в путь с продуктами для тех, кто остался в лесу.

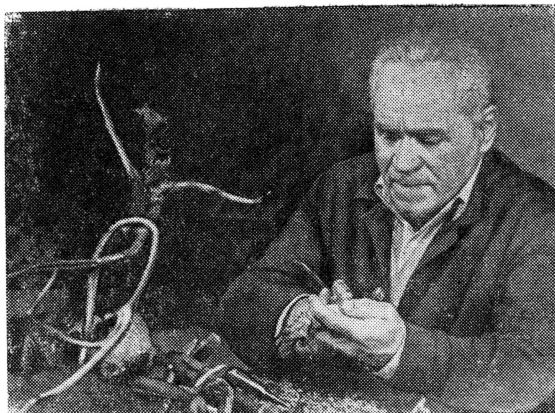
Нет, недаром этого таежного коня промысловики и геологоразведчики считают своим лучшим спутником и помощником.

А. МАЛЬЦЕВ

В НОМЕРЕ:

ДЕЛО. Ю. Хазанович. Документальная повесть	1
СВЕТ ГРЯДУЩЕГО. Г. Рамазанов, депутат Верховного Совета СССР	20
ГОРНОСПАСАТЕЛИ	22
ОН СОПРОВОЖДАЛ ТРАУРНЫЙ ПОЕЗД. Б. Чельшев	23
СПАСИБО, «ЗВЕЗДОЧКА»! А. Артамонов	24
СЕДЬМОЕ ЧУДО. Профессор А. Малахов	26
«КРИСТАЛЛ» — КЛУБ ДРУЖБЫ. Е. Константинова	29
ЗАПАС ПРОЧНОСТИ. Владимир Сибирев. Поэма	33
ЖДУТ. Борис Белецкий. Очерк	36
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	38
ФАРСАНЫ. С. Слепынин. Фантастическая повесть	39
«ГУЛЯЛ ПО УРАЛУ ЧАПАЕВ-ГЕРОЙ». А. Шилов, заслуженный артист РСФСР, Э. Звоницкий	59
АНАКОНДА. Любовь Ваганова. Стихотворение	60
СТО ПЕТРОВЫХ — РАБОЧИХ И ВОИНОВ. М. Колпаков. Очерк	61
ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ. Сергей Шитин. Рассказ	64
РОЯСЬ В СТАРЫХ РУКОПИСЯХ. Н. Барсов	66
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	68
ОДНА СЕКУНДА. Борис Раевский. Рассказ	69
ЛЕСНОЙ ПОЖАР. А. Круглов. Рассказ	74
ТРУБЫ — ПО ВОЗДУХУ. И. Сапожков	75
КАК Я ИЗОБРЕТАЛ ВЕЛОСИПЕД. А. Лепешкин. Рассказ	76
КОПЧИК — ТАЕЖНЫЙ КОНЬ. А. Мальцев	78
КУДЕСНИК ВОЛШЕБНЫХ КОРЕШКОВ. А. Александров	80

Обложка В. Воловича

КУДЕСНИК ВОЛШЕБНЫХ КОРЕШКОВ

Однажды в Москве к Людмиле Дмитриевне Славновой, артистке Ижевского драматического театра, подошла иностранка. Ее покорили бусы. Цепочка из причудливых корешков, фигурка какого-то зверя посредине... Все это было так заманчиво, что иностранка завела разговор о цене.

Людмила Дмитриевна объяснила ей, что бусы не продаются.

Автор редких бус — муж Славновой Алексей Карпович Грозин, заслуженный артист Удмуртии. В верховья Ижа он ходит за налимами. Однажды увидел он в воде корешок. Гладкий, причудливый. Принес домой. Осмотрел. Удивительная вещь! Корешок похож на какого-то древнего божка. Нашел еще один: фигурка женщины замерла в полете. А что если?..

Алексей Карпович взял нож. Подрезал отростки. Сделал более четкими очертания. Покрыв фигурку лаком. И назвал природную скульптуру — «К звездам!»

И раньше встречал Грозин лесные причуды. К крупной шишке, например, он приделывал ноги, голову, усы из сосновой хвои. И получалась великолепная фигурка деда Шиша. Огромные грибочки стали фундаментом, на котором вырастали новые скульптуры.

Так появились в домашнем музее актера «Певец-бандурист», «Солисты балета», «Укротительница», «Леший», «Поклонник твиста», «Каракагича», лирические сценки «Вернись», «Поцелуй», «Рассердился». За четыре года — больше полусотни.

Заслуженный артист Удмуртии Алексей Карпович Грозин — любимый актер в республике.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Технический редактор
Э. Максимова

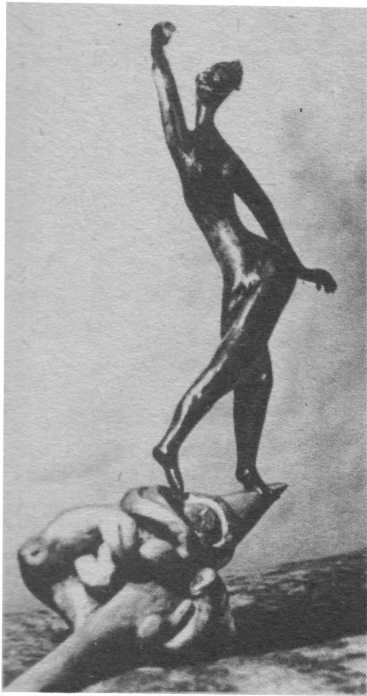
Корректор
Г. Стороженко

Рукописи не возвращаются.

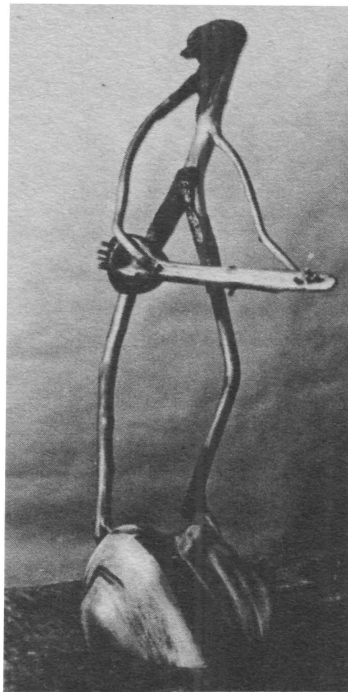
Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны
Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д8-04-49 (производ. отдел)
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 23/XII 1965 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.— 3,61 печ. л.— 12,25 уч.-изд. л.
НС 19690. Тираж 110.000. Цена 30 коп. Заказ № 955.

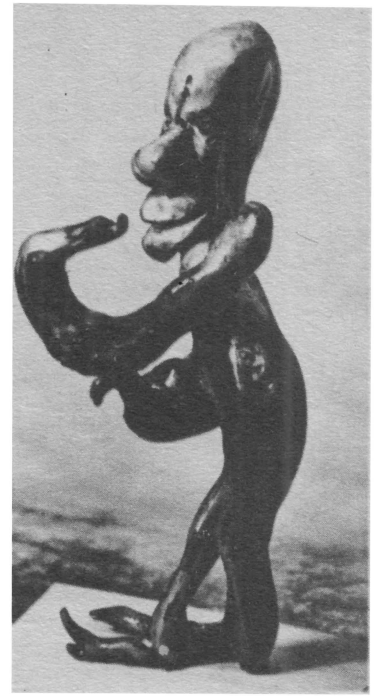
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49,
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Укротительница

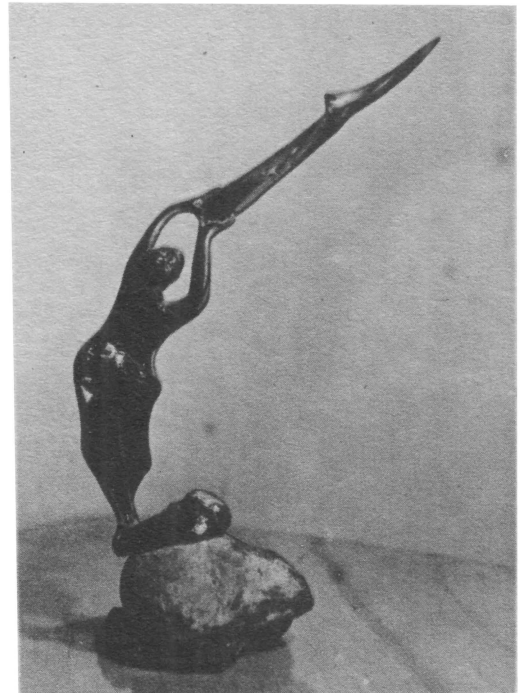
Финальная нота!

Клязник: „Я их теперь вот так скручу!“

Леший

К звездам!